

Напмадья Самсонова

Игрейн. Дедя с надеждою

Annotation

Очнувшись в незнакомом месте, юная беспамятная дева ищет и находит защиту. Но так ли все хорошо на самом деле, и чем придется заплатить за покровительство ковена боевых магов?

Наталья Самсонова

ИГРЕЙН. ЛЕДИ С НАДЕЖДОЙ

Пролог

Кони бешено мчат по узкой дороге. Дождь сплошной пеленой укрывает путь. Кучер с простреленной арбалетным болтом грудью лежит в карете. Тонкие перчатки не спасают мои ладони от жестких поводьев. Кровь пропитывает ткань. Шляпа намокла и слетела с головы, волосы мокрыми змеями рассыпались по спине. Главное успеть, добраться, пока не перехватили. Предупредить. Лошади несут, я уже не управляю ими. Руки печет и никакая сила не способна заставить меня разжать стиснутые пальцы. Говорят страх придает сил. Нет. Мне не придал. Отнимает он силы, истощает магию. Из серой, дождливой мглы вылетела тень. Я успела пригнуться и враг ударил в карету. Раз, другой, третий. Я подгоняю лошадей. Тонкий свист и лошадиная голова отлетает от тела. На шею второй кобылицы попадают яркие пятна крови. Я бросаю поводья и закрываю голову локтями. Истошное ржание второй лошади, треск, боль и темнота.

Глава 1

Подушечки пальцев обжигает холод железных поручней. Мои руки намертво привязаны, и если под запястьями металл нагрелся, то пальцы все еще холодны. Глубоко вдыхаю — вчера я устроила истерику, кричала, плакала, расцарапала кому-то лицо и потеряла сознание. Сегодня я лишена возможности двигаться. Скрип двери, шорох шагов. Негромко позвякивает цепочка. Это колдун. Он спаивает мне горькие зелья, а на цепочке висит академическая бляха. Судя по тому что он еще не снял ее, забросив в дальний ящик стола — закончил совсем недавно.

— Кожа в тонусе.

— В каком она тонусе мы все прочувствовали вчера, — хмыкнул пришедший колдун.

Кто еще здесь?! Я никого не слышала.

— Кошка дикая. Морду Амлауту подрала любо-дорого смотреть, — неизвестный коснулся моих запястий.

— Если отвяжу, полезешь в драку?

— Конечной полезет, Чумной. Не рискуй.

Чумной? Чумной Лекарь, целитель появившийся после Противостояния. О нем шепчутся в альковах юные леди и громко обсуждают матроны. Человек скрывший лицо за страшноватой птичьей маской, тот кто не берет золота за свои услуги. Тот кого практически невозможно найти. Предполагаемый шпион Дин-Гуардира. В ответ на этот поток воспоминаний голова отозвалась коротким приступом боли. Так, словно тонкая, прохладная иголка вошла внутрь и робко уколола. Что-то вроде, «тсс, нельзя». Хрусткий звук — ножницы разрезали бинты притянувшие мои запястья к скобам. Кто-то, колдун скорее всего, поспешно отступил назад. Точно, колдун, зазвенела цепочка бляхи.

— Ну-ну, тише. Леди уже поняла, что не стоит бросаться на людей желающих ей добра, верно? Киваю. Еще вчера я уяснила что голоса у меня нет. Как и зрения. Как и памяти. Собственно, это и спровоцировало истерику.

— Вот и чудно. Рахай, действуй. Тихо! Он просто сгладит твои эмоции, иначе мы не сможем восстановить зрение. Ты злишься, плачешь, смеешься, все что угодно — это повышает давление в глазах. А нам это не нужно. В этом весь Чумной. Он и к королю обращается «твое Величество», ведь спас его после Противостояния именно он. Сейчас живут всего двое людей, кому позволено так обращаться к Кардоргу — Чумной и Амлаут. И вновь тонкая игла напоминает о себе болью. Знают ли мои тюремщики-спасители что я утратила память?

— Я помогу вам встать, пройдите по комнате, чтобы мышцы не превратились в желе. Вас хотел навестить милорд Амлаут. Вы в настроении? Или изволите гневаться? Останавливаюсь. Два вопроса подряд, и как я должна ответить?

— Если согласны, кивните.

Поспешно киваю, и тут же чуть не падаю.

— Я говорил рано. Слишком сильный был удар, — ворчит колдун, и я тут же впиваюсь в пальцами в руку поймавшего меня Чумного.

— Я мало знаю миледи. Если верить характеру травм, вы упали. С небольшой высоты, но удар был силен. Предполагаю вы вылетели из кареты. Как вам это удалось — вопрос отдельный.

Тяжело вздыхаю. Меня преследует кошмар, где из пелены дождя выныривают тени. Они жаждут моей смерти. Кто знает, насколько сон отличим от реальности.

— Кратковременная потеря памяти в вашем случае закономерна. Она будет возвращаться рывками, при сильных эмоциях. Которые на период восстановления зрения вам категорически запрещены. Дверной скрип, готова поспорить, его не услышал никто кроме меня, и аромат теплой, мылкой воды. Шорох и перестук грубых туфель — служанка.

— Леди слаба, будьте предельно аккуратны. Рахай, выйди.

Пусть в комнате остался только колдун, а служанка была одного со мной пола, все равно шея и щеки загорелись от прилившей к ним крови.

— Он спиной стоит, миледи, — негромко шепнула девица. — Вот тучочки я тепленькое подстелила, вставайте. Платье, если это было платьем, упало к ногам. Понукаемая служанкой я встала на мягкую, чуть влажную и очень плотную ткань. Под руки мне подали спинку стула. Девица действовала быстро и сноровисто. Обтерла спину и шею, дважды прошлась подмышками. Между ног, здесь мне кажется я покраснела полностью. Свежее платье пахло лавандой. Подтянув под грудью пояс, служанка усадила меня на тот стул за который я держалась. Шум подсказал мне что она перестилает постель. Запоздалый страх — это в каких я отношениях с Амлаутом, что меня перед его приходом и помыли и переодели и постель перестилают?!

— Ложитесь, леди, я вас прикрою одеялом и открою окна. Запах тут скопился я вам скажу, неприятный. Но это нормально. Пока колдун что-то там ворчал я успела задремать. Чистая и в чистом. Стук закрывшейся заставил меня подскочить на постели. Кто-то вошел или это вышел Чумной?

— Прошу прощения, леди, — негромкий, хрипловатый голос разгоняет тишину.

— Все в порядке. Сейчас ваша задача отдыхать и ни о чем не волноваться. Мое имя Атолгар, маркиз Амлаут, и я гарантирую вашу безопасность. Он осмотрительно держится подальше от постели. Я улыбаюсь, как легко напугать большого и сильного мужчину. Глубоко вдыхаю, принимаю к маркизу и срываюсь в страшный кашель. Паническая мысль напряжении, которое может угробить мое зрение запускает кашель по второму кругу. Я прижимаю к груди руки и изо всех сил давлю в себе спазмы. Сильные руки прижимают меня к крепкой груди. К губам прикладывают прохладное стекло, и я поспешно отпиваю предложенное зелье. Маслянистая жидкость успокаивает растревоженное горло. А я так и остаюсь прижавшись к камзолу Амлаута. Поднимаю руку, рассчитывая ощупать кончиками пальцев повязку, и сердце пропускает несколько ударов. Сильная, мозолистая рука перехватила мои пальцы с такой силой, что я не удержала гримасу недовольства. Мало приятного, когда твои руки сдавливают грубый пресс. Вновь тяну носом воздух, уже аккуратней. Слабый запах табака, освежающая нотка мяты и терпкая, полынная горечь. Курил трубку и освежил дыхание листиками мяты? Возможно. Полынью перекладывают белье, из знатных, но не богат. Изучаю ладони Атолгара Амлаута кончиками пальцев. Пальцы сильные, длинные и грубые. Наличие мозолей говорит о том, что этот мужчина знает за какую сторону меч хватать. Никаких украшений, ни колец, ни браслетов. Ровная и гладкая кожа лица, щетина со щек сбрита начисто. В мягкие волосы приятно запускать пальцы. Кожа скул Амлаута особенно горяча. Смутился и покраснел? Скольжу пальцами по сильной шее. Под челюстью бьется жилка. Прижимаю ее указательным пальцем. Ткань камзола потертая, но была из дорогих. Прохладные, гладкие пуговицы и такие же запонки. На одежде почти отсутствует шитье, исключая привычные защитные руны по краю рукавов.

Дни сменяли друг друга быстро, я просыпалась, глотала горькие зелья, и засыпала ровно на середине очередной байки милорда. Так я узнала, что милорд Атолгар Амлаут глава последнего боевого Ковена двух Динов, и что сейчас он держит строгий нейтралитет между двумя враждующими государствами. Иногда милорд особенно сильно пах костром и жареным хлебом, в такие дни я жадно приноживалась, воображая вечернюю степь и высокие костры. На самом деле, уловить, что за запахи приносит на себе милорд, было сложно. Он редко подходил ко мне, предпочитая сидеть подле постели, изредка касаясь моей руки своей. Иногда заходил колдун, укладывал мне на лоб костлявую, ледяную руку и заглушал просыпающиеся чувства. Он приносил с собой пряный мясной аромат и заставлял пить горькие, вязкие зелья. Следом появлялся целитель, тогда милорд громко объявлял, что выходит за дверь. Целитель откидывал одеяло, низко наклонялся над моим недвижимым телом и, обдавая меня запахом сладкой сдобы, осматривал кожу. Разглаживал пальцами, порой я чувствовала на себе его горячее дыхание.

— Все идет как должно, миледи, — сухим голосом отчитывался целитель. Он был максимально собран и равнодушен, будто бы не его дыхание я чувствовала на своем животе. Очень жаль, что я не могла видеть его, от этого возникало острое чувство неловкости, заглушенное, впрочем, колдовством. Проснувшись в очередной раз, я поняла, что именно сегодня что-то изменится. Баритон Атолгара был как-то особенно резок, да и рассказывал милорд о грамотном устройстве рыцарского замка, после чего поведал, как правильно рассчитать зимние припасы для гарнизона из двадцати боевых магов.

— Я солдат моя леди, — Атолгар замечает мою улыбку, — и приятные истории у меня закончились. Но если хотите, я поведаю вам относительно пристойный вариант знакомства Ковена и островных шаманов. В этот раз я не засыпаю, слушаю, как бойцы Атолгара ходили знакомиться с островными шаманами, приплывшими в первый раз. Сколько переломов и ссадин потом пришлось лечить замковому целителю. Улыбка лезет на лицо, когда милорд рассказывает, что после отплытия кораблей обнаружилась недостача девяти бочек вина. А тогдашнему главе Ковена, деду Атолгара, бойцы отчитались об успешном налаживании добрососедских отношений. И что с тех пор островные торговцы, под присмотром бойцов Ковена, обменивают у селян товары на замысловатые украшения Порыв прохладного воздуха подсказывает мне, что открылась дверь, а громкие шаги представляют посетителя — колдун. Для него не существует такого понятия как приветствие или прощание. Вывалив на собеседника информацию он разворачивается и уходит.

— Дальше нет возможности скрывать ее состояние, — мне чудится, или в неприятном голосе и правда проскальзывают виноватые нотки.

— Ни единого шанса?

— Маркус старался оттянуть момент, но увы, она слишком быстро исцеляется. Быстрее чем должно.

— Не говори об этом, прошу.

Слова западают мне в душу. Слишком быстрое исцеление — я буду видеть и говорить. Слишком быстро? Только бы не отдали на растерзание друидам, очень уж любят добрые старцы отдавать непонятное Богам. Мол, если ваше, заберите, а нет, так подарком будет.

— Кивните леди, если слышите меня.

После осмотра целителя, миледи ожидают в большом кабинете. Сердце на мгновение замерло и забилося испуганной птицей. Вот и сдвинулось дело с мертвой точки. Колдун, поняв, что его слова достигли цели ушел. Но дверь закрыться не успела, легкий аромат

ванили и корицы возвестил о том, что прибыл лекарь. Вместе с ним вошли и три щебечущие о чем-то своем девчонки. Милорд поспешно вышел. Как и в прошлый раз с меня легко стянули платье и поставили на что-то теплое. Оттерли влажной тканью с легким запахом мыла и насухо растерли грубыми полотенцами. Едва свежее платье укрыло меня, заговорил Чумной лекарь.

— Мои поздравления миледи, зрительная функция полностью восстановлена, — шелестит целитель и его горячие пальцы подныривают под край повязки. Щеки касается прохладный металл, и давление ткани резко слабеет.

— Открывайте глаза медленно. Комната затемнена, не пугайтесь. Комната заполнена мягким, сероватым светом. Стены обиты шелком с вышитым незатейливым рисунком. Минимум мебели, постель на которой я лежу, стол, уставленный пузырьками, баночками и неизвестными мне предметами. Рядом со мной Чумной Лекарь.

— У вас изумительна улыбка, леди. Впервые пациентка приветствует меня не перепуганным визгом, — из-за маски голос мужчины изменен, поэтому он кажется сухим. — Девушки, миледи сильно не крутить, упадет — спрощу с вас.

Девушки захихикали, стреляя глазками в сторону целителя. Им было наплевать что скрывается под маской, получить мужа с магическим даром величайшая удача в жизни. Девочки несущие в себе искру магии просватываются с самого детства. Доходит до того, что помолвочный браслет может быть выкуплен у жениха другим, более состоятельным мужчиной. Мне кажется Чумной ждал от меня чего-то. Чего могут ожидать целители в таких ситуациях? Благодарности. Касаюсь его рукава, и едва он поворачивается ко мне лицом, прикладываю сложенные ладони к своей груди, там, где бьется сердце. Затем протягиваю ему.

— Это мой долг, миледи, — после чего разворачивается и, не обращая внимания на девушек, начинает собирать свои принадлежности. И тут же добавляет, — но спасибо что не напали. И когда последняя баночка заняла свое место во внушительном, темно-оранжевом кофре, коротко поклонился, адресовав свой поклон сразу всем. Человек, который сделал себя сам. Он появился после мятежа, спасал раненых, ходил по бедняцким домам и не брал за свои труды денег. Девушки, едва целитель покидает комнату, становятся собранными и деловитыми. Перебрасываясь короткими фразами, они в считанные минуты расчесывают мои волосы и заплетают толстую косу. Платье на мне неприятного, желтого оттенка с узким пояском под грудью, уродует меня. С темной, красноватого оттенка косой и серо-голубыми глазами настолько невнятный цвет не лучший выбор. Тем более что платье велико мне в плечах и жмет в груди. Девушки распускают косу, чтобы скрыть плечи. Волосы перехватывают на лбу лентой в тон к платью, и я отворачиваюсь от зеркала. Это худший из возможных нарядом. Для ступней принесены поветки, тонкие шелковые носочки богато украшенные вышивкой. Это тоже самое что идти босиком по мраморному полу замка. Пока девушки отвлеклись, я подошла к стрельчатому окну. Далеко внизу суетятся люди, подъезжают телеги, носится несколько псов. За стеной виднеется немного зелени, и крыши домов, спускающиеся вниз. Должно быть я в одной из башен, иначе вид из окна был бы иным.

— Вы настоящая красавица, — с искренним сомнением произносит старшая из служанок.

Я вежливо киваю. Мы обе понимаем, что невозможно за несколько минут из болезненной женщины превратится в писаную красавицу. Особенно, если в наличии только

платье из чужого гардероба. Я устала. Прошло меньше часа с того момента как я встала на ноги, а мне уже хочется лечь обратно в постель. Но увы, мне показывают на дверь — там ждет меня Атолгар и придворный колдун, провожать в таинственный большой кабинет. Сказали бы уж где я нахожусь, поганцы. Открыв двери, замираю. В коридоре стоят двое мужчин, Атолгара я узнала сразу. Высокий и широкоплечий он похож на иллюстрацию к балладе о воинах. Светлые глаза и русые волосы, приятное лицо. Он не красавец в известном смысле, но ничего отталкивающего в его облике нет. Одет просто, штаны, высокие сапоги, рубаха и плотный воинский жилет. На бедре пристегнут кинжал, левую руку украшает магический браслет-накопитель. Милорд Амлаут подает мне руку, и колдун смеется.

— Решил приручить ее?

Милорд выразительно смотрит на разговорившегося колдуна и тот затыкается. Колдун классически красив, длинные волосы перехвачены лентой, чистая бледная кожа, темные глаза, породистое лицо. Но все вместе создает отталкивающее впечатление. По ногам гуляет ледяной ветер, при каждом шаге я поджимаю пальцы, стараясь хоть как-то согреть ступни. На встречу нам попадается слуга в ливрее королевских цветов Дин-Эйрина. Все же очень удивительная у меня потеря памяти — ничего личного, но все нужное со мной. Я спотыкаюсь и падаю на колени, липкий страх волной поднимается во мне. Кругом меня враги, мне нужно бежать, спастись! Рядом со мной мгновенно оказывается колдун, резко прижимает ладонь ко лбу и волна эмоций пропадает, словно пролитый сироп со стола тряпкой стерли. Разводы остались, а основная масса в помоях. Так и я, помню, как мне было страшно, но не понимаю, почему. Атолгар подхватывает меня на руки, аргументируя это тем, что не может позволить даме разбить голову о каменные плиты королевского дворца. Мне неловко, вот только ощущение надежных рук безумно знакомо. Не раз и не два носил меня маркиз, сильно прижимая к себе. На самом деле, слишком сильно. Но что-то внутри меня подсказывает — это его постоянная манера. Коридоры королевского дворца отделаны разными сортами мрамора, в нишах, подсвеченные магическими огоньками висят портреты. Через равные промежутки стоят изумительные скульптуры, время от времени появляются рыцарские доспехи. Наш путь оканчивается у помпезных, двустворчатых дверей. Два стражника преграждают нам путь, но Рахай показывает одному из них серебряную академическую бляху и перед нами распахиваются створки. Так вот почему он всегда носит ее с собой. Один из стражей проходит следом за нами. Просторный кабинет пронизан светом от четырех стрельчатых окон. Подле одного из них стоит высокий, худой мужчина. Его плечи будто гнет печаль и грусть. Пустующий стол завален бумагами, из чернильницы торчит простое, обкусанное по краю перо. Маркиз осторожно опускает меня на пол и я ежусь от ощущения холода. Я приседаю в реверансе. Династия Кардоргов сделана по одному лекалу — высокие, худые, все как один обладатели малоприятных черт. Раз за разом мужчины берут за себя прекраснейших женщин, получая не симпатичных детей. Одарив нас монаршим приветствием, Его Величество садится за стол. С отвращением отодвигает от себя чернильницу, и откидывается на стуле. Он пристально изучает меня, запуская по коже табун мурашек. Из-за стеллажа выходит невысокий, седовласый лорд. Его камзол пошит из дорогой ткани и украшен костяными пуговицами. Он кланяется нам, и краем глаза я вижу, как Атолгар начисто игнорирует это его движение. Нам присесть никто не предлагает. Седой милорд отходит к окну у которого стоял король. А я опираюсь на подставленный милордом локоть. От слабости кружится голова, да и дышать тяжело. В это же время Рахай скупо описывает весь процесс моего лечения.

— Так же, в течение трех-четырех дней желательнее не называть миледи по имени и роду, это рекомендация Чумного, — колдун пожимает плечами, — ничем не подтвержденная. Король молчит, он выглядит не слишком хорошо. Под глазами пролегли тени, скорбная складка у губ. Он явно пребывает не здесь и не сейчас. Вступает в диалог его помощник.

— Правильно ли я понимаю, что имел место некий ритуал?

— Он был мной санкционирован, лорд Дирран, — бросает король.

— Ритуал был простой, из первого круга, — склоняется Рахай. — Отсюда и проблемы с памятью — травма наложилась на свежие магические следы. Ритуальный круг осмотреть не удалось, — здесь колдун мнетя и быстро перескакивает на другую тему.

Лорд Дирран пристально смотрит на мою руку, покоящуюся на локте Атолгара. Он превосходно держит лицо, но глаза выдают все его неудовольствие. Возможно, у милорда есть ревнивая невеста из рода Дирран?

— Что ж, — король с явным удовольствием подводит точку этой странной, нелепой встрече. — Я рад видеть, что миледи оправилась настолько, чтобы отбыть в маркизат Амлаут. Надеюсь, Атолгар, ты возьмешь на себя все хлопоты по содержанию юной леди?

— Разумеется, твое величество.

Говорят, как о породистой собаке, содержатели. Только я не верю ни единому слову этого насквозь фальшивого диалога. Атолгар не удивлен тем, что я его «забота». Он спокоен, соглашается, он точно знал, что произойдет дальше. Когда бы не решилась моя судьба, это явно было не сегодня.

— Леди, вы согласны быть гостьей в моем доме?

— Атолгар внимательно смотрит мне в глаза. У меня все же спросили мнение. Склоняю голову, словно обдумывая предложение. Мне не дает покоя тот шепоток, почудившийся на самой грани слуха. Что-то о том, что мое доверие будет безграничным. Но вот к кому и почему мне услышать не довелось.

— Я пришлю в твой дом придворных менестрелей, леди не придется скучать.

— Благодарю, твое величество. Лорд Дирран подходит к двери и выразительно ее распахивает. Вдвоем с Атолгаром мы покидаем кабинет, следом выходит Рахай, страж выходит следом за нами и занимает свое место в карауле.

— Я доставлю вас в маркизат, — с тенью неудовольствия произносит колдун и маркиз кивает. Едва мы покинули королевский кабинет, как Атолгар снова взял меня на руки. Длинные, узкие, каменные переходы сменяются прозрачно-воздушной галереей. Бросив только один взгляд на захватывающую дух красоту, прячу лицо на груди маркиза. На его плечах останутся синяки от моих пальцев, а видение бездонной пропасти за тонкими перилами будет мне сниться в кошмарах. На самом деле за тонкими перилами превосходный вид на лежащий внизу город, но я не хочу присматриваться.

Милорд остановился, спустил меня на пол, но из надежного кольца рук не выпустил. Рискую оторвать лицо от его пахнущей табаком и мятой рубахи. Ищу взглядом портал, ничего особенного, темная воронка, закручивается... Вот дела, прямо на краю крепостной стены — они хотят нас скинуть? Если я сейчас устрою истерику и окажусь туда шагать, что будет? Ничего хорошего, скорее всего. Увечной леди пойдут навстречу и оставят во дворце. Милорд понял, что одна я в портал не шагну — прижал меня покрепче к себе и велел закрыть глаза. Гул в ушах, ледяной ветер, и вот, ступни ударились о плотную, прохладную поверхность.

— Надеюсь, в моих услугах более нет нужды? — устало осведомился Рахай, но открывать глаза я пока не спешила. Без меня разберутся.

— Благодарю, вы можете быть свободны.

Мы вновь стоим на высоте — маркиз придерживает меня за локоть, покуда я осматриваюсь. Но здесь перила гораздо мощнее, они словно излучают уверенность и силу. Небольшая прореха — для порталного хвоста. Каменная площадка облагорожена заботливой женской рукой — срезанные букеты в вазонах, живые цветы и кустарник в кадках. Красные, выложенные плиткой стены, и черный мрамор пола превосходно смотрятся после багряно-золотого безобразия дворца. Милорд Амлаут не спешит уводить меня внутрь строения, и краем глаза я замечание мощные, стремящиеся ввысь башни. Настоящий замок, готовый к обороне в любое время дня и ночи. Мы отходим от порталных кругов к изящной, узкой скамейке, на которую меня и усаживают. Сам милорд опускается на одно колено и замирает.

— Вы были моей гостьей миледи, ранее, — разговор словно вытягивает из маркиза силы. Он хмурится, берет мою правую руку и прижимает к сердцу, — я многого не могу открыть вам, миледи. Но я приложу все силы...

Проклятые духи, я боец, а не болтун-дипломат! Сжимаю пальцами сильную, мозолистую ладонь, знакомую до последней трещинки. Так или иначе, все что могло уже произошло в нашем прошлом. Меня разрывает надвое, я хочу утешить этого большого и потерянного мужчину, и одновременно не хочу его видеть.

— Каждое утро служанка будет предоставлять вам зелья, возможно, они вернут вам голос. Зелья готовит замковый целитель, по рецепту Чумного Лекаря. Об остальном, если позволите, мы поговорим когда к вам начнет возвращаться память, — Атолгар оставляет попытки объясниться и переходит на сиюминутные моменты.

— Помолвка? Доброе утро Иг...

— Нет! — маркиз взмахом руки приказывает подошедшему мужчине умолкнуть.

— Прости Харт, сейчас объясню. Леди утратила голос и память, поэтому я и послал тебе вестник, за ней нужно присмотреть по началу. Познакомьтесь леди, перед вами мой друг и соратник, дор Кевин Харт. Харт, в силу определенных причин, леди пока не должна слышать своего имени. Склоняю голову, воин заковыристо ругается, огребает тычок под ребра от своего сюзерена и витиевато извиняется. Иголочки-эмоции покалывают меня все сильнее — последнее воздействие Рахая сходит. Главное, оказаться в одиночестве, когда цунами чувств накроет меня.

— Что ж, леди, позвольте быть вашим проводником в новом-старом доме, — дор Харт обаятельно улыбнулся и подставил мне локоть.

— Наши дамы посвятят вас во все личные тайны каждого жителя земель Амлаут — они те еще сплетницы.

— Леди нужно переодеть, — Атолгар внимательно вглядывался в мое лицо. Переборов некоторое стеснение, чуть приподнимаю подол, показывая ступни. — И переобуть.

Друг и соратник Кевин Харт удивленно посмотрел на шелк, заменяющий мне башмаки, и хмыкнул:

— Вот поэтому высокородные леди долго и не живут.

— Харт! Простите моего друга леди, он неотесанный солдат.

— Как и ты, Атти, как и ты. Я улыбнулась и кивнула, верно, однако, с мнением Харта я полностью согласна. Никакого здоровья не хватит, если гулять в шелковых носочках по

замку.

— Следуйте за мной, леди, — посмотрев в широкую спину Атолгара, стремительно покинувшего нас, перевожу непонимающий взгляд на Харта. Боец пожимает плечами, — сам не знаю. Замок маркиза Амлаут не поражает контрастом между великолепием и серостью каменной кладки — все проще. Здесь только каменная кладка и редкие, деревянные панели, долженствующие украшать действительность, но на деле создающие удручающее впечатление.

— Раньше вы морщили нос и отворачивались, — хмыкнул дор Харт. Еще бы, учитывая, что под этим великолепием наверняка уже развелась живность.

— Ваши покои, леди. Угг, Фрай, занять караул, — зычно крикнул дор Кевин Харт, и коротко поклонился мне.

— Придется некоторое время поскучать. Портной придет так быстро, как сможет.

— Как протрезвеет. Но вы не пужайтесь, миледи, он мастер-то справный. Пьет просто по-черному.

— Фрай! Простите его леди, он просто... Беззвучно смеюсь, знаю, что хотел сказать дор Харт — «он просто неотесанный солдат». Похоже, что в этом замке иного вида мужчин и не предусмотрено. Уж, не на беспокойной ли границе я оказалась?

— Ваши покои, — с нажимом повторил боец и я, вежливо склонив голову, проскользнула за массивные створки.

— А почему миледи в ткань завернута?

— Мерзнет, нешто твоя жена не мерзнет?

— Так ведь раньше то, ходила, тока носик красным отсвечивал, и на все: «благодарю, не стоит беспокойства», — голос Фрая звучал как из бочки.

Вот кто целый кладезь информации обо мне прошлой. Бегло осматриваюсь, будуар выглядит жилым. Меня поселили в чьи-то покои? Вряд ли. Значит все это следы моей прошлой жизни. Что же мы имеем? Пол покрыт тонкими половичками — по ногам ощутимо тянет холодом, большое ростовое зеркало, два узких окна-бойницы, широкая постель с балдахинном, туалетный столик с зеркалом и десятком ящичков, изящное креслице и узкая дверь. За ней утопленная в полу ванна, и вычурный стул с дыркой вместо сидения — известно зачем.

Выглядываю из дверей и жестаи пытаюсь объяснить мужчинам что же мне от них нужно. Через десять минут мучений и нелепых предположений, бойцы, наконец, хором догадываются, что госпожа хочет отмыться, и клятвенно заверяют меня, что вот сей миг, и служанки натаскают воды. Что замковый маг позже устроит мне постоянный доступ к горячей воде, но пока он очень сильно занят.

Я глубоко выдыхаю, выдавливаю из себя улыбку, и закрываю дверь. В ожидании служанок наматываю круги по комнате, словно озверевшая рысь. Хочется искать, бежать, вынюхивать, подслушивать. Делать хоть что-то, подстегнуть свою память — я уверена, что нахожусь в опасности. Вот только кто желает мне смерти? И смерти ли...

— Какое платье приготовить для леди? — голос долгожданной служанки едва не заставляет меня подскочить. Усилием воли давлю панику, и корчу недовольную мордашку. Что-то вроде, будь добра пошевелить своим крошечным мозгом и принять верное решение самостоятельно. Волосы мне помогают промыть, и воду трижды приходится менять. Если я только и делала, что лежала в постели, а до того всего лишь прокатилась в карете, почему вода с моих волос настолько мутная?

— Прекрасные волосы, леди, — за спиной раздался новый голос, и служанка, втиравшая в мою голову ароматную мазь, тихо охнув, ушла. Замираю в неудобной позе, из всех возможных вариантов — этот худший. По мылкой шее скользят огрубелые пальцы, надавливают, будто примериваясь.

Внутри меня разливается холод, страх пополам с обидой, ведь мне обещали безопасность! Собираю решимость в горсть, и тут же бездарно выдыхаю драгоценный воздух — на мои плечи надавили с невероятной силой, и я с головой ушла под воду. Бьюсь, бешено, дико, выныриваю лишь на несколько драгоценных секунд, хватаю глоток воздуха, и меня вновь окунают в воду. Я простилась с жизнью, честно. И только тогда получила свободу.

— Тебе здесь не рады, леди. — И «леди» прозвучало как изысканная насмешка, как клеймо продажной женщины и величайшего из подлецов одновременно.

Пальцы все еще стискивают мою шею, цепляюсь руками, выворачиваюсь, кашляю и снова оказываюсь под водой. Но руки уже исчезли, подобно пробке из винной бочки я выныриваю, и бешено озираюсь. Вижу лишь закрывающуюся дверь и подол женского платья. Вода из ванны выплескивается на пол. Только мне до того дела нет — я кашляю, раздирая горло таким вкусным, таким необходимым мне воздухом. Глубоко вдыхаю и выдыхаю, горло саднит, скорее, стереть с лица пленку мыла и слез, изгнать чужие прикосновения. Спокойствия хватило ненадолго.

Вцепившись руками в бортики купальни, я рыдаю в голос. Рыдаю так, как не приходилось никогда. Сглатывая горький, болезненный комок, я трясусь как желе. Я и есть желе, не человек, не личность, желе без памяти, без возможности защититься, без дома и родни. Осознание своего положения накрывает меня новой волной истерики. Вода остыла, мыло неприятной пленкой стянуло кожу. Обливаюсь холодной водой, и насухо вытираюсь полотенцем. Вытираюсь так, что кожа алеет и горит, вытираюсь, пытаюсь стереть прикосновения убийцы. Будь у меня голос, я бы уже кричала. Но, слава Бригитте, голоса у меня нет.

Что за идиотка вломилась ко мне в мыльню я выясню сама. Почему идиотка? Потому что Атолгар взял на себя обязанность хранить и защищать меня. И моя смерть в его владениях принесет огромный урон всему Ковену. Кто купит контракт у человека, который в собственном доме не уследил за подзащитной? Никто. Чем бы еще себя утешить? Нечем. На крючке висит светло-синее платье, надеваю, подпоясываюсь и выхожу. В комнате никого нет. Давлю в себе желание простучать стены — все равно не знаю точно, как и чем отличается полая стена от цельной. Настороженно оглядываюсь — никого нет. Быстро, чутко прислушиваясь к каждому шороху, перерываю комнату. Я заглянула в каждый ящичек, но они оказались пусты, даже пыль была протерта. Уж не отсюда ли я умчалась? Ни под подушкой, ни под кроватью не осталось ничего, что могло бы пролить свет на мое состояние. Грустно, но ожидаемо. В самом деле, я не оставила бы ничего, что могло меня скомпрометировать, а остальные бесхозные вещи наверняка прибрали слуги. Опускаюсь в креслице, да, уютно. Откидываюсь на спинку, и понимаю, что вместе в ванной комнате вместе с истерикой вышло и скопившееся напряжение. Что ж, скажем спасибо неведомой посетительнице. Сразу два бонуса — теперь я точно знаю, что уже была здесь, шквал моих эмоций остался никем не замеченным. На веки наваливается тяжесть, вот ведь, столько времени лежала, а организм вновь требует отдых. Заползаю под тяжелое одеяло, сворачиваюсь уютным комочком, и зеваю. Глаза чешутся, во рту пересыхает, я хочу спать. И не могу, страх душит, бросая в противный, липкий пот. Забываюсь тяжелым, темным сном,

чтобы вынырнуть из его глубин, с иступленно колотящимся сердцем и ощущением мыльной воды на языке.

Сползаю под одеяло вновь, не стоит поддаваться панике. Смерти мне не желали, это факт. Унизить, оскорбить, посмотреть на реакцию. Голос легко узнаваем, хочет узнать буду ли я на нее жаловаться. Устраиваюсь поудобнее и пытаюсь примерно представить, что же мне теперь делать? Узнать, кто я и как здесь оказалась. В прошлом, кто я маркизу, куда ехала, и откуда берет корни мой род. Сон смежает мне веки, и я расслабленно выдыхаю.

Мне приснился странный сон. Я пила чай в обществе человека, чье лицо было скрыто капюшоном. Меня потряхивало от страха и гнева, а он сочувственно сжимал мою кисть. Из сна я выныривала с четким ощущением, это мои воспоминания. Но что могло быть такого важного в простом чаепитии? Почему не мать или отец пришли ко мне во снах, а чужак, скрывающий свое лицо?

— Ну что ты за человек? Леди спит, обожди, — ровно гудел Фрай.

— Неотесанный солдат, сначала вы нарушили мое уединение, а теперь обожди? Сейчас или никогда! Я творец!

— Не богохульствуй, Творец с тебя за это спросит, — укорил своего собеседника боец.

— Великие Боги, Фрай, я творец красоты и изящества, портной, ужель ты думаешь, что создавая этот мир, я создал бы тебя? Нет уж, веди меня к миледи, ты, венец несовершенства. Глубоко вдыхаю и сажусь. Познакомимся, творец прекрасного?

— О-о-о, леди обладает самыми прекрасными глазами на этом свете! Темная синева грозowych небес, каштановый шелк волос! Здесь есть с чем работать!

Подталкиваемая тощим и высоким портным к зеркалу, пытаюсь понять, как мое серые, голубоватого оттенка глаза, можно так поэтично обозвать? Заглядываю в зеркало и удерживаю улыбку только силой воли и ужасом, сковавшим все тело. За несколько часов глаза сменили цвет на насыщенно-синий, скулы чуть заострились, неуловимо изменился овал лица. Что со мной будет дальше? Так, моя драгоценная, что-то часто ты начала впадать в панику. Вот как цвет волос сменится, так и поплачем, ночью, в подушку.

— Давно я хотел добраться до кладовых милорда, — портной оценивающе осмотрел меня и жестом велел раздеться. — Да только никак он не женится. А ведь для своих женщин у Амлаутов лучшие вещи, да-да. Выменяны у островитян, шелка и бархат. Непривычные, яркие цвета. Эх, жаль дурная слава попереди Ковена бежит. Нет желающих жить между двух враждующих народов.

Стало неприятно. Ничего плохого портной не сказал, но ощущение от его слов неприятным осадком легло в душу.

— Одного у них не отнять — запредельная честность, верность слову и своим людям-портной цокнул языком. — Для своих маркиз Амлаут надежней крепостной стены будет. Вот и все, миледи, мерки я снял, ткани подберу сам. Если вам не понравится — разрешаю надеть мне на голову горшок, — поклонившись, портной выскакивает за дверь.

Провожая его задумчивым взглядом. Что это сейчас было? Мне ненавязчиво посоветовали стать для Атолгара своей? Судя по комнате, я уже была не чужой в этом замке, и что-то добра это мне не принесло. Заглянувший в приоткрытые створки двери Фрай, сообщает, что ужин подадут в мои покои — маркиз Амлаут чрезвычайно занят и компанию составить мне не сможет. Но если леди желает, можно накрыть стол в парадной гостиной. Леди не желает. Ничего не желает.

Глава 2

На руке бантом завязана длинная лента, и чтобы лоскут не попал в огонь приходится неудобно изгибать запястье. Пламя неохотно лижет тонкие, молодые яблоневые ветви. Безжалостно срезанные, постепенно обугливающиеся на ритуальных кострах, они призваны символизировать то, насколько разной может стать судьба девицы после замужества. Усыпанные цветами деревья это полные семьи, дети и внуки, черные, закопчённые ветви в грубых глиняных вазонах — вдовы, и матери схоронившие сыновей. В Ковене вовсю празднуют Свадебную неделю — яблони украшены бусами, это подношения от замужних женщин и лентами, это призыв незамужних девиц. Для каждой соткана особая лента, с причудливыми завитушками имени. Девушки старательно вышивают имена, добавляя крохотный бисер.

На моей ленте простыми чернилами выведены инициалы, дань традиции и ничего более. Да и не собираюсь звать своего суженного. Любовная неделя стирает сословные предрассудки, сын кузнеца берет в жены дочь лорда, и никто не смеет возразить. Ни отец, ни мать против не пойдут. Другое дело, что от рода отлучать, ну так с любимым и в хижине сладко да гладко. Плохо что на этой неделе никто из девиц кос не плетет, мою гриву треплет ветер, и чувствую вечером не мало волосков падет смертью храбрых, пока Сабия будет разбирать колтуны. Я не жду любовного чуда, мне бы со своими чудесами разобраться.

— Отчего я не вижу вашей ленты среди других? У нас хватает храбрецов, готовых рискнуть ради дамы, — грубоватый женский голос, раздавшийся из-за спины, бросил меня в пот. «Тебе здесь не рады, леди». Разворачиваюсь, осматриваю противницу, высокая, худощавая, оголенные по локоть руки усыпаны веснушками. Она не выглядит сильной. Вопросительно поднимаю брови, предлагая представиться.

— Миледи Лидда Терцис, — она изображает вежливый поклон, подчеркивая свой статус замужней дамы, словно мне не достаточно того, что ее волосы собраны в тугий пучок. — Позвольте вашу ленту.

Не дав мне возразить она одним движением сдергивает с моей руки ленту. Кожу обжигает болью, но я удерживаю лицо. На тренировках доставалось и сильнее. Вслед за воспоминанием-ощущением в виски ударяет уже привычной болью.

Терцис пропускает ленту сквозь пальцы, вздергивает брови глядя на ровную, чернильную вязь инициалов.

— С вами не поделились нитками для шитья? Печальное упущение, — с этими словами она отходит. Я догоняю ее, и коснувшись плеча протягиваю ладонь. Она вглядывается в мое лицо, и хмыкнув, возвращает ленту. Не затягивая подхожу к глиняному вазону и выхватываю черную ветку. Крепко увязываю ленту вокруг — без бантов, просто на узел. Так, что можно срезать, но не развязать. С легким полупоклоном протягиваю результат миледи.

— Не лучший способ поблагодарить Богов за защиту, — пренебрежительно отвечает Терцис и мягко укладывает мертвую ветку в траву у корней живого дерева. — Вы не первая. Спустя несколько часов, когда моя кожа и волосы пропитались запахом костра, а подол платья несколько раз начинал тлеть, Терцис обрадовала нас долгожданным отдыхом.

— Время для чаепития, дамы. Стол уже накрыт. Вместо стола использовался огромный древесный ствол, располосованный надвое. С боков его подпирали толстенные чурбачки. Срез был тщательно выструган и покрыт лаком. Даже не представляю какое явление

природы могло сотворить это чудо, заботливо облагороженное человеческими руками.

— Мой супруг возжелал произвести впечатление на юную селянку, и вот, у нас теперь есть уличный стол, — с усмешкой произнесла Терцис.

— Да, милорд Терцис сильный боевой маг, сильнее только маркиз Амлаут, — с придыханием согласилась немолодая женщина.

Я с ней уже была немного знакома, она помогала сбить пламя с загоревшегося подола платья. После чего я оказала ей такую же услугу. В ее каштановых с проседью волосах запутались яблоневые лепестки.

— Побойся богов, Лихара, Атти скоро начнет от тебя шарахаться, — расхохоталась Лидда. У меня не возникало желания принять участие в беседе. Я прислушивалась, запоминала имена и слабости, вроде тех что Лидда Терцис любит жаренные орехи и не терпит сладостей. Жены и дочери бойцов гарнизона Амлаут, каждая из них ценнейший источник информации. Так по оговоркам и обмолвкам я поняла, что Ковен сильно потратился и ближайшие годы придется подтянуть пояса. Что молодым парням сложно найти жен. Слишком давно не вливалась свежая кровь. У эльфов что-то происходит и они по мелочам пакостят, будто прикрывают что-то большее. Дора Касия Харт, жена дора Харта выглядит больной, отчего Терцис предлагает ей вернуться в крепость. Но женщина нервно отшучивается, и переводит разговор. Ее сын собирается участвовать в турнире, чтобы получить право зваться милордом.

— Что толку оттого, что я миледи, — неприятно хохотнула Терцис, — если отходы свиньям все равно мне выливать приходится? Хотя конечно, можно нацепить башмаки с лентами, да кружавной передник.

— Что-то я не заметила, чтобы ты отказывалась от лент и башмаков, — фыркнула Лихара и на этом разговор увял. Касия продолжила вертеть в руках платок, до тех пор пока не порвала его. Спрятав испорченную вещь женщина вцепилась в чашку, и замолчала. Едва щербатые и разномастные чашки опустели, а подсушенное печево было ополовинено, миледи Терцис приказала начать работу. Подчиняться неприятной женщине, собственной несостоявшейся убийце было противно, но я улыбнулась и вернулась к своему костру.

До самого вечера время пролетело незаметно. Я чутко прислушивалась к долетавшим до меня репликам и старательно откладывала их в памяти. Женщины обсуждали своих мужчин, так я узнала, что недавно закончилась довольно крупная заварушка на границе королевства. И что милорд Амлаут и его Ковен стали настоящими героями. И что в той заварушке погибла почти вся правящая династия одного из Динов.

— Правда обыватели теперь боятся нас пуще адских духов, — тут же прибавила Лихара. — Ой, Лихо, а когда они боевикам хвосты не приписывали? Сильных и независимых всегда будут бояться, — незнакомый голос, чуть скашиваю глаза и запоминаю молоденькую девчонку. Ее волосы плотно утянуты в узел, как и у остальных замужних дам. И она явно гордится своим статусом замужней дамы, допущенной в этот узкий, ядовитый круг. Это понятно по тому, как часто она поправляет свою прическу, демонстрируя простенький брачный браслет.

— А ведь маркиз Амлаут королю в верности не клялся, — задумчиво произнесла миледи Терцис и бросила на меня выразительный взгляд.

А я все равно тупая, как пробка. Ничего не понимаю, плохо слышу, не говорю — инвалид, меня только пожалеть остается. Ужин накрыли там же, на разрубленном вдоль бревне. Замужние женщины уходили на всю ночь в Божий Сад, просить богов и богинь

даровать будущим молодоженам простую и счастливую жизнь. Незамужние же девы провожали дам до капища, и, оставив сплетенные по пути венки, возвращались в свои дома. Путь туда и обратно пролегал в абсолютном молчании. Поздним вечером я сидела в своем уютном креслице, прислушивалась к едва слышному дыханию своей служанки, и бездумно перелистывала ветхие страницы очередной любовной баллады. Прекрасная дева, не дождавись своего рыцаря, выходила замуж за колдуна. Мужчину было искренне жаль — нрав у девы был преотвратнейший, и капризы сыпались на седую голову злодея как из рога бездонной корзины. Служанка заворочалась и я прикрыла ладонью листы, подавляя раздражение. Личная служанка, бойкая и целеустремлённая девица по имени Сабия, появилась у меня только сегодня. И это первая ночь, которую она проводит в моих покоях. Сабии слишком много. Она вертится вокруг меня, постоянно болтает, жалуется на свою товарку Нидду. Заглядывает мне в лицо и просит улыбаться в знак того, что все хорошо.

Одно хорошо, с появлением девчонки мужчин от моих дверей убрали. Теперь у меня другой надзиратель. Именно Сабия поведала мне что маркиз проводит Любовную неделю вне Ковена. И что именно в этом году он изменил своим правилам и остался. Что девицы привязали шесть лент подле его покоев, отчего миледи Терцис громко ругалась. И повелела выпороть дур розгой.

Успокоившись, чему поспособствовала воцарившаяся тишина, возвращаюсь к чтению. Переворачиваю страницу, рыцарь, израненный, но с букетом горных эдельвейсов, преклоняет колено перед своей неверной возлюбленной, обещая все простить. Дева в замешательстве, у колдуна как-никак свой замок и доход — злые дела неплохо оплачиваются. А нищий рыцарь диво как лицом хорош и телосложением не обижен. Судя по гравюре, колдун скрестил за спиной пальцы и готов отписать половину земель, если рыцарь заберет свою возлюбленную.

За пределами моей комнаты что-то происходит. Внутри меня словно просыпается Проклятый дух — нестерпимо хочется выйти, узнать, что происходит и остаться незамеченной. Шаль, теплые носочки — чтобы не топтать грубыми башмаками, я готова. Я тень, легкий сквозняк, не более чем мираж на грани сна и яви. Избегаю неверного света факелов, и жадно вглядываюсь в смутные фигуры впереди. Тонкий женский силуэт гнется, льнет к крепкому, широкоплечему мужчине. Ближе ко мне, перекрывая время от времени их фигуры, плотный стожок — пожилая женщина в простом платье. Старуха идет странно подергивая плечами, будто руки трясутся. Нет, младенческий плач быстро расставляет все по своим местам. Яркий магический светильник освещает всю компанию. Маркиз Амлаут, смутно знакомая девица — косы распущены, и старуха. Обе женщины плакали. Атолгар привлекает к себе леди, прижимается губами к макушке и та заходиться громкими рыданиями. Что происходит, вроде живы все?

— Ребенка следует оставить на милость богам, — женский голос сух, она не слишком переживает.

— Ваши слезы ранят мое сердце, миледи, — отзывается Атолгар. — отчего вы так поздно пришли?

— Вы позволите воспользоваться вашим Лекарским Покоем? — будто не слыша настаивает леди.

— Прошу, миледи, — в голосе боевого мага появились сочувствующие нотки. Тенью скольжу следом. Что они хотят найти в лекарском покое? Даже я знаю, что целитель Альбод, гордость крепости Амлаут, отбыл в деревню? Малышня насобираала в лесу трав, по

примеру матерей, и заварила с них чай. Никто не умер, но работы целителям и знахаркам добавили. Вот и замковый лекарь отправился проконтролировать все происходящее.

Укрываю шалью лицо, чтобы глаза не блеснули отблесками света. Я ожидала зычного голоса милорда, требующего подать ему целителя или на худой конец его знахарок-помощниц. Но вместо этого, в полной тишине, они вышли из покоя, оставив там младенца. Одного. Атолгар утешает безудержно рыдающую леди, старуха бормочет какие-то молитвы. А ребенок один, в холодном и пустом лекарском покое. Они в своем уме? Провожая взглядом удаляющуюся процессию, и просачиваюсь внутрь. Куцая память стучится в виски болью — покой выглядит так, как ему и положены. Полки на стенах заполнены лекарскими принадлежностями. Четыре треноги с угольями, на которых тлеют ароматные травы. Источник чистой воды журчит в каменном желобе. В центре комнаты плоский алтарный камень. За ширмой в углу должны быть узкие лежанки, но мне не это интересно. Добрая мать оставила своего посиневшего от рыданий сына совершенно голеньким на ледяном камне. Не знаю, чем болен малыш, но к утру его добьет холод. Посылаю укоризненный взгляд ликам Богов взирающих на меня со стен. Как вы допустили, жестокосердные?

Решительно отдергиваю в сторону ширму, есть, лежанки. Снимаю с плеч шаль, да так, что заколка срывается с косы и звенит по полу. После подберу. Заворачиваю ребенка в шаль и чувствую, как припекает самое сердце. Магия скользит от сердца к рукам и уходит в хрупкое, ледяное тельце. Этого мало, малыша нужно отогреть чем-то большим чем случайное колдовство. Неизвестно еще, на что пошла моя сила. О таких случаях, спонтанного исцеления, известно слишком мало. Укладываю мальчика на лежак, подхожу к полкам. Так и есть, глубокий таз. Согреть его не проблема. На полках нахожу смесь трав от простуды. Такому маленькому нельзя принимать зелья, но можно искупать в слабом отваре. За делами и заботами едва успеваю заметить, что шебутной, отогревшийся малыш едва не упал со своей постели. Подкатился слишком близко к краю. «Вот и славно. Водичка уже поспела, сейчас мы тебя помоем-отогреем, целителя Альбода дождемся и все то у нас будет хорошо». Тщательно проговариваю про себя слова, будто малыш может меня слышать, будто я могу говорить. Купаю ребенка до тех пор, пока вода не начинает остывать.

В лекарском покое достаточный запас простыней, хватает и чтобы вытереть мальчика и чтобы запеленать. Сверху укутываю его своей шалью и укладываю обратно на постель. Какие могут быть причины, чтобы оставить ребенка умирать в одиночестве? «Где ж ты так нашкодил, малыш? А главное, как? Не нужный ты, мелкий, как пить дать, не нужный». Ложусь рядом с ребенком, и ему теплей и мне легче. Сон приходит неспешно, и я упираюсь ладонью в лежанку, чуть подвернув локоть. Это не даст мне придавить ребенка.

Проснулась я от легкого прикосновения к плечу. Рядом стоял целитель Альбод. Растрепанные волосы, так будто со сна он не соизволил причесаться и вмятина на щеке от подушки.

— Согрейте чай, миледи, я осмотрую ребенка, — негромко произнес он.

Слуги лишней раз не заходят в лекарский покой. Надо же, ночью я этот закуток и не рассмотрела. Столик и три пуфа, точно, я слышала у целителя есть две помощница. Закряхтел заплакал ребенок, раздалось еще несколько голосов.

— Отнесите младенца кормилице, после снова ко мне. Целитель был взбудоражен. Тонкие, нервные пальца обхватили стенки чашки. Пытливый взгляд искал на моем лице тайны мироздания.

— Это невероятно, миледи, — отпив глоток он отставил чашку в сторону. — Это просто

невероятно. Мое имя Альбод, я — замковый целитель.

Я киваю и пытаюсь жестом показать, что уже слышала про него. Целителя явно берет оторопь от моих жестов, но он резко встряхивается и возвращает мне кивок.

— Остаточные следы крапинки, я с таким еще не сталкивался, — Альбод запустил обе руки в вихры. — Благословение Богов, не иначе. А, и вот.

Передо мной на стол легла заколка. Ох, я бы и не вспомнила. Как почти забыла про оледеневшие ноги. Тру ступни друг о друга, и целитель, как-то мягко улыбнувшись, опускается на колени.

— Не пугайтесь. Ногам становится почти жарко. Сначала одной, затем другой.

— Мы не можем позволить вам заболеть. Идите к себе, миледи. Я зайду проведать вас позже.

По крепости я шла в одиночестве. Если не считать бойцов стоящих в карауле и нескольких заспанных служанок. Ступни, согретые целителем, быстро замерзали на сквозняке, но до покоев я добраться успела. Сабии уже не было.

К Проклятым Духам все. Откидываю одеяло, сбрасываю платье, оставляя его на полу и в одной нижней рубашке забираюсь в постель. Чуткая дремота вполглаза над младенцем не то что можно назвать полноценным отдыхом. Мутный, неприятный сон прервался резким возгласом служанки:

— Миледи спит! Приоткрываю глаза и первое что вижу — ширму, Сабия развернула ее так, чтобы скрывать постель от двери. Зеваю и громко хлопаю в ладоши.

— Ох, леди! Ну что же вы, как же так? Я ведь весь замок на уши поставила. Хорошо милорды целителя встретили.

Под быстрый говорок служанки я умыла лицо, прополоскала рот. Сабия заплела мне косу и подала платье. После чего быстро заправила постель, оставив ширму на месте. Я не удержалась и осмотрела уголок, который обычно был скрыт. Узкий и длинный сундук с тонким матрасом. Девица, проследив за моим взглядом, быстро скатала его и убрала за сундук.

— Милорды желают с вами общаться.

Сабия выскочила из покоев, чтобы через несколько минут вернуться груженная подносом. Чайный набор на четверых, булочки с изюмом, масленка. Следом зашел дор Харт, у него подмышкой была зажата бутылка, а в руках он нес четыре бокала. Дробный стук в дверь и дор Харт, поклонившись мне и сгрузив свою ношу на стол открывает. Маркиз Амлаут в сопровождении лысого, чернобородого незнакомца. И в присутствии этого высокого, плечистого воина в комнате резко становится тесно. Из-за спины маркиза ужом вывинчивается целитель.

— Миледи, позвольте заново представить, милорд Квинт Терцис.

Я присела в реверансе и выпрямившись, осталась стоять удивленным столбиком. Как-то слишком много всего происходило для одного дня. Целитель Альбод чем-то обеспокоен. Он быстро вымеряет уровень моей магической энергии, кусает нижнюю губу и что-то записывает в маленькую записную книжицу.

— Угрозы для жизни нет, — выдает невысокий маг и протягивает мне флакон с восстанавливающим зельем. Только этот настой мягко флуоресцирует сквозь любое стекло.

— Принеси вина и кубки, — милорд Терцис озирается, и тут же светлеет лицом, видя «ношу» дора Харта.

— Выделил бы ты леди покой побольше. Здесь и зад приложить некуда.

Я села в свое кресло, и дор Харт протянул мне простую, с две ладони дощечку. Одна сторона была покрыта темным воском, и заостренная палочка, стило, оставляла светлые полосы. «Спасибо» «Почему маркиз бросил ребенка умирать» Я не стала выписывать сложные предложения и ставить знаки препинания. Поймут. Атолгар опустился передо мной на колени. Крепкие руки обхватили мои ноги. Я успела испугаться, но маркиз лишь уткнулся лицом в мою юбку, чтобы через секунду сдавленно произнести:

— Помилуйте, миледи. Я и в мыслях не держал поступить настолько бесчестно.

Квинт хмыкает и разливает вино. Я отказываюсь, мужчины разбирают бокалы.

— Этот ребенок, в будущем, может стать сильным магом. Оба его родителя имеют способности, — внушительно произносит дор Харт. — Хотя прямо скажем, отец у него слабый маг.

— Ха, это он не слышит, — хохотнул Терцис и залпом выпил вино. После чего налил в свой бокал янтарный напиток из фляги.

— Квинт, утро, — осуждающе проворчал Харт. — Так повод-то какой, — тут же отозвался здоровяк.

— Этот малыш, — маркиз отстранился от моих колен и сел на пол скрестив ноги, — мой будущий вассал. Вы не помните, но наши земли, и гуаров и эйров, терзает одна болезнь, — Атолгар на мгновение умолк и его тут же дополнил милорд Терцис.

— Милорд дело говорит. На мальчонке пятна были, крапинка богов, так говорят в деревнях. «Подробней» «Не видела пятен». Умереть и от простуды можно, если вовремя не вылечить.

— Да что тут подробнее, помирают детки, едва фиолетовой крапкой покрываются. Оно и понятно, что не видели, темно в Покое как у Тараниса в задн...кхм, прошу прощения.

— Детей, отмеченных печатью богов, оставляют в Смиренном Покое, он предназначен для многих случаев, там работают пришлые целители или свои, если есть, разумеется, — плавно вступил в разговор дор Харт.

— В вашей ситуации простительно подобное отношение, но все же миледи, будьте мягче в своих суждениях. Иногда слова могут ранить слишком сильно, — здесь дор Харт мотнул головой в сторону своего сюзерена. Милорд Амлаут тут же показывает другу кулак:

— Не слушайте его, миледи. В той ситуации в которой вы оказались, подобные выводы были закономерны.

«Прощу прощения». И чтобы разбавить сухость слов, прижимаю к сердцу руки. Атолгар целует мои ладони и улыбается.

— Конфликт исчерпан, — с умным видом произносит Квинт и добавляет в свой бокал вина. Я улыбаюсь и, отняв ладонь, глажу страдальца по виску. Для честного вояки мое обвинение, незаслуженное ничем, было хуже соли по свежей ране. Кожа на руке горит от его поцелуев и мне стыдно, а отчего, я и сама не пойму.

— Что вы сделали, миледи? Это важно.

Пожимаю плечами и кратко набрасываю на дощечке события прошедшей ночи. Мужчины выглядят озадаченными, мне остается только улыбнуться.

— Что ж, у нас нет повода подозревать вас в чем-то, миледи, — дор Харт глубокомысленно хмуриться.

— Но скажу честно, за эти годы, что мы только не перепробовали, и матери раньше просиживали в Покоях до конца. Только недавно это было запрещено. Что вы чувствовали? Ответственность?

Проворно объясняю свою позицию по отношению к детям, и милорд Терцис громко хохочет. Уточню, что хочу провести остаток весь день в комнате — слишком устала и перенервничала ночью.

— Но как же быть, если кто-то из бойцов добудет вашу ленту? Я знаю нескольких рискованных парней, они собирались побороться за приз, — многозначительно произнес Квинт и поперхнулся, прочитав ответ.

— Радикально, леди, — маркиз Амлаут вновь приложился губами к моим пальцам.

— Я прикажу доставить вам сладости и книги. Отдыхайте, леди.

Покои милорды покидали почти военным строем, что вызвало невольную улыбку. Немного подумав, я велела вернувшейся Сабии заняться чем-нибудь бесшумным и перебралась в постель. Поспать немножко в качестве компенсации за сложную ночь, и перерасход сил. Сомневаться в том, что маркиз действительно пришлет сладости, повода не было. Главное, чтобы счастливая мать с изъявлениями благодарности не явилась — все равно противно. Никакие запреты не позволили бы мне оставить своего умирающего сына.

Выспалась я славно — до рассвета следующего дня. Довольная Сабия сообщила, что милорды Амлаут и Терцис заглядывали в покои трижды, что присланные строители ожидают распоряжений и что она, Сабия, связала для госпожи новую чудесную шаль. Шаль была одобрена, строители вызваны на доклад, милорды заочно благодарены за беспокойство. Восковая дощечка несказанно облегчила мне жизнь.

— Вот госпожа, милорд Амлаут повелел соединить ваши покои с соседними, чтобы получилась малая гостиная, — прогудел старший над мастерскими и я замерла. Стило забегало по дощечке.

— Не знаю, милостивая госпожа. Как по мне, так переехать действительно проще, чем стену рубить. Но то приказ милорда.

Я пожалала плечами и быстро набросала ответ. Мол, в таком случае целиком и полностью доверяюсь мнению мастера и над душой стоять не собираюсь. Махнула рукой Сабии, велела собрать корзинку со снедью, плед и пару томиков любовных баллад. Не то чтобы они так сильно поразили меня своей художественной ценностью, нет. Просто по какой-то неизвестной причине милорд Амлаут присылал лишь их. А свободный вход в замковую библиотеку был только у членов Ковена. Грамотных членов Ковена, что уменьшало количество посетителей обители знаний на порядок. На самом деле с образованием была беда, половина бойцов слабо читала, вторая половина писала с такими чудовищными ошибками, что маркиз завел «общественного» писаря. Симпатичный мальчишка был завален работой весь день. Мысленно поставила себе галочку на далекую перспективу — заинтересовать молодняк грамотой и счетом. Учиться маркиз Амлаут уже всех обязал, а что толку? С прилежанием и усердием мальчишки учатся только смертоубийству, покорно выслушивают нотации матерей, клятвенно заверяют, что вот теперь-то возьмутся за учебу и вновь пропадают с отцами на тренировочных площадках. Видела я, что творится на тех площадках, мне, взрослой женщине, ни за что справиться с этими «детешками». Но я и не собиралась с кем-то справляться, просто дико. Гарнизон крепости готов к тому, что на них могут напасть. Нет какой-то единой караульной службы, как в королевском дворце. Однако на стенах крепости всегда есть кто-то из старших бойцов, еще один крутится на портальной площадке и так, по мелочам. Бойцы хаотично меняются, но закономерность мне уловить удалось. Жаль обсудить никак и не с кем. Догадливая Сабия прихватила не только плед с провиантом, но еще и миниатюрный складной зонт. Чтобы солнечные лучи не испортили

кожу прекрасной леди. Не назвала бы себя прекрасной, но загар мне действительно ни к чему.

Сладости были подъедены, книжка прочитана, ветер стал холоднее, и меня охватила скука. Служанка, устроившись на самом краешке пледа, спала, трогательно прижимая к себе моток пряжи.

— Прекрасная погода, неправда ли? — есть у бойцов Атолгара дурная привычка появляться неожиданно и сходу начинать разговор. Хоть бы дали собеседнику себя увидеть, прежде чем рот раскрывать, честное слово, так и умереть можно. Волнообразно повожу ладонью и принимаю более пристойную позу, как-никак, а посиделки на траве приемлемы исключительно в кругу дам. Но дор Харт явно об этом не знает, поскольку уселся рядом и даже яблоко из корзинки подхватил.

— С тренировки, голодный как волк, — тут же оправдался мужчина, — о, благодарю, леди, ваша доброта и щедрость не ведают границ!

Такого восторженного комментария удостоились чуть заветренные пирожки, извлеченные мною из-под тканевой салфетки, что, впрочем, не сильно им помогло.

— Новости, миледи, не самые радостные.

— Ее Величество желает беседовать с вами. Прямо сейчас. Будь проклят тот день, когда мы были вынуждены обнародовать наличие в Ковене телепортистов.

Дальше началась настоящая суматоха, Сабия заполошно подхватила с пледа — хитрая девчонка не спала, а подслушивала, за что еще получит свое. Тут же принялась охать и ахать, что у госпожи нет платья, и подталкивать нас с дором Хартом к замку. И все это под едкие комментарии бойца трепетно прижимавшего к груди плетенку со стремительно убывающими пирожками. Конечно, границ приличий воин ни разу не перешел, но улыбку с лица я сгоняла с трудом.

В комнате мне стремительно умыли лицо, в самом прямом смысле — Сабия смочила полотенце водой и пока я хлопала глазами, утерла меня как сопливого младенца. Платье служанка стащила с моего тела быстрее, чем самый нетерпеливый любовник и также стремительно натянула другое. Чем-то оно ее не удовлетворило, и тем же молниеносным манером на мне примерили еще три варианта. Самое интересное, что я даже не успевала осмотреть себя в зеркале.

В рекордно короткие сроки меня причесали, одели и даже слегка подкрасили. Касаюсь пальцами одной выпущенной пряди, что это?

— Ну, так ленту-то вы отдали, пусть и не на яблоне завязали, а все же в некотором смысле традиция соблюдена, — степенно ответила дородная женщина, чьи полные пальцы так ловко сотворили на моей голове каскад косиц. Маг-телепортист Ковена носил мантию с глубоким капюшоном, и когда ветер чуть шевельнул его одеяние, обнаружился край светлой, тканевой маски. Атолгар защищает своих людей, как тех, кто обладает особыми талантами, так и тех, кто просто доверился ему. Такое отношение к своим людям меня приятно поразило.

Мои руки, затянутые в темно-зеленые перчатки заметно дрожали, страх перед высотой никуда не делся. Но сейчас здесь не было Атолгара, способно... Ох, сильные руки дора Харта обхватили меня за плечи, развернули, и я оказалась прижата лицом к крепкой груди.

— Не пугайтесь, леди, никто не позволит высоте забрать вас, — негромко шепнул он. Дор Харт как будто покачнулся, и я вместе с ним. В этот же момент по ушам ударил птичий щебет, чьи-то возгласы, и шум нескольких десятков человек.

— Мужайтесь, леди, — проникновенно шепнул боевой маг и выпустил меня из объятий. Обменялся донельзя вычурным приветствием с начальником стражи королевского замка и сообщил, что вечером прибудет, дабы сопроводить миледи назад, в Ковен.

— Ах, моя дорогая, — ко мне спешила не слишком красивая, бедно одетая дама. Это ведь не Ее Величество?

— Мы так скучали по вам, печально что ваш голосок не усладит слух Ее Величества песнями... Да, но мы, в память о том, сколько чудесных вечеров вы нам посвятили не могли позволить вашей тонкой, нежной натуре долго страдать в компании боевых магов. Признайтесь, миледи, сколько слез вы выплакали? Ах, представляю, как вы натерпелись. Дор Харт с бойцами уже отбыли назад, в замок Амлаут, а я хлопала глазами и выслушивала, как под предлогом горячего сочувствия, Ковен заливают помоями. Бесчестные убийцы и жестокосердные палачи, бойцы милорда Амлаут, все как один являлись неотесанными грубиянами и любителями выпивки.

— Кобели и пропойцы, все как один. Ах, моя милая, королева так за вас переживала.

Я скромно улыбалась и опускала глаза долу. В этот момент мне стало истово жаль свою утраченную память — сдается мне, раньше я плавала в этих интригах как рыба в воде. С другой стороны, справедливости ради стоит отметить, что один раз уже доплавалась. До беспамятства. В тот последний раз, что я помню, мы были совсем в другой части замка. Эта часть, по которой мы шли сейчас, поражала своим великолепием и утонченностью. Белоснежная лепнина и позолота, изящные столики и креслица, тончайшие портьеры, гобелены и портреты суровых воинов в окружении прекраснейших дам. На краткую долю секунды мне стало жаль роскошных ковров, по которым я ступала в красивых, удобных, но все же грубоватых туфлях. Из-под простого, чуть заношенного платья моей провожатой, выглядывали все те же шелковые носочки. Поветки. Меня о них просветила Сабия, как и о том, что среди жен и дочерей бойцов Ковена они не в ходу.

Королева возлежала на широком, сливочно-желтом кресле. Ага, жене короля трон по статусу не положен, но фу-фу, если она будет сидеть в таких же креслицах что и остальные высокородные леди.

— Мы переживали, — томно обронила светлокосая и синеглазая красавица и взмахом руки указала на чайный столик. Подле одного уже были расставлены креслица, в которых восседали дамы в количестве шести штук. На мгновение нас накрыло тишиной, но едва я присела в приличествующем поклоне и спокойно прошла к ожидающему меня сиденью, тихий гомон в зале возобновился. Сама же королева была как бы над этим всем весельем. Рядом с креслом Ее Величества стоял столик с фруктами, и одинокий бокал, полный до краев алого как кровь вина.

— Приятно вновь видеть вас, миледи, — вступила в беседу дама, сидящая по левую от меня руку. Худая, прямая как палка и иссушенная, она казалась старейшей из всех в этом зале. — Очень жаль, что нам всем приходится знакомиться с вами заново. Набрасываю пару ничего незначущих, но очень вежливых строк и приторно улыбаюсь. Какая жалость, что у Ковена есть свой телепортист.

— Потеря памяти сказалась на вас не лучшим образом, миледи. Позволить себе отпустить ленту на ветер, подобно невежественной селянке. Мне непонятен ваш порыв, известно, что маркиз Амлаут покидает свои земли на время любовной недели.

— Ах, Роберта, оставь, — значит, эту тощую палку зовут Роберта. А вот чей голос слышится из-за спины? Оборачиваться не буду, не так это мне интересно.

— Девочке и так досталось. Потерянную и испуганную, ее доставили в самое сердце Ковена. Как-то бедняжка ужилась с этими чудовищами?

Здесь дамы оставили меня в покое и принялись смаковать подробности отгремевшего противостояния. Как злые ковенские маги выкашивали десятками вражеских захватчиков и как часто при этом страдали невинные люди. Сколько полегло славных, добрых и галантных кавалеров, а ублюдки из своры Амлаута живы как один.

— Он собрал к себе все отребье, — с отвращением выплюнула Роберта. — Осколки прошлого, которые давно должны быть похоронены.

— Наша красавица нас не понимает, девочки. И наш долг просветить миледи, — вступил все тот же голос, и я заинтересованно склоняю голову. Нет желания общаться посредством вощенной таблички, потому догадывайтесь так. — Наше королевство разделено на два лагеря, с двумя столицами — Дин-Эйрин и Дин-Гуардир, мы эйры и гуары. Одна раса, но различное мнение, — неприятный смешок продрал морозом по плечам.

— Когда была казнена Бриаллен, гуары обвинили в этом нас.

— Но всем просвещенным людям известно, что вина в смерти богини лежит на гуарах, — назидательно произнесла Роберта, и очень многозначительно посмотрела на меня. Позади нас раздалось несколько плохо замаскированных смешков. — Истинно так, дорогая. С тех пор вот уже две сотни лет идет вялотекущая война, пик которой произошел не так уж и давно. Противостояние.

— Все дело в том, что Ковен был третьей силой, — с презрением выплюнула Роберта. — И вашим и нашим. Земли Амлаута лежат между эйрами и гуарами, а сам он мечется как шелудивый пес. Очевидно, в этот раз Его Величество заплатил больше. Известно, эти кобели не способны распорядиться собственными землями, все заработанное золото спускают на вышивку.

— Они кричат направо и налево об объединении, но кто бы им поверил? Уж точно не мы. Дамы начали перемывать косточки самым известным бойцам Атолгара, а я пыталась уместить в голове открывшиеся знания. Ковен боевых магов, противопоставленный сразу двум государствам, самое безопасное место в мире. Это сарказм, если что. Таким образом, многое становится понятным. Только вот, что значит осколки прошлого? Сейчас не рождаются маги? Не может быть, я видела детей на тренировках, они вполне успешно кастуют боевые заклятья. На мой взгляд, успешно, а вот отцы их распекают. Набрасываю свой вопрос и показываю Роберте.

— Когда погибла смертная богиня, — дама манерно прикусила губу и поднесла к губам чашку, — многие семьи резко ослабли. Дети рождались слабыми и болезненными. Иногда дети не доживали до трех лет, а иногда, после тяжелой болезни...

— Роберта! — Это не та тема, которую следует обсуждать, — Роберта согласно склонила голову. — Так или иначе, маги стали слабее. А вот ковенцы ничуть не пострадали от той эпидемии. Как и гуары, у них подобные казусы начали происходить лишь пару десятилетий назад. Одно ясно, путь, которым ублюдки сохранили свою мощь не может быть достойным. Иначе им воспользовались бы и другие семьи. Не шипите, дамы. Ковенцы — ублюдки, это — не ругательство, а факт. А даже если и нет, я маркиза, не вам мне указывать. Значит, сейчас рождаются только слабосилки, а в землях Амлаут нашли прибежище остатки старых семей.

— Род Кардоргов славится своими умами, — пафосно процедила Роберта

. — Два поколения назад был издан указ, все маги, родившиеся на территории Дин-

Эйрина и земля его, обязаны отслужить в королевских войсках двадцать лет и еще пять, за сыновей своих. С таким отношением короля к своим подданным у Атолгара никогда не будет недостатка в бойцах. И Роберта это понимает, но высказывать сомнения опасается. Внезапно разговоры смолкли, и в центр зала вышел высокий, неприлично красивый юноша. Двое слуг вынесли арфу и табурет. Менестрель замер, приняв выгодную для демонстрации своей красоты позу. Темные волосы оттеняли бледную кожу, обратил горящий взор на королеву и пылко поклонился, прижав к сердцу обе руки. Неразделенная любовь к Ее Величеству скользила в каждом движении юноши. Приятная мелодия заполнила воцарившуюся тишину, сильный голос менестреля, умело вплетенный в переливы струн, повествовал о несчастной любви отважного рыцаря к прекрасной даме.

С удивлением я узнала ту, так и недочитанную историю про злого колдуна и капризную даму, что никак не могла выбрать между двумя мужчинами. Правда, в изложении менестреля коварство и злоба колдуна возросли, да так, что лишь после смерти влюбленные смогли воссоединиться в виде двух яблонь сплетших между собой ветви. Баллада закончилась, дамы вежливо похлопали, и юный менестрель был допущен до королевских пальчиков. Едва лишь королева выказала свое восхищение талантом юноши, как тот запунцовел подобно яркой розе. Мне стало немного смешно.

— Первый кандидат в покойники, — хмыкнула Роберта. — Попомните мое слово, дамы. Может, сделаем ставки?

Глава 3

В жизни любого инвалида наступают такие моменты, безусловно, весьма короткие, когда его увечье ему же в помощь. Я совершенно не исключение. Весьма неловко, когда тебя застают среди ночи в кухне, с ломтем хлеба укрытым пластинкой ароматного сала. Еще более неловко, если ты при этом стоишь одетая весьма условно. Но в сто раз хуже, когда ты подчиняешься рефлексам и прячешься в темном углу под тяжелым столом. Так, когда милорд Амлаут случайно проехался лавкой мне по руке, я попыталась вскрикнуть, но, ура, из моего горла не вылетело ни звука.

— Как тебе неделька? Девушки говорят ленты едва ли тебе на окна не вешали, — хохотнул грубиян и задира Терцис, и потянулся к плите, поискать съестного.

— Что ты там ищешь, вон блюдо стоит, тетушка Эзра не зря оставляла. Или хочешь утром нагоняй от нее получить? — с ехидцей осведомился дор Харт.

— Я боевой маг, как мой отец, и дед, и прадед, — с достоинством ответил Терцис, возвращаясь за стол. — Не в честь мне с женщиной свариться.

— Скажи проще — не хочешь опять половником по хребту получить, — звонко рассмеялся Атолгар. — Что успели сотворить за вчерашний день?

— Королева таскала миледи к себе, — тут же отчитался Харт. — Я смотрел записи с ее таблички, ничего критичного. Почему ты так задержался?

— Чтоб вам всем провалиться, они же не ладили никогда? — украдкой выглядываю, и вижу, как Амлаут тянет себя за вихры. — Эльфы, сам знаешь, в простоте слова не скажут, даже если это договор на поставку продовольствия. Чем еще обрадуете?

— Зато остальные новости хорошие, нам есть, что посеять на поля, от гуаров пришло обещанное стадо.

— Квинт, я сильно похож на зажиточного лендлорда? Кто этим будет заниматься, второе Противостояние на носу, — маркиз невнятно ругнулся. — И сражаться будут на наших полях.

— С только хорошими новостями ты погорячился, Квинт, — дор Харт тяжело вздохнул. — Доставай виски, Его Величество желает видеть вас, маркиз, и миледи на казни бунтовщиков. Дамам при входе выдадут нюхательные соли...

— И кастрюльки чтоб было куда сблевать, — невесело хохотнул милорд Терцис. — Зная нашего короля, зрелище предстоит сказочное. Как славно, что я останусь дома. Погоняю бойцов, жену осчастливлю, в общем, найду, чем себя занять.

— Я боец, а не шваль придворная, — с отвращением произнес Амлаут. Этак они сейчас договорятся, и любоваться чужой смертью я отправлюсь одна.

— Да, правда, что, Агги, давайте все встанем в позу, а на казнь смотреть отправим одну миледи, что ей, она же не боец, — сарказм в голосе дора Харта можно было черпать ложкой. И я, забывшая как дышать в преддверии чудесного развлечения, шумно выдохнула. Слишком шумно. И вот теперь смотрю на учтиво протянутую мне руку милорда Амлаута и думаю, вылезать или нет? Трепетно прижатый к сердцу ломоть с салом может служить некоторым оправданием, моего здесь нахождения, но все же, все же.

— Не считите за труд, миледи, осчастливить нашу сугубо мужскую компанию вашим очаровательным присутствием, — выдал на одном дыхании милорд Терцис и аж глаза закатил, показывая, как тяжело ему далась эта вычурная фраза.

Вкладываю в протянутую ладонь Атолгара помятый хлеб с салом и выбираюсь из-под стола самостоятельно. Бойцы проявили умиленное единодушие, узрев мое нижнее, тонкое платье тут же отвели глаза. Хотя похабник Терцис успел подмигнуть и показать большой палец.

— Я провожу миледи до ее покоев, — хмыкнул дор Харт и набросил мне на плечи свой камзол. На что милорд Амлаут постучал ему согнутым пальцем по лбу:

— Ночь, полураздетая дама в камзоле с чужого плеча в сопровождении женатого мужчины возвращается в свои покои. Хочешь, чтобы наши дамы ее с потрохами съели?

— Цыц, девочки, оставь Хартову одежонку, а провожу я. Никто и не пикнет, — самодовольно ухмыльнулся Квинт.

— Проводи, котик, только не забудь, до покоев, а не до постели, — хохотнул Харт, и уселся на лавку, со стоном вытягивая одну ногу. — На тренировке потянул, — пояснил боец и плеснул себе виски.

Благословите боги грубияна Терциса — он единственный догадался завернуть мне с собой хлеб с мясом. Обсмеял, правда, но что уж там. С этим сгустком злого веселья никто в Ковене не спорит особо.

— Неловко вышло, миледи. Оно понятно, что подслушивать не собирались, кто б знал, что Атти вернется сегодня, — отчитывал меня по дороге Терцис. Мне его голос казался, походим на жужжание большого, сердитого шмеля. — А все ж таки, служанка вам на что?

Служанка, знать бы, где эта поганка, так и отправила бы ее за провиантом.

— Значит, перетерпеть надо было, миледи, — тут боевой маг остановился, запустил пальцы в бороду, — память потерять, не обчихаться поутру. Мужчине, воину и супругу можно и с наложницей, официальной, и с девкой деревенской. Леди, жене и матери, тоже можно, по-тихому, не выставляя напоказ. Деве незамужней — никак нельзя. Эти, сильно культурные личности тебе ни слова не скажут, — немного смутившись, Терцис перешел на ты, и я согласно кивнула. — Такие вещи девочкам матери рассказывают, да подробней чем я. Но, вместо матери у тебя старый боец, так что, бери что есть.

Квинт очень заразительно улыбается, такой большой, сильный мужчина, а улыбка по-детски искренняя и открытая. Преувеличенно серьезно оглядевшись, он тайком протягивает мне руку, скрепить договор и моих пальцев не хватает, чтобы обхватить его ладонь.

— И сходи ты уже к капищу, друид хмурится, смотри, когда сам к тебе придет хуже будет. Он порой такой зануда. Способен плешь проесть на ровном месте.

Я расхохоталась, такая фраза в сочетании с лысым черепом наводила на определенные мысли. Проскользнув в приоткрытые двери, сбрасываю камзол на пол и слышу тихий смешок.

— Леди, камзол-то отдай. Служанке утром двойные впечатления — головомойка от экономки и мужская одежда в спальне госпожи. Не портки, правда, — Квинт ловко перехватил в воздухе брошенную одежду и исчез. Не в смысле растворился в воздухе, а просто настолько ловко, быстро и бесшумно удалился, что я вылетела в коридор, и успела увидеть только его растворяющуюся в неверном свете факелов спину.

Да уж, иногда становится страшно, смотришь на хищные, завораживающие движения бойцов Атолгара и как-то сразу проникаешься идее мира во всем мире. Хорошо еще, что маркиз скрывает свою звериную мощь за нарочито мягким обращением.

В постели меня ожидал большой сюрприз — охапка кустовых роз, сплетенная между собой моей лентой. Черная гарь на голубом лоскутке говорила о том, что это именно та,

свадебная лента. У меня даже руки опустились, розы выглядели бледно, криво сломанные, помятые, эти ветки словно кричали о том, как небрежно с ними обошлись. Что это? Насмешка? Или кто-то слишком долго не мог решиться?

— Простите, что ушла, миледи, но он так просил, — тихо прошептала Сабия. Побери вас Проклятые Духи, что ж вы все со спины подкрадываетесь?! Хватаю дощечку, стило и набрасываю гневное послание.

— Ох, леди моя молчаливая, вы садитесь, перекусите. Оно хоть для талии и не полезно, а можно иногда. — Молоденькая Сабия на краткий миг показалась умудренной жизнью матроной. — Веник этот — дело рук молодого Терциса, наследника милорда Терциса. Уж до чего юноша не вышел на рожу, — служанка виновато вздохнула. — Вот он и бесится.

Требую подробных объяснений. Служанка виновато вздыхает, да так что приходится погрозить ей дощечкой. Будь уже откровенна, что меня жалеть?

— Боец он сильный, и как маг отца переплюнет, да только на лицо кривой. Там не так все и плохо, да девки, на миледи Терцис злые, задразнили парня совсем. Вот он и решился. Вы-то красивая, краше других наших ба...кхм, дам. Если вы его цветы примете, то значит, и он не так плох, как эти курицы проклятушие говорят.

Стремительно покрываю значками вощеную дощечку, протягиваю служанке, она отмахивается:

— Он-то вас видел, вы, когда гуляете, мальчишки за вами присматривают, отцовы наставленья блюдут.

Верчу в руках стило, руны не хотят ложиться на выровненный воск. Какое мне дело до злого и некрасивого мальчишки? Никакого. Его мать, да, понимаю, не пыталась меня убить, но напугала, причинила вред. Думаю, девицам есть, за что ей мстить. Вот только... «Вместо матери у тебя старый боец». Подводя итог размышлениям, есть ли мне дело до мальчишки? Нет. Есть ли мне дело до сына Квинта Терциса? Определенно.

Руны ложились неровными, прыгающими строчками, а Сабия, подглядывающая через плечо радостно попискивала, и в итоге пылко чмокнула меня в щеку:

— Вы очень, очень хорошим человеком стали, леди! Нет, я клятву давала, — Сабия тут же открестилась от разговоров на эту тему.

Вот значит, как. Человеком я была не слишком хорошим. Или даже плохим. Плохим для кого? Не дружила с королевой, может быть, спала с королем? Кстати, что у меня с, кхм, девственностью?

— Единороги?! Да они только в лесах эльфийских водятся, и к людям не выходят. У доры Харт дамский нож из рога единорога, говорит, все режет, — служанка удивленно посмотрела на вощеную дощечку и тут же, синхронно со мной покраснела. — А, понятно. Ну, у нас бабка в деревне есть, знахарка, она точно может сказать.

Сабия была пунцовой, да и я чувствовала, что на моих щеках можно обед приготовить.

— Ложитесь спать миледи, я приведу букет в порядок, оставлю самые свежие розочки для прически и выставлю вазон в галерее.

Остаток ночи я крутилась под одеялом как юла. То, проваливаясь в омут сновидений, то выныривая на поверхность, ощущая на языке горечь неприятных снов. Неудивительно, что рассвет мною был встречен как родной.

Пошлепала в купальню, и едва не растянулась в своей новой гостиной — мастера постарались и сделали все быстро. Отделки у стен еще не было, голый камень, но мне это импонировало, и я отложила обшивку на некоторое время. Так что теперь в моей бывшей

спальне была гостиная, малый приемный будуар. Неудобно, потому что пройти в купальню можно только сквозь него. Зато спальня стала лучше — маленькая, сливочно-желтая с выходом на крохотный балкончик.

По моей просьбе на балкончике поставили маленькую скамеечку и несколько вазонов с цветами. Среди яркого великолепия весенних цветов притаилась ночная фиалка — абсолютно невзрачный цветок с дивным ароматом, раскрывающимся исключительно ночью.

Закрыв за собой дверь в купальню я подперла ее крупным камнем. Не великая преграда, но я хотя бы услышу, как кто-то входит. На плитке, рядом с изголовьем ванны, с некоторых пор появилась руна. Я провела над ней рукой, отдавая силу, и начала прибывать горячая вода.

Несколько капель из яркого фиала и появляется шапка пены. Вот и славно. Забравшись в ароматную воду, я развернулась лицом к двери. Сдувая пену с рук, я припомнила свое повторное почти утопление — сомлела в тепле и ушла под воду. Ох и нахлебалась я тогда воды с лавандовой отдушкой.

Промыв волосы, я покрутилась перед зеркалом. Скорчила рожицу и надела широкую, нижнюю рубаху. Самое-то для сна. И пусть Сабия ворчит, что я засыпаю с мокрой головой, пусть. Должны же у меня быть свои причуды?

Для сна мне достался всего час. Зато ушли темные тени под глазами, и тон кожи стал ровнее. Сабия кружилась вокруг меня, вычесывая и просушивая полотенцем мои все еще сырые волосы. Сегодня, по мнению служанки, я должна быть особенно красива.

— Конечно, жаль парнишку, только что мы, простые дворовые девки для него сделать можем? На сеновал с ним сбегать? Я хочу целой замуж выйти, — Сабия ловко сплетала мои волосы в косы, оставив пустые пряди на видном месте. Эти самые пустые пряди были завиты и украшены крохотными бутончиками роз. — Совсем мальчишка букет истрепал, я по ночи сбегала, да с того же куста сняла бутончики покраще. Оно может и не совсем честно, да только...эх!

Почему же отец в дело не вмешался?

— Милорды в бабские свары не лезут, да и что он скажет? Сын крив на рожу, девки замуж не идут, ленты отбирают, так ведь это их право. Что ж ему, невестку в дом силой за космы тащить? Вот и молчит, зубом скрипит только. Да при нем и не рискует никто ртов пораскрывать.

Только Сабия закончила с прической, подпоясала платье потуже, так что грудь совсем уж неприлично выделилась, как в дверь поскреблись. Как кот приبلудный, или еще какой зверек.

— А это маги сделали, чтоб вы в спальне слышали, что к вам в приемный будуар гости ломятся. Пойду, запущу страдальца. Вы только сильно его не пугайтесь, ладно?

Потрясающе, так мальчик слегка крив или его лицо до икоты испугать может? Ох, благословите меня боги.

Он был высок, как отец сложен, и половина лица словно застыла навсегда в неприятной, едкой усмешке. Взгляд серых, недобрых глаз прожигал насквозь. Мальчишка? Ему лет двадцать, минимум. Черные волосы неопрятной волной спадали на плечи. Зачем? Пытаешься закрыть лицо? Тебе не дадут об этом забыть, мальчик. Никогда не дадут. Достаяю из маленькой шкатулки лоскут, светло-зеленый, и жестом прошу юношу наклониться. Подвязав ему волосы в низкий хвост, улыбаюсь и чуть касаюсь губами колкой от щетины щеки.

— Наследник Герад Терцис к вашим услугам, миледи, — хрипловатый голос немного подрагивает. Подхватываю свою дощечку и спрашиваю, не желает ли наследник Терцис сопроводить даму к друиду. Наследник очень желает.

Если не знать всей подоплеки, то прогулка была милой и информативной. Моя ладонь удобно устроилась на сгибе локтя Герада, позади с корзинкой шла Сабия. То и дело наследник Терцис обрывал цветы, передавал мне, а я, подсобрав небольшой букетик укладывала его в корзину к служанке. Приходить к капищу с пустыми руками — дурной тон, так же как и приносить что-то приготовленное чужими руками.

— Бойцы несут добычу, зайца или птиц кто набьет. Я как-то косулю принес, так от отца нагорело, что не на кухню, а к капищу снес, — улыбка у Герада получалась кривоватая, будто невеселая, но чем дальше мы общались, тем проще вел себя парень. У него получалось понимать меня с полу предложения, потому, когда мы проходили вдоль орешника, оказалось достаточно просто кивнуть на неказистое деревце.

Дорога от замка до капища была весьма живописна, она пролегла вдоль яблоневого сада, где я и повязала свою ленту. Впереди наследник Терцис обещал показать мостик Нареченных, очень красивый, заказанный дедом маркиза Амлаута у эльфов. Он хотел порадовать свою избранницу.

— В некотором смысле у него это получилась, девка дурная так с него башкой вниз и сиганула. Шею сломала и захлебнулась, — все-таки сын милорда Терциса унаследовал от отца не только стать, но и манеры.

Мостик был действительно хорош. Невесомый, ажурный, словно сплетенный из тонких древесных ветвей. Я загляделась, легонько касаясь пальцами теплого, шероховатого материала.

— Так и было. Эльфийские маги вырастили его за ночь, потом еще трое суток вокруг прыгали, чтоб красоту до ума довести.

Мост Нареченных был местной достопримечательностью, но дорога поворачивала от него в сторону.

— Он для спешенных. Просто представьте на нем крестьянскую повозку с навозом.

Лучше с фруктами, показываю дощечку Гераду, тот ржет как молодой конь. На середине мостика боец останавливается сам и удерживает меня.

— Спасибо, понимаю, что из жалости, но все равно.

Прикладываю пальцы к его губам и на мгновение обнимаю. Не из жалости, теперь нет. Ты интересный человек, Герад Терцис и обязательно встретишь ту, что сможет тебя оценить.

До капища мы шли в молчании. Я все так же несла ветвь орешника, Герад высматривал под ногами цветы. Тишина возникшая между нами не была давящей — юноше было о чем подумать, а мне нравилось созерцать мирную красоту весны. Словно в ответ на мои мысли появилась стайка бабочек, прокрутилась вокруг нас и умчалась ввысь будто и не было.

— Лесные феи, их редко видят люди, — Герад усмехнулся, — вы нравитесь земле Амлаут, леди.

Шутливо взлохмачиваю ему волосы, так что они вылезают из собранного хвоста. И молодой Терцис тут же подставляет голову, чтобы я собрала ему хвост заново. Обещаю себе сплести еще один шнурок для волос. Мнится мне, что моим подарком он все же рискнет воспользоваться.

Пасторальную картинку нашей прогулки немного смазывает молниеносный бросок

кинжала — Герад не собирается приходить к друиду с пустыми руками. Серого зайчишку жаль до слез, но я все же нахожу в себе силы подойти к зацветающему кусту мальвики, и подобрать тушку. Передаю ее парню, и он лишь кивает в знак благодарности.

— Я буду ждать вас здесь, леди.

У капища два лица, как две стороны монеты, как люди и звери делятся надвое. Я забираю у Сабии корзинку и ступаю на женскую тропку. Никто из девиц не смотрел в лицо идолам на мужской стороне. Никто кроме меня. Это ощущение, не полноценное воспоминание, но я ему верю.

Сабия сотворяет знак отгоняющий зло и шепчет, морща курносый носик:

— Не пойду, и так друид мне трепку задал в прошлый раз, — служанка наморщила свой курносый носик.

Тропинка вывела на широкую поляну, заполненную цветущими не ко времени растениями. Идолы, вытесанные из исполинских бревен, возвышались надо мной, но не давили. Они были похожи, грубо вытесанные лица, что мужчины, что женщины. Только один выделялся — иссушенный, горелый столб-исполин опасно накренился. Равно одарив каждого цветами, я положила орешник у мертвого идола.

В центре поляны нашлась спелая земляника, она пахла так ароматно, что я присела рядом. Есть ее нельзя, всегда так говорят. Но разве можно отказать себе в запретном удовольствии?

— Ты долго шла, — старик в небеленой хламиде, подпоясанной богатым поясом, смотрел на меня сердито и укоризненно. А ведь воцеленная дощечка осталась у Сабии. Я прячу руки за спину и улыбаюсь перепачканными в соке ягод губами.

— Какова дорога, таков и путь, — отвратительный, каркающий голос был ему ответом. Прикрываю рот ладонью, я говорю?! К Проклятым Духам, пусть голос хоть как леший хрипит, лишь бы говорить!

— Или громко думаешь, — скрипуче рассмеялся друид. — Это место озарено божественной силой, здесь даже камни разговаривают.

Провожая взглядом огненно-рыжую белку, и друид снова заходиться смехом:

— Ну, бывает, и зверье болтает, только вот не знаю, от божественной ли милости, или благодаря, — тут друид выразительно хлопнул морщинистой ладонью по висящей на поясе фляге, — грибной настойке.

— Да молчи уж, — машет он на меня. — Успеешь еще до тошноты наговориться. Зовут меня Галах, хоть и были мы с тобой в прошлом знакомы, а все ж ты стоишь теперь того, чтобы заново знакомство свести. Голос тебе боги вернут, когда молчать научишься. Не сверкай глазищами, за дело ты схлопотала, девонька, за дело. Я бы тебя в жертву принес, Кернунну, да не захотели боги твоей смерти. И вижу, правильно вышло.

Мне многое хочется сказать, спросить, но я предпочитаю промолчать. Старик сам сказал, пора учиться слушать других. Больше думай, меньше говори — это слова моего отца.

— Знаешь, девам нельзя смотреть мужскую, обратную сторону капища. А я показываю, всегда. Один раз, другого как правило не просят.

— Та, прошлая я, просила?

— Ты была там трижды, — друид внимательно смотрел на меня, рассматривал до мельчайшей детали мое лицо.

— Мне кажется, четыре, идеально число.

Скрипучий смех, и пространство сгустилось вокруг нас. Молочно-белый туман

выпустил из себя прежних идолов, тяжелых, довлеющих над смертными. Растрескавшаяся, иссушенная божественной силой земля не смогла быстро впитать кровь, и я ясно рассмотрела весь путь Герада и его добычи. Первым был накормлен Кернунн, затем Ригита, Таранис и последние, жалкие остатки крови достались мертвому идолу Бриаллен.

Что побудило меня снять с пояса Галаха нож, разрезать руку и смочить идол Бриаллен своей кровью? Не могу сказать. Не знаю. Так правильно, так нужно, но достаточно ли такого ответа? Друид и вовсе не стал спрашивать.

Ожидаемо, что голос пропал, едва я ступила на тропинку. Рана на запястье затянулась мгновенно, оставив лишь белую, тонкую нитку шрама. Значит, боги приняли мою кровь.

Герад был задумчив, подставил мне локоть, и постоянно пытался ускорить шаг. Меня хоть и мучило любопытство, но я нашла в себе силы сдержаться. Просто перехватила подол поудобней, и старалась поддерживать размашистый шаг ушедшего в себя бойца.

— Милорд, миледи, если вы так вылетите на общую дорогу, могут подумать что-то не то, — подала голос Сабия. Вот уж кому скорая ходьба не принесла никаких неудобств. Привычная к работе, служанка за день могла не один раз оббежать всю крепость, просто поболтать в свободное время.

Герад рассыпался в извинениях, но я устало отмахнулась. Сердце колотилось, ноги подрагивали, этот забег прошел нелегко.

— Я могу взять вас на руки.

Нет, это будет лишним, однозначно.

Никогда не бывала в роли демонстрационной куклы. Надеюсь. Но в любом случае, я знаю, как чувствуют себя уроды в цирке — нам на встречу попались практически все. Кто-то шел с пустыми корзинами, ага, весной, за ягодами. Кто-то собирал придорожные цветы. Милорд Терцис с супругой изволили раскланяться с нами издалека, жаль, не видно было лица Лидды. Конец издевательств положил Атолгар, рывкнул на бездельников, отправил Герада на тренировочную площадку и предложил мне локоть.

— Сегодня последний день любовной недели. На завтра король назначил публичную казнь. Заклинаю, леди, не опускайте глаз, как бы тяжело вам ни было. Это тяжелая работа, доказывать королю свою лояльность, — маркиз помолчал. — Адеррин Кардорг жесток. Крепитесь, иначе даже я не смогу защитить вас за границами земель Ковена.

Склоняю голову. Понимаю, крепость почти неприступна. Бойцы патрулируют все переходы, сигналками и сторожками опутан каждый куст. Здесь я, конечно, утрирую, но зажата между двумя Динами земля в любую секунду готова к атаке. Уже три сотни лет Амлауты удерживаются от присяги, что королю эйров, что правителю гуаров. Неестественная преграда на пути двух государств, люди готовые на многое, чтобы не допустить резни. Дин-Эйрин и Дин-Гуардир, половины некогда целого государства из-за глупости готовые перервать друг другу глотки. Да и соседство с призрачными тропами Пресветлых эльфов тоже спокойствия не добавляет.

Милорд Амлаут вновь ненавязчиво предлагает мне локоть, и я цепляюсь, подстраиваясь к его неспешному, но широкому шагу. Крепостной посад мы пересекли быстро. На пути к капищу мои мысли были заняты, да и Герад не молчал, засыпая меня байками о нелегкой жизни боевого мага. Вот сейчас наступил момент рассмотреть, что многие дома заколочены — добротными ставнями, люди еще надеялись вернуться, но все равно ушли.

— Тяжело находиться между двух огней, — Атолгар неестественно улыбнулся. — Прежде чем вмешаться в противостояние я дал своим людям выбор.

Твои люди тебя оставили? Не все, но даже той части что ушли было достаточно чтобы ударить... По чему? По самолюбию? По гордости? Заставили сомневаться в своих силах?

— Миледи, — неслышно крадущаяся позади Сабия подает голос, — вы хотели попросить милорда отжалеть от милости своей книг для серьезного чтения. Что, кстати, зря, потому что есть над чем поплакать, все-все молчу.

— Леди не ценит любовных баллад? — хитро улыбнулся маркиз. В ответ неопределенно пожимаю плечами — раз на раз не приходится. — Что ж, мне остается одно — совершить ужасающий в своей сути поступок, пригласит вас в замковую библиотеку, самое сердце моих владений. Довольно непосещаемое, — со вздохом признал боевой маг.

Служанка отступает на шаг назад, подстраиваясь под нас. Создается впечатление, что опрятная, расторопная, шумная Сабия старательно смирят дыхание, заставляя забыть нас о ней забыть. Так любопытно? Тоже хочет попасть в библиотеку.

— У вас в косах цветов запутался.

— Это с капища, — улыбаюсь, поворачиваюсь к служанке, но сильные и быстрые пальцы уже извлекают маленькое, сорное растение. И только в этот момент до нас троих доходит что я заговорила. Ненадолго. Последующие попытки что-то сказать закончились надрывным кашлем, слезами и отсутствием какого-либо желания следовать в библиотеку.

— Могу ли я присоединиться к вам за ужином, леди?

Устало киваю, инстинктивно пригибаю голову, подходя к надвратной башне, я еще не привыкла к ее давящей мощи. Огромные, тяжелые ворота закрыты, но небольшая калиточка, созданная как раз для таких целей призывно полуоткрыта. Что тут же вызывает вспышку злости со стороны маркиза. Отрывисто попрощавшись, он устремился к сидящим на пустых бочках бойцам. Скажу честно, слова, которые посыпались с губ милорда, никак не вязались с моими представлениями о нем. За несколько секунд он сравнил своих воинов с весьма непристойными человеческими частями тела, усомнился в наличии ума в деревянных головах, и пообещал жестко и непристойно наказать каждого, кто посмеет повторить данную ситуацию.

Старательно давя улыбки мы с Сабией устремились к господскому дому — чтобы не смущать и без того красных, переминающихся с ноги на ногу бойцов. Но на подходе к дому я передумала сидеть в каменных стенах. Саднящее горло успокоилось, и я предпочла свернуть к крохотному садику, разбитому стараниями женщин крепости. Несколько уютных скамеечек позволяли с удобством расположиться, а зазеленевшие кусты укрывали от любопытных глаз.

В палисаднике мы оказались не одни — юные бойцы и их сестры и подруги отбывали трудовую повинность — поливали и пропалывали цветочные клумбы. Сабия хитро усмехнулась и оправила свой белый передник — знак личной служанки высокородной леди. Я отвернулась, чтобы не смущать девчонку улыбкой.

— Мамка ночами плачет, — мрачноватый мальчишеский голос разрезал тишину. — С отцом ругается, говорит второе Противостояние будет.

— Ваша мама, склонна к панике. — Надменно протянул девичий голос, этот голос был мне знаком еще по работе в яблоневом саду. — Не то чтобы я хотела сказать, что она курица...

— Щас за косы оттаскаю, не посмотрю что мужняя! Мамка дело говорит — король казнит не своих подданных, а сына Вортигерна с женой! Эйры казнят высокую кровь гуаров, на площади — беда будет!

— А ты за матью все повторяешь? Может, отец твой что говорит? Лозняк хочет покинуть Ковен?

— Нет, батя не уйдет, и я не уйду!

— Сопли подотри, вояка, — фыркнула девица, и двинулась по дорожке.

Увидев нас, она едва не сбилась с шага, но нашла в себе силы приветливо кивнуть:

— Доброго дня, миледи. Мое имя Инса, ранее не было времени представиться, — девчонка выполняет кривоватый реверанс и присаживается рядом. — Страх выкашивает слабейших, миледи. Не стоит судить юношу строго — он порождение отца и матери.

Какая же ты смешная, говоришь чужими, заученными фразами. Своего мнения не имеешь, зато мужняя, достойная. Не дождавшись ответа — вошенная дощечка была в корзинке у Сабии, а писать мне было откровенно лень, она попрощалась и ушла.

— Жена одного из бойцов, не самый сильный маг, но хороший охотник. Миледи Терцис поставила ее старшей над погребком — там хранится вино и пиво. А милорд Терцис постоянно туда наведывается и каждый раз как он изволит перебраться, его жена Инсу чихвостит только так. Характер вырабатывает. В дом?

Для предстоящего визита Сабия вытаскивает из гардероба странноватый наряд. Вольное смешение эльфийского платья с чисто человеческим изобретением, корсетом. Туго затянутый, он придает силуэту воздушность.

— Нонешнюю фаворитку королю прислали с островного корабля — она чуть обвыклась, и стала свои порядки наводить. Корсета вот, раньше у нас в таком не ходили. Хорошо, наш пропойца специально пару платьев вам под корсету пошил.

На встречу с королевой — нарочито простое, традиционное платье. Туда, где будет присутствовать вся семья — наряд по чуждым лекалам. Куда мы катимся? Только магические барьеры, основная ноша которых лежит на плечах эльфов укрывает нас от островитян.

Говорят, у каждого крохотного островка свой хозяин. Что они привязаны к островам и никуда с них не могут уйти. Почти всеильные на своей земле, здесь они становятся рядовыми магами.

Темное платье обтянуло меня как перчатка, распадаясь вниз широкой юбкой. На талию лег тяжелый, грубый пояс из самородного золота с фиолетовыми камнями. Свободные, полупрозрачные белые рукава над локтями были прихвачены такими же браслетами. Волосы подняты, завиты мелкими кольцами и спущены по левой стороне.

— Король будет слева от вас, волосы лицо немного скроют, — Сабия покачала головой, — ох и страшное вам предстоит, моя леди. Пояс в сокровищнице и другие украшения я потяжелее выбрала — вы глаза шире раскройте, и в себя вслушивайтесь, как пояс давит, как от тяжелой диадемы голова болит. Если пальцы задрожат — это дура служанка браслеты перетянула. И вот, перед порталом выпейте. Оно недолго действует. Мне знахарка дала. Вы не переживайте, не повредит, оно с тем зельем что вы по утрам пьете в реа...риак...короче, нормально они соседствуют.

«Объясни» «что происходит».

— Не могу, маркиз клятву давал, и мы от этого тоже зависим, — всхлипнула Сабия и утерла слезу кончиком косы.

На золотом поясе есть маленький мешочек, туда мне сунули коробочку с помадой, небольшую щепочку которой эту помаду доставать и серебряное зеркало — настоящие зеркала дороги, а губы и в этом подкрасить можно.

Пару мгновений Лидда вглядывалась мне в глаза, затем качнулась вперед, и щеку обожгло прикосновение слишком грубых для женщины губ. Не произнося ни звука, она вывела изящные стрелки на веках, прихватила пальцами за подбородок и запрокинула мое лицо вверх.

— Потекут слезы — пальцами не лезь, тогда краска останется на месте. Иди.

Страх вперемешку с благодарностью — все эти приготовления больше нагнетают страх и нервозность, чем помогают успокоиться.

Атолгар похож на себя, и не похож одновременно. Привычная светлая рубаха, темный камзол, штаны и высокие, шнурованные сапоги, на бедре пристегнут кинжал. За правым плечом меч в потертых, не праздничных ножнах. Волосы перехвачены темной лентой, на левой руке браслет-накопитель. Глава Боевого Ковена Атолгар Амлаут, готов к любым неожиданностям, не ждет королевской милости и собирается любой ценой вернуться назад.

Он сосредоточен, между бровей залегла морщина, твердые губы сурово сжаты.

Сегодня немые мы оба, моя рука покоится на сгибе локтя боевого мага и путь наш лежит к вершине надвратной башни — именно там находится порталная площадка. Неслышимой тенью скользит рядом телепортист, тяжело ступает Квинт, то и дело гневно вздыхая. Боец недоволен, по его мнению, следовало идти всем вместе, напомнить Дин-Эйрину кто выиграл Противостояние. Дор Харт высказался против, и Атолгар согласился — дразнить гусей не стоит.

Подцепляю кончиками пальцев флакончик, выпиваю, ищу куда спрятать, и Квинт подставляет мне свою огромную ладонь. Маленький пузырек на его ручище смотрится совсем крошечным. В голове приятно зашумело, тело сковало изморозью. Первое что я поняла — страха перед высотой нет, снадобье знахарки работает. Шаг вперед, другой, воронка поглощает нас. Ледяной ветер и в ноги бьет твердь королевского замка. Атолгар удерживает меня от падения, а я вскидываю голову еще выше, выпрямляюсь, расправляю плечи.

Замок украшен лентами и цветами, королевские стяги трепещут на ветру. Следом за безмолвным слугой мы покидаем порталную площадку, проходим несколько галерей, откуда открывается прекрасный вид на раскинувшийся у подножия замка город.

— Королевская ложа будет по вашу левую руку, миледи. Вы должны присесть в реверансе и замереть — вы приветствуете не только короля, но и королеву. Так же будет... возлюбленная Его величества, — последнее маркиз вытолкнул из себя через силу. Он был сосредоточен, казалось, что его светлые глаза бесцельно скользят по окружающему нас пространству. Это не так, я привыкла к ковенцам, и даже начала немного их понимать. Атолгар смотрел туда, где спрятался бы он сам, возжелай убить кого-либо. Темные углы, тени позади статуй, пространство за стягами и цветочными ансамблями.

Впервые с момента потери памяти я почувствовала магию — пальцы закололо от силы призванной Атолгаром. Молниеносно возникшей и так же исчезнувшей — из темного провала побочного коридора выступила одиозная, легко узнаваемая фигура. Чумной Лекарь собственной клювастой персоной. Целитель которому позволено не снимать шляпу в присутствии дам и особ королевской крови. Позволено потому, что он сам себе это позволил.

— Здравствуй, друг, — маркиз обменялся крепким рукопожатием с целителем.

— Король ценит свою безопасность, — прошелестел безликий голос Лекаря. — С балкона будет плохо видна казнь.

— Но хорошо видны мы, — маркиз помолчал. — Слышно тоже будет. Посадим миледи между нами — прикроем от взглядов.

— Да.

Свет и шум оглушают меня. Контраст по сравнению с прохладной тишиной коридора и ярким, палящим солнцем на широком балконе ошеломил меня. Дергаюсь, желая вернуться в лживую безопасность каменных стен, но Чумной перехватывает мою кисть. Его обтянутые тканью пальцы скользят по моему запястью, лаская и успокаивая.

— Налево, леди, — шипит Чумной. Поворачиваюсь, слепо смаргивая выступившие слезы и склоняю голову на бок. Приседаю так медленно, словно опускаюсь в нечистоты, а не выражаю свое почтение правящей династии. Гневно выдыхает Атолгар, тихо смеется Лекарь, «молодец, девочка».

Маркиз поднимает меня и помогает усесться. Я укладываю руки на подлокотники

кресла и вздергиваю подбородок вверх. Видь меня моя старая нянюшка, она гордилась бы собой — моя спина в жизни не была настолько прямой. Старательно расслабляю кисти, иначе руки начнут дрожать, а это приведет к неконтролируемой истерике. Я знаю. Стоит только дать себе слабинку и все, дальше будет не остановиться.

На помосте скачут артисты, полуодетые девицы танцуют высоко задирая тощие ноги. Худощавые мальчишки в ярких костюмах жонглируют палаческими принадлежностями, из тех что полегче. Толстый клоун прилаживает голову к плахе и получает пинок под зад. Толпа ликует, толпе хорошо и весело.

— День триумфа династии Кардоргов.

— Ты, правда, так думаешь? — Атолгар не поворачивает головы, и Чумной Лекарь хохочет, сотрясаясь всем телом. Его смех горек, и мне сильнее хочется плакать.

— Так думает король, так думает двор. Какая разница, что думает простой целитель?

Артисты засуетились, последний раз полетели цветные мячи и помост опустел. Гнусавый рожок возвестил о желании короля высказаться.

— Первый день после недели Свадеб омрачен, — король взял паузу, толпа внимала. — Бунтовщики, сделавшие Противостояние близким каждому из нас, получают по заслугам. У каждого в доме есть свой алтарь скорби, — Кардорг склонил голову и помолчал. — Многие из вас напуганы — казнить заложников мира, значит кинуть вызов Вортигерну, правителю проклятых гуаров!

Толпа заворчала. Никто не хотел воевать, но ненависть к гуарам перекрывала все разумные доводы.

— Этого не будет. За грех отцов отвечают дети, но мы, в милости своей, оставим жизнь дочери предателей гуаров. Они не пощадили Бриаллен, а мы, эйры, пощадим их ядовитую кровь! Игрейн Адалберт, новый залог мира между двумя Динами.

— Встаньте, миледи, дайте своре на себя посмотреть, — философски произнес Чумной Лекарь. — Встаньте, пока вас не вздернул на ноги королевский гвардеец, а милорд не начал безобразную драку.

Сглатываю сухим горлом, встаю. Что ж, девочка, ты хотела знать, как тебя зовут? И где твои родственники? Смотри, боги исполняют твои желания.

Под ногами свистала и улюлюкала безликая толпа, жадное до крови и развлечений чудовище. Что же вы творите, Ваше Величество? Управлять жаждущей крови толпой так же легко, как и понесшей от испуга лошадиной тройкой. Заскрипело кресло, рядом со мной поднялся Атолгар, заслоняя, оттягивая внимание на себя.

— Леди Адалберт, — звучный голос боевого мага, привыкшего орать на своих бойцов, легко перекрыл шум толпы. — Благодарит Его Величество Адеррина X династии Кардорг. Боги наказали ее, лишив голоса, и я, Атолгар Амлаут, обещаю — Противостояния не будет. Миледи не покинет пределов Ковена, не проведет вражеские отряды в беззащитную столицу.

Он сел, ожидая что я последую за ним. Я медленно поворачиваю голову к Королевской Ложе, растягиваю губы в улыбке и присаживаюсь в глубочайшем реверансе. Зрение обострилось, я вижу капли пота на висках короля, я вижу, как кривит пухлые губы его любовница. Я не отвожу взгляд, обещая мстить. Мстить страшно и беспощадно. За подлость и жестокость. За себя и за свою семью. Выпрямляюсь и сажусь на свое место. И мне кажется, что стекляшки глаз маски Чумного одобрительно поблескивают.

— Вы играете с огнем, миледи, — негромко произносит маркиз. Я улыбаюсь и ему.

— Не отводи взгляда, девочка, будь с ними до конца, — шепчет Чумной и сжимает мою

ладонь.

На помост выводят две фигуры. Мама, тонкая, ослабленная, цепляется за отца, льнет к нему. Он закрывает ее собой от толпы, и оба они высматривают, ищут взглядом.

— Не смотри! — истошный крик матери будет стоять в моих ушах всегда. Я встаю, встаю чтобы они могли меня видеть. Разворачиваюсь и хватаю кинжал, так удобно расположенный на бедре маркиза. Секундной заминки мне хватает чтобы срезать прядь волос и окропить их своей кровью. Я буду скорбеть по вам, знайте это. Упав в кресло я закрываю глаза. Чумной шепчет заклинания, исцеляя порез на ладони.

Лорд Адалберт казнен через отрубание головы, леди Адалберт повешена как простолюдника.

Сижу. Смотрю. С помоста убирают тело лорда Адалберта, палач, будто специально, роняет корзину с его головой и она катится по ступенькам вниз, где ее подбирают слуги в темных балахонах. Тело леди Адалберт остается висеть. На помост вспрыгивают артисты, крутят яркие обручи, девицы в непристойных нарядах прыгают с лентами, тщась выдать нечто похожее на танец. Человек в королевских цветах бросает толпе медяки. Сегодня на площади останется не два трупа.

Мои ладони с двух сторон накрывают мужские руки. Начинают ныть скулы — зубы стиснуты так сильно, что сейчас растрескаются.

— Пора, леди.

Поднимаюсь так, словно постарела разом на несколько десятилетий. Каждый шаг отдается болью в спине. Укладываю руку на сгиб локтя Чумного, и милостиво соглашаюсь встретиться с ним в ближайшем будущем. Никто не обещал, что будет легко. Руки Лекаря скользят по моей талии, и поясная сумочка становится немного тяжелее. Целую воздух над плотной маской, обозначая благодарность.

— Кто будет их хоронить?

— Тела оставят здесь. В склепе для знатных преступников, — Атолгар перевесил кинжал на другую сторону.

— Вы молодец, моя леди. Еще немного, держитесь, — хрипловатый баритон поддерживает меня на всем пути до портала. Чумной Лекарь ведет нас совсем иной дорогой — мы никого не встретили по пути, то крайне удивительно.

Портал, надо же, высота совершенно не страшна, проиграла в схватке с иными чувствами. Из портала я выпадаю, Атолгар подхватывает меня у самой земли. Чумной остается в королевском дворце.

— Альбод! Покарай тебя боги, сказал же ждать нас здесь! Альбод!

— Он в Смиренном Покое — там дети учудили, — ровно гудит Квинт. — Давай понесу, ты сам зеленый.

— Отстань. Что с детьми? — маркиз несет меня, крепко прижимая к груди. Мне до того плохо, что сил на сопротивление нет.

— Так, бойцы же ж, — Квинт ругается, и не получает замечания от Амлаута. — Похватали отцовские браслеты, мечи и пошли на медведя охотиться. Тихо. Живы все, но напуганы. Ждут твоего высочайшего решения.

— Поганцы, — бессильно стонет маркиз. Мне так интересно узнать, что было дальше, но сознание уплывает.

Мое утро наступило ночью. Привычный ритуал, умывальня, прием горького лекарства. Я стою перед зеркалом, ищу в себе сходство с родителями. С маленькой, сломленной

пытками женщиной, с до самого конца сильным отцом. Нет, они были слишком далеко от меня, чтобы я смогла рассмотреть их лица подробно.

Достаю старое платье, из тех, что привезли мне позже, остатки прежнего гардероба. Спарываю с него черное жесткое кружево. Подбираю волосы и заплетаю косу, перевивая ее отпоротым отрезом. Простенькие сережки, неощутимые раньше, отправляются в шкатулку.

Недостойная дочь, которой должно биться в истерике и оплакивать потерю, я лишь надеваю траурные знаки, как новое, не разношенное платье. Падаю в креслице, да так и остаюсь, взгляд блуждает где-то в глубине отражений. Скользит, не задерживаясь совершенно ни на чем. Со стороны может показаться, что я люблюсь своим собой, но какое мне дело до тех, кто придет на меня смотреть?

По горлу острейшим ножом резанула боль. Широко распахнув глаза, я прижала ладони к горлу, стараясь утихомирить разгорающийся там огонь.

— Са-абия-а, — скрежетом срывается с моих губ имя служанки, в уголках губ скапливается влага. Мазнув кончиками пальцев по губам, смотрю, алые капли крови пятнают кожу.

— Доброе утречко, миледи, — заспанная Сабия не сразу понимает, что позвала я ее вслух. — Ох, помолчите, сейчас я целителя Альбода позову!

Служанка зашуршала за своей ширмой, и выскользнула уже полностью одетая. С повязанным на талии переднике. Только волосы остались не прибраны, да на лице отпечаток подушки остался.

Расслабленно выдыхаю, новый день принес немного удачи. Покидаю свое уютное креслице и выхожу в свою гостиную. Издали слышен громкий голос Сабии. Что уж он вещает, не понять.

Что объединяет всех, без исключения, целителей? Привычка распахивать двери без стука. Мастер Альбод, щуплый, невзрачный мужчина в поношенной мантии, позади него милорд и миледи Терцис.

Целитель бесцеремонно обхватывает мой подбородок жесткими пальцами, наклоняет голову так, как ему удобно. Потрепанный кофр водружен на полированную поверхность стола. И его недр мэтр Альбод извлекает инструменты, они подобно стае мальков плавают вокруг него, по одному укладываясь в правую ладонь.

Проведя все замеры, целитель убрал свои принадлежности. Потер переносицу, и пробормотал себе под нос нечто сугубо врачебное. На лбу и висках мэтра Альбода выступил пот, моя служанка моментально подала ему тонкую салфетку и бокал охлажденного вина.

— Давайте сядем, и выслушаем целителя, — миледи Терцис изящно присела в узкое креслице. На ее простоватом лице еще хранились отголоски недавнего сна, но в остальном Лидда выглядела достойно. Милорд устраивается на полу у ног жены.

— Связки пришли в норму, — одним глотком выпив вино, целитель возвращает бокал в руки Сабии. — Не ждите, что голос будет прежним.

— Ох, леди ж ведь, как птичка певчая! — Сабия всплескивает руками, и бокал вылетает из разжавшихся пальцев. Целитель перехватывает его в воздухе взглядом и ставит на чайный столик.

— Я не рассчитывал, что голос вообще вернется.

— Кх-кх, — откашливаюсь и пробую снова. — Каковы были повреждения?

— Человеческий крик, — сказал целитель, и пожал узкими плечами. — Затем кто-то глупый, но очень сильный исцелил вас, не обратив внимания на повреждение голосовых

связок. Легко лечить колотые и резаные раны, но травмы, возникшие из-за перенапряжения, требуют вдумчивого подхода.

Целитель говорил с видимым удовольствием, смаковал предложения с большим вкусом, нежели быстро выпитое вино. Неразговорчивый в жизни, он обожал делиться лекарскими тайнами и наблюдениями, завладевая вниманием слушателей безраздельно.

— Как у тебя все просто Альбод. А что если не глупый, а сильно умный? Кто знает, чтобы наболтала Игрейн, пока спала? — слова Терциса можно сравнить с брызгами ледяной воды в жаркий полдень. Меня разобрал кашель, Сабия подала бокал вина, который был лихо перехвачен Квинтом, и заменен Альбодом на темный пузырек.

— Масло листьев мальвики, — объяснил целитель. — Носите с собой.

На столик лег замшевый мешочек, внутри перекатывались, сталкиваясь боками и позвякивая, флаконы. Высыпала их на стол, сосчитала и бросила назад.

— Вот что, мужчины, идите-ка, займитесь своими бесценными делами, а девочки посекретничают, — начала Лидда уверенно. — Принеси свежий чай, пирожки и конфеты.

Галантно попрощавшись, мужчины покинули приемный будуар. Сабия тенью выскользнула за ними. С усмешкой откидываюсь на спинку кресла. Да, дорогая, самое время откровенничать и вербовать. Именно сейчас когда жертва сломлена, когда внутренних сил на борьбу нет и так хочется сдать на милость сильного и благородного врага.

— Это я приветствовала тебя по возвращении в земли Амлаута, — Лидда не смотрела на меня. Некрасивая, худая, сейчас она завораживала силой, звучащей в ее голосе. — ты была чумой, что поражает скотину по весне, Игрейн. Или Игринка, как ты просила себя называть. Ты пыталась сравнить между собой Атолгара, моего мужа, и дора Харта. И, знаешь, у тебя это почти получилось.

— Почему? — я должна спросить это по той роли что мне определена. И я спрашиваю, не собираюсь никому путать карты.

— Почему что? Может, тебе это было интересно, а может ты отвлекала их от своих изысканий в замковой библиотеке? Это не было твоим решением, знаешь, в тебе ничего кроме дивного голоса и красоты не было. Ни характера, ни воли. Мы были уверены, ты покинешь Амлаут, вернешься под крылышко к родителям. Но месяц шел за месяцем, ты молчала, не жаловалась. Только все больше строила глазки нашим мужчинам, — слепая, злая ревность поет в голосе Терцис. Ей не жаль меня, она довольно, хоть и скрывает это.

Миледи Терцис замолчала, не позволяя вернувшейся Сабии услышать хоть слово.

— Иди, в тебе нет надобности.

Но Сабия сначала дождалась моего позволения, лишь после этого покинула будуар.

— И я вновь права, — Лидда усмехается. — Слуги терпеть тебя не могли. А сейчас она готова пойти на конфронтацию со мной и оказаться на скотном дворе.

— Это вряд ли, Лидда, Сабия моя служанка, — усмехаюсь ее наивным в своей злости словам.

— Ты никогда не запоминала имен слуг. Знаешь, на что первое тебя проверили? На цельность души — и твое счастье, что проверка прошла успешно.

— К чему ты все это ведешь?

— К чему? Я не собираюсь извиняться, ради спокойствия своего молочного брата я была готова тебя убить. Но пока ты не начала чудить по-прежнему, я буду тебе соратницей. Мужчины зашли в тупик, заговорщики на свободе и у них развязаны руки. Толпу, ты сама видела, гнев народа успешно разжигают. И сражение будет здесь.

— Живых не останется, — тихо произношу я. Но вторая часть фразы остается не произнесенной. Живых не останется. И мне не жаль.

— Да, в случае необходимости наши люди вырежут всех, кто имеет приоритетные права на трон обоих Динов. И купят этим спокойствие земель Амлаут.

Поднимаюсь на ноги, делаю небольшой круг. Вы так сильны, вы так уверены в себе. Вот только и дор Харт и маркиз Амлаут понимают, прошло то время когда все можно было решить силой. Оттого и ввязывается Ковен во все интриги, плетет свою сеть, пытаюсь стать центром на границе двух государств.

— Резни допустить нельзя, — ведь ты именно это хочешь услышать, моя заклятая подруга.

Есть еще не решенные дела, и я начинаю искать свою поясную сумочку. Повторяю свой вчерашний путь, опускаюсь на колени, возле прохода в спальню. От воспоминания о том, как прижимал меня к себе Чумной жаром опалает щеки.

— Ты там плакать собралась? — едко интересуется Терцис.

— Да, репетирую перед вселенскими похоронами, — огрызаюсь я, и выпрямляюсь.

Переворачиваю сумочку над столешницей, и мои скромные пожитки дождем летят, ударяясь о полированную поверхность. И среди знакомых вещиц лежит янтарная безделушка на витом шнурке. Терцис хохочет, запрокидывая голову:

— А суть-то твоя прежняя, верно? Только ухажера сменила. Когда успела только, говорят ты трупом лежала. Или это Чума тебе пишет? Всегда было интересно что этот трус под маской прячет.

— Завидуешь? — хрипло спрашиваю я. Пальцы живут своей жизнью, надавливают, проворачивают и вот в моих руках крохотный клочок бумаги. Плотной, дорогой бумаги. Что за дилетант ее выбирал? Для таких тайничков лучше использовать газетные заготовки, они мягче и тоньше, послание выходит большим. А здесь едва-едва две строчки цифр и букв влезли. Лидда бесцеремонно выхватывает записку, пробегает взглядом и насторожено хмуриться.

— От кого?

— От любовника, — огрызаюсь, и мегера смягчается.

— Прости, ты выпила немало мой крови. Это шифр, довольно распространенный, много лет назад так шифровали послания наши бойцы. После был выведен иной способ, и этот постепенно получил распространение в массах. Кто?

— Чумной Лекарь.

— Братишка должен об этом узнать, — Лидда поднялась, оправила юбки и направилась к двери.

— Что там написано?

— Ты думаешь, я владею этим шифром? — легко соврала миледи Терцис. Она даже не попыталась придать своим словам достоверность, просто отмахнулась от меня. А я пожалала плечами, если я правильно поняла, о чем написано в шифре, без меня ничего не произойдет.

Цифры на листке можно прочесть общеизвестным способом. А можно тем, что придумал мой друг. Друг которого я сильно обидела. Не помню, чем, или как его зовут. Может ли Чумной оказаться тем другом? Не знаю. Вот только там и предупреждение и координаты. Он рассчитал двойной шифр, читая одним способом ты получаешь координаты, вторым, короткое сообщение. «Никому не верь. Держись. Я с тобой». Значит, простил? Значит, я не одна? Или крючок для глупой и голодной рыбки?

Вестник настиг меня рядом с конюшней. Привязав к длинной ветке ленту, я играла с пятнистой кошкой, в ожидании пока Сабия принесет лимонад. Серебристая птица окруженная тонким барьером замерла у левой руки. Нежно касаюсь «клюва» и звучит раскатистый голос:

— Я всюду искал тебя. Свяжись со мной.

Я вплегла пальцы в косу. Кошка требовательно уцепилась когтями за подол, и я пихнула ее в сторону носком туфли. Сердце колотилось, я оттерла вспотевшие ладони о юбку.

— Миледи! А вот и я. Леди Терцис сказала вам на кухню не ходить. А правда, что вы компот через дуршлаг в помой слили?

Отрицательно качаю головой, чувствуя, как покалывает скулы от прилившей к ним крови. Кто мог подумать, что то коричневое месиво — компот?

— Вот значит, соврала? Ну и ладно, а я однажды в уже готовую блинную смесь тухлые яйца влила, а это была последняя мука, детям на перелом года блинов напечь хотели. Меня не ругали, — Сабия нахмурилась, — я сама плакала.

Последняя мука. Для меня это что-то непонятное. Как мука может быть последней, на же всегда есть?

— А мужчин нынче в крепости нет, — Сабия присаживается и начинает отцеплять от моей юбки зацепившуюся когтями кошку. — Потащили мелких в лес, будут учить охоте. И пугать. Оно и правильно, это ж ведь надо было додуматься. А все пришлые, подначили. Наши-то отцовскими ремнями ученые.

Я радуюсь тому, что Сабия умеет читать. Пусть голос ко мне и вернулся, но я все еще ношу с собой вощеную дощечку. Берегу горло — одну фразу из трех записываю. И пусть это смешно, но я слишком боюсь остаться немой чтобы игнорировать советы целителя.

Необходимо занять свой день. Иначе глухая обида, непонимание, злость и Проклятые Духи знают, что и кто съедят меня изнутри.

Даже от забранной записки не так больно, как от молчания. Неужели он не мог мне сказать? Я бы успела хоть что-нибудь. Попрошаться, вымолить позволение увидеться с родителями.

От горечи першит в горле и я пью внеочередной фиал масла. Сабия заглядывает в глаза, улыбается и тараторит, рассказывая бесконечные истории про свою товарку Нидду.

В пристройке, рядом с кухней, собрались все наличные дамы. Рассевшись перед мешками они споро перебирали зерно, перемывая косточки мужьям.

— Доброго дня, Игрейн, — Лидда кивнула мне в угол, — можешь присоединиться.

Занятие было бы довольно нудным. Но мне пришлось в голову посмотреть на зерно с точки зрения колдуньи. Так и вышло, порченые зернышки в магическом зрении выглядели черными, а цельные — белыми. Прищуриив глаза и выпрямив спину я левитацией подхватывала черные точки и отбрасывала в стоящую на полу площадку. Это занятие настолько увлекло меня, что я даже не заметила наступившей тишины.

— Игрейн, — Лидда тронула меня за локоть, и я едва удержала концентрацию. Вскидываю на нее глаза. — Мы не используем магию для работы.

«Почему?» стило легко царапает воск.

— Потому что, — Терцис прикусывает губу, — это закрытая информация.

«Я — могу, чужая». В трех словах выразить и горечь и спокойствие.

— Да, верно. Ты молодец.

На свежем воздухе был накрыт стол. Вообще в землях маркизата Амлаут время тянулось подобно патоке. Лениво, тягуче, затягивая в свой неспешный ход каждого, кто имел неосторожность появиться здесь. Степенные беседы дам о зерне и видах на урожай. И малиновое варенье, с травами, от простуды, следует сварить побольше — денег нет, значит зима будет холодной. Не вырубать же лес, из-за того что нет денег на горючие камни?

Напившись с женами бойцов чая, я вышла в сад. Солнце клонилось к земле, и мне нестерпимо хотелось немного почитать перед беспокойным сном.

Прохладный, вечерний ветерок приносил с собой дивные ароматы цветущих яблонь. Не назойливый, едва ощутимый запах умиротворял. Трижды перечитанная баллада вызывала усмешку, как и каракули на краях — Сабия зачитывала особенно удавшиеся комментарии слугам. Что принесло ей особую популярность и псов отправляли кормить Нидду. Девушку непорядочную и склонную к жестоким шуткам. Это если верить Сабии.

Сама Сабия готова была на меня молиться. Это было заметно по тому, как она ежеутренне изобретала на моей голове новую прическу, укутывала на улице в теплый, овечий плед. И по три раза за ночь будила меня, задыхающуюся от слез.

— Вы хорошая, понимающая. Не требуете, чтобы я у двери стояла, или еще какую глупость. Вот вы своим делом заняты, и я своим, приданое собираю. Мне-то неоткуда добра к свадьбе ждать — мамка старенькая совсем, шить-вышивать не может. Не голодранкой же мне идти? А шнурок ваш, для лорда Терциса младшего я подправила, кривеньким он так и остался, но на волосах заметно не будет.

Примерно так, утром, мне ответствовала служанка, на вопрос отчего она так обо мне заботиться. А шнурок мы упаковали в бумаги и Сабия отнесла его Герладу, с моим письмом внутри.

— Приятный вечер, миледи.

Маркиз как забытый медяк — перестала искать и он нашелся. Вчитываюсь в опостылевшие строки, стараясь прочувствовать собственное понимание слова «предательство». Юная дева так патетично вещает уже третий лист подряд о том, как ее предали, что и я и рыцарь потеряли нить претензий.

— Вы сердиты, леди Игрейн?

«А вы считаете, не должна?» От злости я даже использовала знаки препинания. Все что я гнала от себя навалилось разом.

— Простите.

Сабия протягивает мне фиал с маслом и я отрицательно качаю головой. Только недавно пила.

— Полагаете, у меня есть повод сердиться, милорд? Я преисполнена благодарности, к вам и сиятельной династии Кардорг, да продлит Кернунн время правления Адеррина Десятого, — нет ни малейшего желания объяснять свое настроение маркизу.

Сабия прыскает смехом, Атолгар поджимает губы. Изучая заново религию, я наткнулась на малоизвестный факт, что в прошлом, когда Боги еще ходили по земле, Кернунн трижды казнил несправедливых властителей.

— Сабия, собирай вещи, становится слишком холодно.

Маркиз вздыхает и помогает моей служанке собрать вещи в корзину. Розовые ушки девушки подрагивают от любопытства. Сегодня вечером у слуг будет много поводов

посудачить.

— Вы имеете право злиться, миледи. Позвольте лишь проводить вас.

— Премного благодарна, милостивый лорд, — я склоняю голову. Из моего хриплого голоса не сделать нежный девичий щебет. Но я стараюсь. Хлопаю ресницами и повисаю на руке Амлаута.

Перед глазами стоит баллада, и я повторяю монолог главной героини едва не сведшей с ума злого колдуна:

— Ах, этот птичий щебет, вы слышите? — с тренировочной площадки прозвучал сочный матерок Квинта. — Словно сама мать-природа говорит с нами.

Сабия давилась хохотом, Атолгар кусал губы, а я злилась.

— Смилуйтесь, Игрейн. Я дал клятву, вашему отцу, что буду защищать вас. Так и тем способом которым смогу. Желание короля, на территории его королевства — закон. Я не мог поступить иначе. И не хотел. Ваше незнание спасал вашу жизнь.

— Вы были там, — царапать на ходу не удобно, и я решаю не щадить горло. — Место указанное в записке. Что там? И оставим тему про семью, погибли и Таранису на радость, мне на слезы. Все. Я разберусь со своими чувствами сама. Если вы конечно не хотите побеседовать о чарующей красоте весны и упоительном аромате свежей земли.

Атолгар с ужасом покосился на глубокую лужу по которой уже несколько раз промчалась собачья свора и покачал головой.

— Я не могу обещать вам покарать виновников, — он смотрит уверенно.

— Я не собираюсь из-за своей прихоти вынуждать вас подвергать Ковен опасности. Мне нужно знать. А там как жизнь сложится.

— Вы поверите мне на слово?

— А вы гербовую бумагу предложить можете? С печатью и подписью?

— В записке были указаны координаты нескольких тайников. Один приготовила ваша матушка, второй отец. Тот, что устроила леди Адалберт — раскрыт. Схрон вашего отца невозможно открыть без вашей крови.

— Вы и флакончик с собой принесли? — как можно более едко интересуюсь я. Конечно, безголовую глупышку кто будет вовлекать в расследование? Нацедить с нее крови, да отправить гулять по условно безопасным землям.

Милорд Амлаут немного смутился и как-то неловко прикрыл рукой пояс — очевидно емкость под мою ценную кровь находилась именно там.

— Либо я иду с вами, либо режьте меня силой, маркиз!

На суровом лице воина отобразилась борьба сразу двух чувств — оскорбленная гордость воевала с желанием воспользоваться моим щедрым предложением. Я затаила дыхание, реши маркиз пойти наперекор — не мне с ним бороться.

— Миледи, вы вынуждаете меня творить недопустимые вещи, — маркиз нахмурился. — Ваше участие в операциях Ковена выставляет нас не в лучшем свете.

— Маркиз, — пора выпить новый флакон масла мальвикии. — Я не собираюсь брать в руки оружие. Но ведь Ковен не всегда идет напролом? Тайник — я хочу сама открыть его. Я хочу знать, что там, читать, что там и смотреть, задери вас дикие звери, что там. Я хочу знать, ради чего родители отдали свои жизни. И что было со мной.

— Вас могут узнать, — негромко произносит милорд Амлаут, сдаваясь. Почему сдаваясь? Да потому что его последнее изречение я даже комментировать отказываюсь — кто меня узнает? Чтобы ни болтали в тавернах, на лица между эйрами и гуарами разницы

почти нет. А ту, что есть, горожане не разберут.

— Хорошо, миледи, но учтите, это только потому, что вы меня бессовестно шантажировали.

— Не слышали фразу популярной нынче поэтессы, из Дин-Эйрина, что-то про женщину, которая змея? Вот и не ищите во мне того, чего отродясь не было. Я сейчас про совесть.

Как выяснилось, кабинетом главе Боевого Ковена служит общая воинская зала. В одной стороне стоит внушительный письменный стол, рядом несколько скамей, пуфов, кресло без одной ручки и три маленькие скамеечки.

— Не надо так смотреть, Игрейн. Крепость только кажется большой, на деле лишни комнат нет. У счетовода есть своя каморка, и я бы еще в ней поместился, а вот Квинт в нее и боком не проходит. Лучше уж так. Да и привычней.

Воинский зал был жарко натоплен — прямо под ним располагалась кухня, так что к жару камина прилагался и жар от печей. Особо холодными зимами здесь спали дети и женщины, укладываясь прямо на полу, на соломенных тюфяках.

— Присаживайся, девонька, сквозняк здесь по ногам особенно сильно чувствуется, — прогудел Квинт и широко обвел рукой разномастную мебель, — выбирай куда хошь уместиться, тащили у кого что есть лишнего.

Милорд Терцис на мгновение прижался губами к моей макушке и тут же принялся знакомить меня с бойцами:

— Мой старый товарищ, Эгги по прозвищу Бурый.

Мужчина был невысок и коренаст, все обозримое пространство кожи было покрыто курчавыми волосками. Он коротко кивнул и сцедил зевоту в кулак.

— Дор Йорген Ан, чаще слышит в свой адрес Лозняк. Хороший малый, как и все мы.

Темные глаза Лозняка словно мимоходом скользнули по мне, зацепили отсутствующие серьги, грубый шнурок в волосах. Криво усмехнулся и небрежно кивнул.

— Итак, дамы, когда мы все познакомились и расшаркались, — Квинт усадил меня в широкое, мягкое кресло без ручки, и набросил на ноги истрепанную волчью шкуру. — Можно и пообщаться.

Целитель Альбод только подкатил глаза, в ответ на выпад Терциса.

— Вы не смогли открыть тайник, почему? — беру диалог в свои руки. Я смотрела на маркиза, но ответил дор Харт:

— Тайник в хорошем месте — оживленная таверна. Начни мы творить ритуалы и королевская стража возьмет нас за жабры.

— Какое им дело до волшбы? — в памяти что-то крутится, но ухватить не выходит.

— Здесь я поясню. — Голос дора Йоргена резанул по ушам. Сиплый, грубый, он рассказывал слушателям о том, как грубо были повреждены связки. Повреждены и быстро залечены, как у меня. — Особый королевский перечень заклинаний определяет чем мы можем пользоваться, а чем нет. Один из пунктов, запрет на серьезную волшбу в местах скопления людей. Канцелярские крысы полагают это опасным.

— Другое дело, что правосудию слабо прихватить нас за жабры, — перебил Лозняка Квинт. Дор Йорген согласно кивнул и вытащил из рукава темный флакон. В такие пузырьки целитель Альбод разливает масло мальвики.

— Тайник настроен на вас миледи. — Атолгар кивнул, и неохотно добавил, — ваша кровь, будучи отделена от вас, могла и не сработать.

Мужчины принялись жарко обсуждать предстоящую вылазку. Я, со своим ценным мнением, влезать не стала. Как показала практика, с кухонным ножом в укромном уголке, некоторыми приемами я владела. Но память тела отделенная от рассудка не лучший советчик.

Дор Ан возжелал испытать зелья Истинного зрения и проследить за нами с крыши театра, самого высокого здания в городе. За исключением домов знати, но те крыши слишком хорошо охраняются.

— Глупец, глаза на помойку после этого выкинешь? Сколько раз повторять, эту отраву, будь она неладна, нельзя часто использовать. Ты и так за последнее время много ее в себя влил.

— Я стрелок!

Здесь целитель ответил крайне похабно и в рифму. После чего вспомнил про меня и устыдился. Но больше всех мне понравилось отношения к происходящему Квинта и дора Эгги — бойцы быстро сообразили на двоих, и потихонечку доходили до грани алкогольного отравления. Закусывая крепкий самогон сушеными яблоками мужчины отпускали едкие комментарии в сторону своих товарищей. И старательно кормили меня кисловатыми, сухими дольками.

— Квинт, — окликнул бойца маркиз и весьма многозначительно мотнул головой в мою сторону. Мол, что творишь. Милорд Терцис изволил отмахнуться от своего сюзерена:

— Девять из десяти, что уходить придется боем. Значит, вся ваша тактическая заумь яйца выеденного не стоит. Городите забор вокруг навозной лужи. Игрейн переоденем в горожанку, из зажиточных, да с тобой Атти на свидание отправим. Посидите, посмеетесь, заберете посылку, а мы присмотрим. Тебя в Дин-Эйрине каждая собака знает, так что пойдешь в родовых цветах.

— А я буду дамочкой из незатейливых. — Хмыкаю, но хоть и неприятно вживаться в роль беспутной девицы, а зерно истины в словах Квинта есть.

— В точку, ни один городской патруль не потревожит боевого мага окучивающего симпатичную девицу, — похабно ухмыльнувшись Квинт допил остатки браги во фляге, и достал новую. Под ворчание целителя Альбода о неумеренных возлияниях и воздействии алкоголя на рефлексы, Квинт предложил Эгги переместится на улицу.

— И миледи проводим до покоев, а то девочка уже спит.

Я тут же встряхнулась и возразила, что сна у меня нет ни в одном глазу. Но слушать меня никто не стал, чему я втайне была рада. Спать действительно хотелось, день выдался нервный, да и по крепости я побегала так, что даже Сабия устала. До покоев шли быстро — каждый шаг приближал меня к желанной подушке. Скомкано попрощавшись с бойцами я начала стягивать с себя платье еще по пути сквозь гостиную к спальне. Рухнув на постель я блаженно прикрыла глаза и уплыла в сон пока служанка бережно расплетала мою тугую косу.

Посреди ночи я проснулась от душивших меня слез. Во сне меня навестили и отец и мать. Я сидела в уютном и светлом кабинете отца и честно пыталась выслушать его наставления и просьбы. Королева давала бал в своем городском особняке и вернулась я лишь под утро. Мне были прекрасно известны дальнейшие события — я как и всегда усну, а отец достанет дорогой коньяк и будет просматривать газету, которую матушка в дом вносить не позволяет. Ибо в ней одно лишь непотребство, слухи и разврат. Так, пока леди Адалберт полагала, что отец проводит с дочерью воспитательные беседы, мы каждый занимались чем

хотели — он смаковал подробности личной жизни знатных людей, а я отсыпалась после бала.

Нос заложен, лицо мокрое, утираюсь ладонью и переворачиваюсь на живот обнимая руками подушку. У меня была счастливая семья, любящие отец и мать, своя особая атмосфера дома. Дом, самое уязвимое место для каждого человека. Он, лишь кажущийся нерушимым, осыпается карточным домиком, оставляя тебя без защиты и надежды. Сейчас особенно остро ощущается потеря поддержки отца и мягкой любви матери.

Поднимаюсь, дотягиваюсь до столика и жадно пью оставленную там для меня воду. Опустошив стакан, наливаю еще. В зачарованном кувшине вода всегда остается холодной и свежей. Стираю ручейки с подбородка и падаю обратно в постель. Нужно уснуть.

Но вернуться в давящие объятия сна мне не довелось. Громовой удар заставил меня подпрыгнуть на месте. Кто-то вломился в гостиную, и истеричный взвизг Сабии это подтвердил.

— Уймись, дура!

— Грозный боевой маг повержен тапком, — голос дора Харта я узнала сразу. Неужели Сабия огрела туфлей Терциса.

— А вы бы еще шумнее вошли, так я бы сундуком вас приголубила, — воинственно отозвалась девица.

Эти гости тихо не уйдут. Встаю, надеваю плотный халат. Тяжелая ткань надежно скрывает мое тело и нижнюю рубаху от нескромных взглядов.

— И кто из вас желает на мне жениться? — негромко вопрошаю я. Сабия хихикает:

— Оба при женах.

— Миледи, — Квинт подхватывает мою ладонь и порывисто прижимается губами к коже. Его щеки покрыты колючей щетиной и я невольно морщусь.

— Пожар? — это все что я смогла из себя выдавить, слишком бледно выглядел боец.

— Молю о помощи, мой сын в Лекарском Покое, крапинка, — милорд едва проговаривает слова, путается.

Вот уж точно не шутки. Я закрываю плечи и голову шалью и жестом показываю, что готова идти. Сабия перехватывает меня на полпути и подает туфли.

— Сын, второй, он не от жены. Клэри, любовница моя, — милорд нервничает и делится со мной горем, даже не обращая внимания на излишнюю откровенность, — испугалась. И молчала. Только ребенок заболел, она в Ковен и примчалась. Клэри из Дин-Гуардира, там крапинка большая редкость, вот они и запустили болезнь.

— Что я могу сделать? — голос хрипит, масло мальвикии осталось в покоях. Терцис серьезно и спокойно посмотрел на меня. Будто разом всю свою нервозность сбросил:

— А что захочешь, девочка. В ту ночь тебя боги за руки водили, и сейчас не стесняйся, хоть в воду макай, хоть в варенье. Помоги, Игрейн.

Это страшно, это очень страшно, когда на тебя смотрят с таким безграничным доверием и надеждой, а ты можешь лишь разводить руками, и обещать сделать все что получится.

В Покое шумно и людно, ярко горят факелы, по углам треноги со свечами. Среди пляшущих теней мечутся две женщины выполняя приказы Альбода. Рядом с ним замер юный мальчик, он старается не смотреть на посиневшего ребенка, но при этом отслеживает все действия целителя, и даже что-то успевает записать на клочок бумаги.

Неслышимым призраком подхожу ближе, у ребенка не осталось сил на крик, только короткие, рваные вдохи-выдохи, такие, что каждый может оказаться последним. Глажу его

по лбу, обвожу пальцами носик — кожа совсем ледяная. Откашливаюсь и хрипло требую согреть ребенка. Альбод пытается возразить, но спор не успевает начаться, все решает Квинт. Он сам притаскивает из угла чан, заливает воду и согревает ее одним движением руки.

Эта ночь не похожа на ту, что иногда мне приходит ко мне в дурной час. Тихо, светло, много людей. И страх подвести, не справиться, не оправдать довериях в глазах старшего друга. Человека который взял меня, беспамятную, глупую под опеку.

Синева сходит с кожи ребенка, оставляя после себя темные разводы в воде. Разводы, которые впитываются в мою кожу. На меня наваливается апатия, подобно тому как я очнулась в королевском замке — страх колет меня словно через вату, оттого я не спешу убрать из воды руки до тех пор пока вся темнота не проберется мне под кожу.

Рядом суетится Альбод, касается моего лба сухими пальцами, бормочет заговоры, прикладывает ко мне различные камни. Ребенок явно почувствовал себя лучше — он кричит, резко дергается, и я не удерживаю его в руках. Хорошо, что за моим плечом стоял Квинт, он подхватывает сына и передает на руки одной из женщин. Сам же он перехватывает мое тело и оттаскивает в сторону. С правой стороны от входа есть скамья. Ее не было в прошлый раз, или же я ее не заметила.

В руки мне суют исходящий паром кубок, и я потихоньку отпиваю, наблюдая за действиями целителя. Рядом крутится мальчишка, смотрит за действиями целителя. Альбод негромко комментирует происходящее, но из-за крика младенца мне ничего не слышно. На лавку грузно опускается Квинт, его огромная лапища сжимает мое плечо до хруста.

— Девку прибью, дуру. А за сына, спасибо.

— А Герад?

— Он не останется на острове, — Квинт вздохнул. — Друид сказал.

Тогда почему ребенок не от жены? Что-то мне подсказало, что задавать этот вопрос не стоит. Но Квинт ответил сам:

— У нас разные спальни. Как родился Герад, так и все.

Чья же это была инициатива?

— Теперь вы, леди Игрейн, — целитель устало трет глаза, подходя ближе к нам, оставляя за спиной уснувшего ребенка.

— Можно просто Игрейн, — улыбаюсь, и получаю в ответ сухое:

— Не стоит, леди.

Это какая же муха укусила целителя? Ладно, пусть так. Обидно и горько, ничем я не заслужила такого отношения. Но и Проклятые Духи с ним. Вскидываю брови и вежливо улыбаюсь, мол, все поняла. Мы с вами не друзья и друзьями не будем.

— Подробно опишите свои ощущения, — негромко командует целитель.

— Слабость, плохо контролирую руки, — зато очень хорошо контролирую голос. Ровно, спокойно, обстоятельно докладываю. — Немного кружится голова. Не знаю, относится ли это к делу — очень хочется кушать.

Целитель Альбод укладывает ладонь мне на лоб, скороговоркой произносит несколько заговоров.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы сильно истратили свой резерв, — целитель задумчив. — Раньше вы обладали большим личным зарядом. Вам необходимо допить отвар и плотно поесть.

— Благодарю, целитель, — склоняю голову. — А что до заряда, раньше у меня много

что было. Квинт, ты проводишь меня до покоев? Боюсь, не дойду.

— Вам лучше остаться здесь, под присмотром, — вмешался целитель.

— Не стоит, целитель. В прошлый раз я обошлась и без зелий и без ужина, осталась жива, как видите.

— Эй, ты, как тебя зовут? — Квинт тут же развивает бурную деятельность.

— Фрида, милорд.

— Живо на кухню, разбуди повариху, пусть яишню с копченостями нажарит, ломоть хлеба, сыр и зелень. Все это в покои леди Игрейн.

Под ложечкой засосало от предвкушения жирной, бесполезной пищи. Я стараюсь ограничивать себя, есть мнение, что обильные кушанья превратят меня в очаровательную гуарскую хрюшку. Но сейчас я дрожу от мысли об огромной тарелке еды. И по большому счету мне все равно кого и как пожарят, лишь бы быстрее и больше.

До покоев милорд Терцис тащил меня на себе. Обхватив мою талию, он ласково уговаривал меня перебирать ножками. Перед глазами прыгали черные точки, а желудок непристойно бурчал.

В гостиной на столике стоял деревянный поднос на котором паром исходила большая, глубокая тарелка. Сложно сказать насколько я соблюла каноны застольного этикета, знаю только что, уронив кусочек копченого мяса, подхватила его кончиками пальцев и отправила в рот. И мне было ни капельки не стыдно. Казалось, я непременно умру если не поем.

После еды меня потянуло в сон, и милорд велел служанке сидеть у моей постели, караулить сон. Девчонка уселась на холодный пол и засветила ночной шар.

— Рукодельничай на постели, — бормочу я. — Не помешаешь. Сейчас мне даже ритуальные песнопения не мешают.

Проснувшись я в середине дня. Сабия смотрела на меня покрасневшими глазами и душераздирающе зевала.

— Ложись, поспи.

— А вы как же? — больше для порядка возмутилась служанка.

— Ничего, пару часов как-нибудь продержусь. Надолго не укладывайся, а то день с ночью спутаешь.

— Милорд Амлаут заходили, беспокоились, — вещала служанка из-за своей ширмы. — Ругаться изволили на милорда Терциса, мол, уморил вас.

— Думаю, это было не всерьез. Где найти Герада? — нужно навестить друида, да и парню не повредит проветриться.

— На тренировочной площадке, он всегда там, — Сабия любопытно на меня покосилась, но ничего не спросила.

Место, где упражняются боевые маги, было легко найти по азартным крикам и громкой ругани наставников. Герад стоял в стороне от основной массы и наблюдал за тремя мальчишками.

— Доброго дня, Герад.

— Ахм, миледи, а вам? То есть добрый день, — мне удалось застать бойца врасплох.

— Что такое интересное они делают?

— Эм, укрепляют руки. Чтобы хорошо колдовать нужно быть здоровым, — парень смутился, но быстро оправился и с жаром начал объяснять политику Ковена. Обязательные физические упражнения для всех, даже если у одаренного человека нет тяги к боевой магии.

— Молодцы. Значит, вы заняты? Я надеялась, что вы проводите меня до капища.

— Если обождете немного, отчего и не проводить? Заходить не буду, с прошлого раза не отошел.

Приятно наблюдать за тренировками взрослых магов сидя на бревнышке в тени крепостной стены. Красивые слаженные движения, яркие вспышки заклинаний, мат — боевые маги явно не могут без него обойтись. Да, посмотреть на них интересно, но оказаться на чьем-либо месте — не хочу. Только представить, что это меня спиной впечатали в стену, или перебросили через колено, нет, спасибо. Боевая магия не терпит халатности, ею нужно жить, дышать, тренироваться до кровавого пота не пропуская ни дня. Милорд Терцис кобель и выпивоха, но каждое утро он на площадке — поддерживает себя в форме. Ругается, клянет окружающих его криворуких недомагов, но выжимает из себя максимум.

— Миледи? Можем выдвигаться. У вас что-то случилось? Друида никто не стремится видеть чаще необходимого, — утирая со лба пот, ко мне подходит Герад. Он старается повернуться здоровой половиной лица, что меня немного злит.

— Это зависит от того, насколько вы в курсе событий прошлой ночи? — вопросительно смотрю на парня.

— Я знаю, что мой брат заболел крапункой, — Герад пожал плечами.

— Вчера младенец чудесным образом исцелился, хочу спросить об этом богов, — я решила не поднимать пока темы своих способностей.

— Это хорошо, для отца смерть сына стала бы ударом, — горько отозвался Герад. Я резко развернулась:

— Ты его сын.

— Кривой.

— А разве бойца лицо делает? Друид сказал, что ты уйдешь с острова, — я выпалила это на одном дыхании и прикусила язык. Кто знает, может, нельзя было говорить? Но зато некрасивое лицо Герада осветилось радостью, и эта искренняя улыбка стоит многого. Дети зависят от родителей, подчас сильнее, чем им кажется.

Воодушевленный боец помог мне собрать огромный букет ранних цветов и даже наломал ветвей орешника, яблони и вишни. На тропинку я выходила, ощупывая путь впереди себя носком туфли.

Полянка все также поражала буйством красок. Разложив подношения я села в центре и сосредоточилась на ночном событии. По рукам пробежала дрожь, появилось неприятное чувство в кончиках пальцев. Будто скользкие, маленькие черви шевелятся под моими ногами.

С кончиков пальцев на траву стекал густой, черно-фиолетовый туман. Стекал и впитывался в траву, пачкая нежную зелень темной крапкой. Вместе с туманом меня покидало ощущение легкой неправильности, которую я до этого даже не замечала.

— Боги выбрали тебя, — друид шел мягко, но я все равно слышала его шаги, как сминается трава под грубыми сандалиями.

— Что может сделать одна ведьма в масштабах целого государства? — голос хрипит и рвется. Мне становится страшно, только представить сколько людей возжелают здоровья своим детям. А сколько захотят получить меня только для себя, как гарантию выживания рода? Во рту появился горьковатый привкус.

— Боги ничего не делают просто так, но не спешите объявлять себя возрождением смертной богини.

— Вот уж какой радости мне не нужно, — криво улыбаюсь.

— Дар исцеления, это светлая, чистая магия. Обратной стороной которой является разрушение, посмотри, — старческая ладонь указала на траву. Зелень, впитавшая в себя мою мглу, превратилась в слизь, стремительно впитывающуюся в землю.

— Не злоупотребляй этим.

— По какому критерию вы предлагаете выбирать? — натужно сглатываю и передергиваю плечами.

— Не выбирать, нет. Молчание, вот основа всего. Те, кто должен выжить найдут тебя сами.

— Нет, это не правильно, — качаю головой. Ладно и складно получается у друида, да только не ложатся его слова мне на сердце.

— Я проводник воли богов, — старик щуриться, причмокивает губами. — Как же мои слова могут быть неправильными? Это слова богов.

— Нет, это воля богов, истолковать ее можно разными способами. Молчать, не значит пройти мимо.

Пространство взметнулось и бросило меня вон. Из сверкнувшей золотом воронки я вылетела прямо под ноги Герладу. Боец не был удивлен.

— Так бывает, — он сочувственно улыбнулся и потер шею.

Обратно мы доехали на деревенской телеге. Он мягко покачивалась прямо в воздухе.

— Это была славная сделка, — селянин закатил глаза. — Купец считал, что обманул меня, вручив некачественную вещь, она ведь самоходная должна быть. А я отдал за нее всего пол золотого и с тех пор заработал двадцать. Лошадь почти не устает, — хвастливо прицокнул мужичок.

— Здорово.

— Агась.

Селянин угостил нас холодным молоком с хлебом, поделив все пополам, мы умяли угощение в несколько минут. После чего Герлад пересел поближе к нашему вознице, а я откинулась на сено. Проплывающие в небесах облака принимали причудливые формы, заставляя гадать, где они были и что видели.

Дорога для телег была кружной, долгой, я успела задремать. Проснулась когда пора было слезать, на мои плечи был брошен камзол Герлада. Кивнув юноше, соскальзываю с телеги и мы оба сердечно благодарим селянина.

Сколько раз нужно увидеть крепость Ковена чтобы темная громада перестала ввергать меня в трепет. Наверное, здесь нужно родиться. От неприметной тени отделяется фигура, Герлад на мгновение напрягается и тут же принимает спокойный и независимый вид. К нам направляется дор Йорген.

— До капища ходили? Правильно. Расскажешь, — он говорит коротко, рублено, бережет горло. Не похоже на вчерашнюю короткую лекцию. — Мать тебя искала.

Герлад быстро коснулся губами моей руки и ретировался, оставив меня на попечение Лозняка. Засунув руки в карманы боец немного ссутулился и предложил проследовать с ним в Малый зал. После этой короткой фразы он больше не проронил ни слова, только шорох его едва слышных шагов сопровождал на по пути. Он явно мыслями пребывал не здесь — вспоминаю, что его жена хочет уйти из состава Ковена, а он участвует в тайных операциях. Не повезло, дома жена пилит, днем маркиз с дором Хартом.

— Спасибо что встретил леди, Йорген. Что-нибудь узнали полезного? — маркиз чем-то раздражен, говорит отрывисто. Ладно, ему простительно, мало ли бед у главы такого

хлопотного хозяйства как боевой Ковен.

— И да и нет, — усаживаюсь на вчерашнее место. Милорд Терцис отсутствует, потому ноги мне укутать шкурой некому. Поэтапно рассказываю обо всем произошедшем в капище, маркиз изволит ругаться.

— Ты не богиня, девочка, это факт, — внушительный бас от дверей, Квинт пришел. — Бриаллен удерживала однажды забранную болезнь внутри себя, хроники это четко описывают.

— Ты умеешь читать? — с интересом поинтересовался дор Харт.

— В перерывах между дуэлями, — осклабился Терцис.

— Дамы, дамы, спокойней, — хохотнул Эгги, поднявшись с кресла, протянул руку Квинту, приветствуя. — Гораздо важнее, что леди Игрейн порвут на части, желая заполучить хотя бы малую вероятность того, что дети родятся сильными магами.

— Магами?

— Крапинка поражает только юных колдунов, — маркиз пожал плечами, — переболевшие и выжившие теряют дар или довольствуются жалкими крохами. В Ковене этой проблемы не было до недавнего времени.

— Ее нет и теперь, — Лозняк внимательно посмотрел на меня. Киваю, верно, я не хочу лишаться покровительства боевых магов, а значит останусь здесь. Где-то в глубине души заворочался зверек по имени совесть, но быстро утих.

— Имеет смысл пересмотреть концепцию сегодняшнего вечера, ввиду того, что...

— Нет. Я иду и точка, это не обсуждается. Ритуал мог сработать как угодно, и последствия могут быть тоже не столь радужными, как кажется сейчас, — голос слушается меня уже лучше. Хрипит, дрожит, но постоянной подпитки маслом мальвикии не требует.

— Разумно.

Мужчины растянули ширму, и позевывающая Сабия притащила ворох платьев. У меня таких не было. Цветастые, обтрепанные по подолу, с подобием корсета и вызывающей шнуровкой спереди.

— Рубаху под него надо, вот, такая будет плечи открывать, как будто случайно. Сейчас в городе так носят.

За ширмой служанка помогла облачиться в серовато-белую рубаху с некачественным кружевом, сверху легло синее платье из грубой ткани. Волосы подняли на затылке в неопрятный пучок, выпустив несколько прядей на лицо. Губы Сабия накрасила мне бесцветной мазью.

— Зачем?

— Губы от нее красными становятся. Для благородных дам помада, а горожанки мазью пользуются.

Хорошо, что мои любимые туфли подходили под общую статью наряда, только ленты были заменены. Выйдя из-за ширмы, я произвела на мужчин фурор.

— Я бы не прошел мимо, — подмигнул мне Квинт, а вот маркиз был недоволен, но высказаться ему не дали. — Не гуди, все правильно девочки сделали. Перед тобой не леди, а развеселая горожанка, что днем продает цветы, а вечером живет с любви непереборчивых бойцов вроде тебя.

— Я не...

— Ты — да, — фыркнул Бурый и милорд поднял руки, показывая, что сдается. А я остро пожалела, что в Ковене не прижились веера — прятать за ним улыбку было бы куда

уместней, нежели сцезивать ее в кулак.

— Ковен погрязнет в дуэлях и стычках с белыми группами, — хмыкнул Эгги и шумно вздохнул, отодвигая от себя кубок.

— Без девочки станет хуже — крапинка пришла и к нам, еще при моем отце на десять одаренных приходился один больной ребенок. Но он оставался жив, и даже не сильно терял магию. Посмотри на Альбода.

Все словно по команде посмотрели на смутившегося лекаря. Он показал рукой странный, непонятный мне жест.

— Как интересно, — поворачиваюсь к заступившемуся за меня Квинту, — значит, крапинка идет откуда-то?

— Крапинка наказание богов за убийство Бриаллен, — маркиз не утверждал, он просто констатировал старую истину.

— То есть на землях Ковена снова ее убили? — сколько скепсиса может вместить в себя эта фраза? Достаточно, чтобы милорд Амлаут поморщился как от зубной боли.

— Хорошо, значит завтра вечером выступим именно в таком виде и составе, не забудьте уложить леди иглу в пояс, не грызть же она пальцы будет чтобы кровь пошла, — хохотнул Квинт.

Теперь мне точно известно, что ощущают девицы похищаемые кровожадными злодеями. Наброшенный на голову мешок пах колбасой с чесноком, руки чесались под бинтами. Так как меня никто не похищал, а всего лишь тайно телепортировали, то запястья мне связали упругими лекарскими лентами, а не суровыми веревками. Мешок на голове гарантировал, что я ничего не увижу, а вот руки связали из соображений безопасности. Никто не сказал этого прямо, но сквозь строки читалось — в Ковене открыли способ перемещаться, не используя привязку к крепостям и другим маякам. Способ энергоемкий, опасный, но быстрый и не отслеживаемый.

В Дин-Эйрине было значительно теплее, чем на землях маркиза. Ароматно пахли цветы, сквозь ветви деревьев проглядывало вечернее солнышко, и ветер был уже по-летнему теплым.

— Еще немного, миледи, и можно будет открыть лицо, — хрипловатый баритон Атолгара и вся ситуация, напомнил мне о том, как я лежала без голоса и зрения в королевском дворце.

— Ничего страшного, — с легкой ехидцей отозвалась я.

— Ну-ну, закройте глаза, а то солнце слезу выбьет, — Квинт взял меня за плечи и отвернул в сторону. — Наклони голову, молодец, девочка.

Хорошо, что я стояла в тени. Не такой уж яркий свет заставил глаза слезиться. Стало ясно от чего «набег» на «Золотую свечу» был назначен на вечер.

— Это эффект от перехода, — произнес маркиз, и я с улыбкой подметила его покрасневшие, слезящиеся глаза. Мне не было радостно от того что ему тоже неприятно, нет. Просто так боец становился еще больше похож на положительного героя баллады, когда тот заплакал над своей горькой судьбой и принял решение сражаться до победного конца.

Узкая дорожка петляла между одетых в молодую, клейкую листву деревьев. Тропка то немного разрасталась, то срывалась в почти отвесные овраги. В таких местах я крепко держалась за локоть маркиза Амлаута, со смехом угрожая отправить нас обоих вниз кубарем. Незнакомые белые цветы наполняли воздух дивным ароматом мешающимся с запахом хвои и нагретого солнцем сухостоя.

Со стороны Дин-Эйрин выглядел огромным окольцованным холмом, где вершина — королевская крепость. Следом за темной громадой идет светлая часть — утопающие в зелени особняки знати, городские резиденции правящей четы и их ближайших родственников.

— А что это такое золотится?

— Так ясным вечером выглядит барьер между знатной частью Дин-Эйрина и домами богатых горожан, магов, — Квинт приставил ко лбу ладонь и взгляделся вперед. — А вон там темные домишки? Это лачуги бедняков, все кто не может выложить три золотых в месяц за право жить в Чистом городе живут там. Отдельно стоят кузнецкие и ткацкие кварталы, где-то между ними алхимики, но к ним никто не суется. Вонь страшная.

Тропка слилась с широкой мощеной дорогой, идти стало чуть удобней. Обойдя по широкой дуге массивные ворота ведущие в Чистый город, мы вышли к бедняцкому кварталу. Там в грязных лужах хрюкали свиньи, принадлежащие людям по богаче. Тощие шавки заходились истерическим лаем, чумазые дети играли в тех же лужах что и свиньи, и

непонятно как матери потом разбирали кто чей. Где-то сушилось белье, кто-то выливал с крыльца помой и тут же получал нагоняй от соседей. Ответив нецензурной бранью толстенная тетка ушла в дом, громко хлопнув покосившейся дверью. К выплеснутым помоям бросились собаки, поводили носами, разгребли лапами получившуюся жижу, и обиженно ушли — съестного не было.

— Здесь чаще всего прячутся маги, — негромко произнес Квинт. Из всех нас, только я выглядела своей в этой пасмурной обители. Нам навстречу попало несколько молодых, вульгарно раскрашенных, чьи рубашки открывали не только плечи, но и большую часть загорелых грудей.

— Расходимся, — на короткий приказ маркиза Квинт кивнул, и свернул в узкий проход. Я только успела поразиться тому, как широкие плечи бойца вообще прошли в ту крысиную нору.

Мы в Чистый город прошли сквозь старательно замаскированный лаз, куда больших размеров. Маркиз оставил в разломе три золотых, которые моментально исчезли.

— При чем, без какой-либо магии.

Указанная отцом таверна была одной из самых дорогих в Чистом городе, туда часто заглядывали знатные лорды, из тех, что попроще, там заключали сделки и обмывали помолвки богатые горожане. Привести в «Золотую свечу» продажную женщину мог только сильный маг, любого другого выставили бы с позором.

Высокие, чистые потолки, большие окна, светлые столы которые по желанию клиента застилала белеными скатертями. К стенам были прибиты узкие полки, заставленные свечами всех размеров и мастей. Столик, указанный отцом и показанный мне маркизом на схематичном плане трактиры был уже занят. Милорд Амлаут тесно прижал меня к себе, провел губами по оголенным плечам и подтолкнул в сторону двухместного столика. Наше убежище от остального зала отделяла изящная ширма из беленых реек. Шпалера с вьюнками делала наш столик отличным местом для ведения наблюдения. Вот только господин, усевшийся возле тайника, пришел не чайку попить. Стол перед ним был уставлен все возможными яствами, от печеного мяса с кореньями и соусами до медовых лепешек и кленового сиропа.

— Не вертите головой, миледи.

— Доверю наблюдение профессионалу, — криво улыбнулась я.

К нам подошла разносчица, пренебрежительно фыркнула в мою сторону и присела перед маркизом, демонстрируя белую грудь, скромно прикрытую простеньким кружевом. Белоснежный, крахмаленный фартук едва удерживал в себе богатство, которым девку одарила природа.

— Сладкий пирог, травяной чай с медом, — маркиз ласково улыбнулся зардевшейся девице. — И что-нибудь из мяса. Комнату, — здесь Атолгар как-то особенно пошло ухмыльнулся, — и вино.

— Как прикажет милорд боевой маг, — девица немного обиженно поджала пухлые губки. А меня пронзила мысль, уж не с ней ли развлекался маркиз во время своих редких отлучек из Ковена? В деревне у него никого нет, постоянной любовницы из знатных леди тоже. Остаются только такие вот, распутные девицы из трактиров. Какой кошмар. Я вовсе не ревную, нет, просто в Ковене достаточно достойных женщин, кто-то из них мог стать ему женой или любовницей. А я не ревную. Совсем.

Кушать было крайне неудобно. На широком подносе лежал круглый, высокий пирог, он

крошился, варенье текло по пальцам, но ни блюдец, ни салфеток предусмотрено не было. Маркиз лишь посмеивался, глядя на мои мучения.

— Приготовьтесь, миледи, — шепот милорда застал меня врасплох. Единственная мысль пришла в голову об иголке, спрятанной в поясе. Именно ею я должна проколоть палец и начертить своей кровью отпирающий знак.

Так, с иголкой судорожно зажатой в правой руке, я и поехала на второй этаж в заказанную комнату. Почему поехала? Потому что в ту же секунду как маркиз договорил, я оказалась закинута на его плечо, и боец, уложив ладонь на мой зад, пошел к резной лестнице. Мне оставалось вымученно улыбаться и пламенеть щеками.

Комната была тесной, неширокая постель, круглое оконце под самым потолком, плетеный коврик, стол и два стула. На столе стоял глиняный кувшин с вином. Первое что сделал милорд, это опустил внутрь камешек на тонкой цепочке.

— Яд?

— Привычка, — он немного смущенно пожал плечами. Я прикусила губу, что происходит в Ковене, если у его главы привычка проверять питье на яды?

— Полезная, наверное, — пожимаю плечами, чувствуя как по комнате расплзается аура неловкости. — Интересно, кто этот едок внизу? Завалил столик едой, друзей ждет?

— Это лорд Рентайл, целители посадили его на строгую диету, — боец скривил лицо. — Теперь, когда ему удастся улизнуть от бдительного ока супруги, он мчится в ближайшую таверну. Для него не имеет значения качество еды, главное количество. Подозревают что его прокляли, но не могут найти кто.

— Есть за что?

— Всех есть за что, если хорошенько поискать, — маркиз явно не хотел развивать тему. Но сдался, понимая, что время как-то коротать надо. — Были какие-то нехорошие слухи про обиженную девицу. В Ковен никто не обращался, все так и осталось на уровне сплетен. Но с тех пор милорд начал неудержимо жрать.

— Чисто женская месть, — задумчиво протянула я. И вздохнула.

— Можете поспать, — Атолгар указал на постель.

— Ни за что.

Милорд разлил вино по глиняным кружкам, и мы, отпивая по крохотному глоточку, замолчали. Говорить особо не хотелось, у меня в голове крутилась мысль о том, что на плане у нужного нам столика тоже стояла узкая стойка с цветами, прикрывая угол. Как я буду открывать тайник сейчас — не имею ни малейшего представления. Что там? Бумаги, ценности, амулеты? Пыль, ведь отец мог и не успеть запрятать желаемое. Или его могли уже изъять.

Атолгар странно наклонил голову, будто прислушивался к тому, что происходило в зале. Кивал сам себе, похмыкивал. Встрепенулся и просиял улыбкой:

— Сегодня наш день. Прибыла леди Рентайл, слуги упаковали еду, — маркиз очень странно посмотрел на меня, и извинился.

Прежде чем я успела осознать, что за короткое «прости» бросил мне маркиз, его губы уже касались моей шеи. Россыпь жгучих поцелуев заставила меня задохнуться. Я уперлась ладонями в плечи бойца, но добилась лишь того что он сдернул меня со стула и крепко прижал к себе.

Жесткий, страстный поцелуй смешал наше дыхание воедино. Атолгар словно обезумел — его руки были везде. Сжимали мои бедра, тискали талию, тянули ворот рубашки и

ослабляли корсет. Шея горела от оставленных им следов. У меня на глаза навернулись слезы как только я представила какими глазами на меня будут смотреть люди.

Он отстранился, поставив меня на пол. Согнулся, прижав свой лоб к моему. Я старалась успокоить дыхание и удержаться от крепкой затрещины по наглой роже.

— Что это было?! — от пощечины я все же не удержалась. Атолгар перехватил мою ладонь и прижался к ней губами, вновь шепча свои извинения.

— У людей зоркие глаза, — чуть задыхаясь сказал он. — Предполагается, что мы здесь предавались разврату, а не выжидали время. А вот сейчас бегом!

До лестницы мы действительно бежали, я сбила дыхание, и лишь оказавшись у нужного столика, принялась судорожно оправлять одежду. Что не укрылось от взглядов посетителей. Губы горели, я не знала куда деть руки и что делать дальше. Поступок милорда выбил меня из рабочей колеи.

— А, кхм, как вы узнали, что пора? — я пыталась хоть как-то отвлечься от чужих взглядов. И пустой разговор мог стать превосходным средством.

— Оставил следящее заклинание, — милорд не поворачивался ко мне, оттого разговор я вела с его спиной. Он жестом подозвал подавальщицу, потребовал мяса, еще вина и поставить ширму, а то его дама стесняется. Я спрятала лицо в ладонях, чувствуя, как от унижения на глазах вскипают слезы. Атолгар улучил момент и ободряюще сжал мою ладонь. Я выдавила улыбку. Сама ведь хотела участвовать.

— Странно, сегодня прямо аншлаг развратных девиц, — маркиз с прищуром смотрел влево. Я аккуратно скосила взгляд и быстро выцепила указанную пару. Нарочито грозный воин, с каким-то слишком большим клинком, и девица из простых и незатейливых, как выразился милорд Терцис. И оба они сверлили взглядом шпалеру, принесенную для нас дюжим молодцом.

— Как только войдет Квинт, открываете тайник и сваливаете все что там есть в мешок, — повторил свои инструкции маркиз. — Не разбирая.

Милорд Терцис вошел красиво — дверь распахнулась настежь, и пьяный в дым боевой маг грозно спросил, где здесь тот негодяй, что обидел его мамочку. Пока Квинт запугивал окружающих и заставлял вышибал решать сложную задачу — попасть под руку одному из сильнейших бойцов или быть уволенными за несостоятельностью, я вскрыла тайник.

На сливочно-желтой древесной панели кровавая закорючка смотрелась дико. Я начала бояться, что неправильно изобразила знак, но кровь соизволила впитаться. Панель растворилась в воздухе, и открыла нишу заполненную бумагами, поверху которых лежал тубус. Его я поставила на пол, и постаралась переложить бумаги быстро, при этом не перепутав порядок. Следом за бумагами в мешок отправился тубус. В углу ниши лежал мешочек, раскрыв его, я обнаружила золото. Недолго думая высыпала его горкой — если кто-то откроет нишу, пусть считает, что именно золото отец и хотел мне оставить. Ниша начала затягиваться туманом и я поспешила вернуться на свой стул.

— Маркиз, вам не кажется странным, что та распутная дама слишком много внимания уделяет нам? Конечно, на фоне того господина вы гораздо выигрышнее смотрите, но вряд ли она надеется поменяться? — от облегчения у меня развязался язык.

Маркиз поперхнулся воздухом и очень укоризненно посмотрел на меня:

— Этот наряд и общение с семьей Терцис очень дурно на вас влияют.

Это замечание я предпочла не услышать. Возвращаться к образу взбалмошной глупышки я не хотела, даже если лишь возвышенная глупость способна привлечь внимание Атолгара.

Нам принесли мясо, большой деревянный поднос заставленный неглубокими чашечками с соусами, рядом лежала зелень, а в центре подноса громоздилась внушительная горка мяса посыпанного мелко рубленным чесноком. Отдельно для меня принесли нежную курочку, что меня немного огорчило — хотелось попробовать того запеченного мяса.

— Почему меня нельзя было называть по имени? — желая как-то потянуть время, я задала давно интересующий меня вопрос.

— Чумной Лекарь дает подчас странные, нелепые советы, — маркиз окунул кусочек мяса в острый соус и закинул вкуснятине в рот. — Однако его слова часто сбываются. Так часто, что в городах его не любят, считают проклинателем.

Тем временем спектакль одного актера закончился тем, что милорд Терцис увидел своего сюзерена, резко протрезвел, извинился и, обняв друга быстро ушел вместе с украдкой переданным мешком.

— С ним все будет хорошо?

— Теперь мы сами по себе, ребята прикрывают Квинта и груз, — маркиз улыбнулся, — не бойтесь леди, в моих силах вас защитить.

Вымученно улыбаюсь, не нашлось у меня в голове, что ответить на это утверждение. Обмакивая тонкие полоски нежного куриного мяса в кисло-сладкий соус, я вскользь наблюдала за парой. Если это действительно охотники за тайником моего отца, то актеры из них плохие. Девица уминала уже третий пирог, и явно больше давилась, чем наслаждалась, а вино в бокале ее спутника не уменьшилось ни на одну каплю. Атолгар улыбнулся, и жестом показал, что все в порядке.

— Ну все крошка, — хохотнул Атолгар, — я провожу тебя к твоему супругу.

Щеки опалает жаром. Непредставимо, что кто-то может так жить — отпускать жену скрасить вечерок другой с чужим мужчиной. Маркиз бросил на столик несколько золотых и увлек меня к выходу.

— Пойдем через ворота, — шепнул Атолгар.

Уже выходя из «Золотой свечи» бросаю взгляд за спину, непонятно кто суетится за беленой шпалерой, разносчица ли стол протирает, или кто другой уже сел, не видно.

— Я там золото оставила.

— Я видел, — Атолгар прижал меня к себе крепче, помогая увернуться от нетрезвого мужчины, завернувшего в трактир. — Зря, монеты только разадорят их.

На лицо падает прядь волос, и потому, вместо презрительного фырканья мне приходится, надувая щеки, сдувать непокорные волосы. Я видела, как это делает Сабия, когда руки заняты или грязные. Мне всегда казалось, что она в такие моменты становится похожей на молодую кобылку.

— Не сердитесь моя суровая леди. Ничего плохого вы не сделали, просто следует обговаривать все свои действия, выходящие за пределы составленного плана. Этому учат детей, научим и вас, — проговаривая все это, боец заинтересованно поглядывал в сторону дородной женщины с добрым, улыбчивым лицом. Она несла поднос с целой горкой румяных пирожков.

— Вы знаете, маркиз, я сейчас пожалела о том, что начала говорить, — запрокинув голову, я ласково улыбнулась милорду. Как и полагается улыбаться молодке, несущей за поясом пару золотых заработанных не слишком честным путем. В ответ мне достался укоризненный взгляд с таящимися на дне светлых глаз смешинками.

Чем дальше мы уходили от центра богатого квартала, тем грязнее была мостовая,

трещины в стенах домов вызывали сомнения, не свалится ли на нас это удивительное строение. Тощие собаки провожали нас жадными взглядами, и я невольно прижалась к маркизу. Может, надкусят боевого мага и подавятся?

— Миледи боится собак? А как же ковенские псы?

— В Ковене собаки хоть и бойцовской породы, а все-таки кушают дважды в день, — отозвалась я, и поежилась.

— Полагаете, сытая собака — добрая собака?

— Полагаю, сытая собака не бросится на чужака без приказа, — парирую я, и добавляю, — к людям, кстати, это тоже относится.

— Не ко всем, — отрицает милорд.

Стража в Дин-Эйрине выглядела внушительно, начищенные доспехи, высокие пики или копья, не знаю, что это. Перчатки и высокие сапоги, с заправленными за голенище ножами. Трое подтянутых мужчин, и невысокий старенький маг, дремлющий в кресле-качалке у караулки. Посох с камнями накопителями маг положил поперек колен, на чурбачке стоящем около кресла мага лежала трубка, табачный кисет и огниво. Из караулки выглянул еще один стражник, на его шлеме была повязана голубая ленточка. Этаким кокетливый бантик.

— Что это?

— Сын родился, традиция, — одними губами ответил маркиз. Уточнил, что да, прибыл телепортом, чей бы маяк не скажет, сами понимаете честь дамы нельзя уронить досужими сплетнями. Но, увы, муж вернулся домой слишком рано, и дабы не провоцировать разлад в благородном семействе, маркиз был вынужден ретироваться. Ну а так как он был настроен уже по-боевому, здесь Атолгар окинул меня выразительным взглядом. Мол, на крайний случай и милая горожанка способна заменить благородную леди.

— Значит, как истинный рыцарь провожаете даму до дома? — хохотнул стражник, и пальцами огладил ленточку, тут же счастливо поделившись, — первенец. Уж и не рассчитывал. А что, может дамочка сама дотопаёт, а мы по чуть-чуть?

— Прости друг, но меня подчиненные ждут за стенами, — с искренним сожалением произнес маркиз. Стражник покивал и пропустил нас.

— Вы бы остались там? Если бы могли?

— Первенец, большое счастье, — серьезно произнес боец. — Сейчас многие женщины затыгивают с рождением детей, бояться крапинки. Маги не могут найти жен из простых, не одаренных людей. А жениться только между одаренными нельзя, магия густеет. По научному по-другому звучит, но мы называем это так. Вы, миледи, были из «загустевших», большая личная мощь с маленькой пропускной способностью.

— То есть я могла творить только слабые заклинания и воздействия, зато почти непрерывно?

— По сути, верно, но там есть нюансы.

Узнать о нюансах мне не довелось — из-за покосившейся глиняной стены в нас полетели призрачно мерцающие стрелы. Пока я рассматривала надвигающуюся смерть, маркиз успел выставить щит и левой рукой отшвырнуть меня себе за спину. Я едва устояла на ногах и схватилась за свой пояс, там по-прежнему пряталась игла. Что можно сделать тонкой швейной иглой? Не знаю, как только придумаю — сразу исполню.

Я не более чем ценной декорацией происходящего. Атолгар метался из стороны в сторону, успевая отбить темными дымными сгустками половину стрел. Остальные гасил щит. Маркиз перебрасывал меня как куклу, да я и есть кукла. Балласт не способный помочь,

не знающий, как не мешать. Милорд не пытался забрасывать проклятья за стену, он целенаправленно бил по глине, и, наконец, пробил преграду. Нас атаковали два мага и три лучника. Это явно обрадовало боевого мага, а вот я расстроилась, пять человек против бойца с довеском — не выгодный для нас расклад.

— За угол, — рявкнул Атолгар, и сильно толкнул меня, видя, что я не шевелюсь. Рухнув на колени и запутавшись в юбке, я бросилась в указанном направлении, слыша, как за спиной шипят бьющие в щит стрелы. Заворачиваю за угол и прижимаюсь спиной к грязной, обшарпанной стене. Сердце колотится где-то в горле, дыхание сбито. Там, в нескольких шагах сражается Атолгар, а я прячусь за стеной, сжимая в пальцах тонкую иглу. Зажмуриваюсь, не может такого быть, чтобы я совсем ничего не могла сделать!

Перед внутренним взором словно раскрывается бесконечный свиток, исчерканный моей рукой, знаки и цифры, слагающиеся в простые магические формулы. Они все мне знакомы, их всех вывела я, пока работала в библиотеке Ковена. Сейчас мне нужна защита, так Атолгар перестанет тратиться на щит для меня. Да и его я тоже смогу прикрыть.

Прокалываю большой палец левой руки иглой, рисую знак-ключ на самом чистом куске стены и подцепляю его пальцами правой, вокруг меня серебрится пленка щита. Медленно, не теряя концентрации, подтягиваю пленку к себе и, выглянув, набрасываю ее на маркиза. Он пытается уклониться, но быстро понимает, что это всего лишь щит. А я отмечаю, что двое из троих лучников уже мертвы, один ранен — он скорчился на земле, зажимая рану рукой. Повторяю знак и оставляю серебряную дымку вокруг себя, незачем маркизу отвлекаться на обеспечение моей безопасности.

Я поняла, что необходимость прикрывать и защищать меня сильно сдерживала маркиза. Он явно знал о серебряном щите больше меня, оттого резко пошел на сближение с оставшимися противниками. Даже под страхом смерти я не скажу откуда у него в руках появился короткий клинок. Точно знаю лишь одно — свой путь оружие начало с глотки первого мага и завершило в глазнице второго. Упершись ногой в упавшее тело, Атолгар с усилием вытащил клинок, раздавшийся в это время чавкающий звук, вызвал у меня рвотные позывы. Я развернулась спиной к бойцу и начала глубоко и размеренно дышать, отгоняя прочь мысли о том, что дышу кровью и смертью людей.

Маркиз неслышно подошел ко мне и коснулся губами виска.

— Вы были восхитительны, миледи. Позвольте? — он коснулся раскрытой ладонью моего лба, и словно ледяная волна омыла меня изнутри. — Не оборачивайтесь, дурнота может вернуться. Пойдемте, я пошлю вестника, бойцы скроют следы.

Мы шли быстро, не пытаюсь строить из себя пару — на короткое мгновение мы стали единым целым. Я вцепилась в локоть маркиза двумя руками, и даже лицо прижала к его плечу. Хотелось лечь, чтобы Сабия распустила мне волосы, расчесала и ушла, оставив меня одну. Чтобы можно было накрыться тяжелым одеялом с головой и выплакать этот дурной день.

Ноги ныли, умоляя о снисхождении и отдыхе. Как приятно было спускаться по тропинке под ласковыми лучами вечернего солнышка, так же тяжело подниматься по холму впотьмах, запинаясь о корни и камни. Атолгар придерживал меня за талию и порывался взять на руки, но мне казалось, что один из нападающих все же задел его. Не хочу рисковать. Дойти до места сбора я смогу, а вот донести милорда боевого мага — нет.

— Миледи, пора закрыть голову и обезопасить руки.

— Вы даже не представляете, милорд, как меня обрадовали ваши слова, — устало

выдыхаю я.

— Зовите меня по имени, моя леди, окажите такую милость.

— Взаимно, Атолгар, — моя улыбка остается только со мной, потому что на голову вновь наброшен мешок. Хорошо, что за вечер запах колбасы выветрился, а то меня действительно могло бы стошнить.

Переход заморозил ступни и ладони, словно высушил тело изнутри. На некоторое время я выпала из реальности. Очнулась уже когда меня усадили на что-то колкое и шуршащее и начали освобождать от спеленатые руки. Мешок с головы исчез еще раньше. Меня раздирала дичайшая жажда, невероятная потребность в жидкости, вода, вино, чай, все что угодно.

— Игрейн, как вы?

— Пить.

— Немного потерпите, это неизбежно после перемещения, но ни пить, ни есть нельзя, организм не примет, — негромкий голос целителя запустил табун мурашек по моему телу.

— Милорд Амлаут возможно ранен, — напрягая пересохшее горло произнесла я, и целитель спросил:

— Вас можно оставить одну?

В ответ просто утвердительно киваю. Таинственный маг-телепортист уже ушел, или спрятался, кто его знает. Оказывается, нас комфортно разместили на телеге с сеном, и теперь она, покачиваясь, двигалась в сторону темной громады крепости.

— Можете подремать, нам как минимум час добираться, — пробасил возница, и я послушалась совета.

Сон не шел, да и дремота не спешила принимать меня в свои объятия. В горле першило, хотелось уже расплакаться, да вот только в организме и так недостаток воды. Что же твориться с теми, кто нас перемещает? Или это мы принимаем на себя часть их ощущений? Вопросы, вопросы, вот только ответов мне катастрофически не хватает. Мысли скачут, путаются. Милорд Амлаут сегодня весьма профессионально убивал. Мне тяжело понять, как я к этому отношусь. Они хотели нас убить, и погибли сами. Убивать нехорошо, но, наверное, в нашем случае допустимо?

— Игрейн? Неправильно сдавать боевого товарища жестоким и принципиальным целителям, — рядом со мной улегся маркиз. Он берет левый бок и выглядел демонстративно обиженным.

— Но вы же не маленький мальчик, — улыбаюсь я. — Хотите, расскажу вам сказку?

— Спасибо, не надо. Балладой с вашими заметками вся дворян зачитывается, а у моих бойцов уши вянут.

— Позвольте, но я не использовала в своих заметках ругательств.

— Иные слова звучат хуже самого грязного, ох, поберей вас Проклятые духи!

Телега наехала колесом на камень, да так что у меня зубы клацнули.

— С вами все в порядке, милорд?

— Будет, как только вы начнете называть меня по имени, — сдавленно произнес боевой маг.

Я не стала отвечать, откинулась на спину и сквозь ресницы рассматривала проявившиеся на небосклоне звезды. Молочно-белая луна освещала темные силуэты деревьев, придавая им сказочно-жуткий вид. Изредка проносились светлячки, выписывая в воздухе невероятные пируэты. Когда в последний раз я спокойно смотрела в ночное небо? В этой беспамятной жизни — впервые.

— Квинт? Что у вас? — милорд засветил в пальцах слабый огонек разговорного вестника. Этот вид связи не позволял мне услышать, что ответил сюзерену боец.

— Хорошо, молодцы. Приберите и возвращайтесь.

Пахло свежим сеном, телега мерно покачивалась, затягивая меня в дремоту. Оттого особенно тяжело было отказаться от помощи Атолгара когда мы все же прибыли в крепость. Но вдвоем с целителем мы смогли объяснить воину, что дойти я смогу и сама, а вот рана на боку может открыться от любого не осторожного движения.

— Доброй ночи, миледи, — милорд придерживаясь за плечо целителя Альбода упорно шел следом за мной, пока не уперся в двери моей гостиной. От усталости и рассеянности я присела перед милордом в полноценном придворном реверансе. И чуть не упала от слаженного смеха мужчин.

Время неспешно клонилось к обеду, оставляя завтрак позади. Я глубоко вздохнула, кушать хотелось просто зверски, слабые воспоминания о булочке с молоком совершенно не помогали сдерживать муки голода.

Завтракала я в библиотеке, как только Сабия сообщила, что милорд оставил там для меня работу. Этой работой оказались документы, добытые нами с таким трудом.

Увы, листы были сильно перепутаны, за Квинтом следили, и ему пришлось изображать сильно пьяного человека, ронять мешок, запинаться самому. Отец был педантичным человеком и страницы были скрупулезно пронумерованы, так что я начала собирать их с конца и отдавать служанке, она аккуратно сшивала бумаги воедино. Постепенно к нам присоединилась Лидда, чуть позже пришла дора Харт, за ней пришел муж, перекинулся с нами парой фраз и тоже сел помогать. Он же и принес переплет для бумаг — пустую обложку книги «Обычаи и традиции островов».

Тубус открыть не удалось, не сработала ни моя кровь, ни отпирающий знак. Милорд озадачил Привиденьице поиском списка заклинаний. Привиденьице или Приведенька это молодая девушка занимающая должность замковой хранительницы знаний. Тихая, серая, погруженная в работу — она своеобразная достопримечательность библиотеки. Ее не травят языкастые жены и дочери бойцов, но и общаться с ней желанием никто не горит. Девчонка живет в книгах, дышит ими и любит только их.

— Хорошо хоть проблем с чистоплотностью больше нет, — Лидда поджала тонкие губы. — Было время, когда приходилось ее мыть чуть ли не насильно. Тяжелое детство — отца дикие псы затрепали у нее на глазах. Другая бы оклемалась, а эта в свой мир ушла.

— Жестоко, — отвлекаюсь я от документов, и улыбаюсь подсматривающей за нами девушке. Она краснеет и прячется.

— Отчего же? — Дор Хар устало повел плечами. — Девушку никто не обижает, она сыта и в комфортной для себя среде обитания, в библиотеке. Бывает хуже.

Всегда есть куда упасть, всегда есть что испортить и хуже тоже бывает всегда. Но зная эту простую истину, переносить невзгоды легче не становится. Спор ради спора не то, что я люблю, потому предпочитаю промолчать. Да и девушка крутится неподалеку, кто знает, как она это расценит? Может ведь принять и за злую насмешку.

Проделав нехитрую гимнастику для глаз, Сабия научила, возвращаясь к документам. По счастью их не так много, и служанка порадовала нас тем, что подшила последний лист. Глубоко вздыхаю и мучительно краснею, в животе едва слышно заурчало. Лидда усмехнулась, но воспитанно промолчала.

— Думаю, стоит выпить чай.

— Там на кухне фрукты отварили в сахаре, будете? — Сабия подхватила со стула.

Провожая взглядом умчавшуюся служанку и улыбаюсь. Сабии явно не по себе в сердце крепости. Библиотека самая старая и самая защищенная часть твердыни Амлаут. Библиотека расположена в центральной башне, самой низкой, даже приземистой. Ее крышу не видно из-за стен крепости — именно она была первой постройкой, вокруг которой уже возвели крепость. Эту башню заклинала сама Бриаллен, даря серым стенам возможность сохранять в себе книги неисчислимое количество лет. Однажды эти стены сохранили ошметки Ковена, когда род Амлаут едва не был вырезан по корень. Отголоски того поражения до сих пор

гуляют между темных стеллажей, танцуют изгибаясь в пламени свечей.

Серые стены испещрены тысячами знаков, защите от огня, от плесени, от сырости, сохранение книг в идеальном состоянии единственная забота здешней магии. То тут, то там стоят маленькие столики, вокруг них расставлены стулья, тоже маленькие и неудобные. Чтобы понять, насколько малы стулья можно посмотреть на дора Харта, немного помучившись, он принес себе второй стул.

В библиотеке нет окон, нет каминов и ковров, нет ничего, что придало бы ей хоть какой-то уют. Хранилище знаний находится не в господском доме, а в центральной башне крепости, самой низкой, почти не видимой из-за стены. Войти можно только по крови и только тому, для кого открыт доступ.

Встаю, легонько потягиваюсь, пока никто не смотрит, разминаю шею и пальцы рук. Из-за стеллажа все так же стеснительно выглядывает леди библиотекарь.

— Мое имя леди Игрейн Адалберт, — подхожу ближе к смущенной девушке. У нее бледная кожа и бескровные губы, глаза светлые, а волос мог бы быть красив, не будь локоны безжалостно стянуты в косу и убраны под серый платок.

— Д-да, миледи, я помню.

— А я нет, — улыбаюсь, — и тебя тоже не помню.

— Леди Сирилл к вашим услугам, — девушка приседает в неловком реверансе и мне приходится ловить ее под руки, чтобы библиотекарь не растянулась на полу. — Простите, я не хотела.

— Ничего страшного. Расскажи мне о библиотеке?

— У вас одинаковые вопросы, — несмело улыбается леди библиотекарь. — Тогда вы тоже первым делом спросили, что я могу рассказать о библиотеке.

— И что ты ответила, Сирилл, ты же не против, что я так вольно к тебе обращаюсь? Ты в свою очередь так же можешь оказать мне честь простым обращением.

— И тогда и сейчас я отвечу, что рада общаться с тобой Игрейн. А библиотека — это целая жизнь, заключенная в пергамент. Иногда мне кажется, что сгоревшие книги обретают собственную жизнь, настоящую. Иногда мне и самой хочется сгореть.

— Так гори, — легко улыбаюсь я. — Гори, потому что тлеть можно вечность.

Она смущенно опускает голову, а затем встряхивается.

— Хочешь посмотреть, где любила сидеть раньше? Ты говорила, что из-за того столика особенно красив танец теней на стенах.

— Очень хочу, — согласно киваю я. Сирилл ведет меня между стеллажей, сворачивает направо, налево, и я полностью теряюсь.

В углу, за последний стеллажом стоит невысокий столик, за ним довольно уютное креслице.

— Эти вещи переслали твои родители. Позволишь выразить свое сочувствие?

— Пустое, Сирилл, — сплываю ком в горле и вымученно произношу, — король милостив.

— Король милостив, — эхом откликается леди Сирилл и тема считается исчерпанной. Что мне до вашего сочувствия, если каждую ночь я просыпаюсь, побывав в счастливом прошлом? Прошлом, где они живы и любят меня, а я не ценю ни доброты матери, ни грубоватой защиты отца?

Присаживаюсь в кресло, откидываюсь на спинку — удобно. Кресло местами вытерто, есть небольшие прорехи, ему явно не один год. Глубоко вдыхаю и улыбаюсь, частичка моей

семьи есть везде, нужны лишь внимательные глаза и сердце. То, чего мне не хватало в прошлом.

— Выведешь меня? Боюсь, я не рискну передвигаться здесь самостоятельно?

— Конечно. Раньше ты приходила ко мне, — Сирилл смутилась, — мы вместе завтракали.

— Может быть, теперь твоя очередь приходить ко мне?

— Мы это уже проходили, — леди библиотекарь отвела глаза. — Девушки не очень меня любят, а я редко выхожу.

— Что ж, попробуем возродить прекрасную традицию, — я легко пожимаю ледяные пальцы Сирилл.

Что будет если запереть робкую девицу в хранилище знаний? Не найдя отклика в душах живых людей, она найдет для себя жизнь в книгах. Что и произошло с леди Сирилл.

Проводив меня до чайного столика, Сирилл ушла, отказавшись присоединиться к нам. Подозреваю, что проколов с нечистоплотностью ей не простили.

— Где ты ходила? — Лидда разливала чай, дора Харт украдкой зевала и стирала слезы уголком сероватого платка.

— Смотрела свое рабочее место, — вопросительно поднимаю брови, глядя на дору Харт. Она качает головой, мол, все в порядке.

— Маркиз желал вас видеть, — Сабия чуть поклонилась, и принялась переставлять на столе вазочки. Так благодаря нехитрым и незаметным манипуляциям служанки около меня оказалось вишневое варенье, мое самое любимое.

— Скоро Инира приедет, — дора Харт по-простому подула на чашку, и начала отпивать горячий напиток мелкими глотками.

— Кто это?

— Бывшая любовница короля, бедняжка не может определиться чего хочет — вернуться в теплую постель Кардорга, возвратиться в Дин-Гуардир, откуда она родом, или стать леди Амлаут.

Сердце пропустило удар. Конечно, Атолгару давно пора обзавестись семьей, но ведь не на распутнице же он женится?

— И маркиз опять исчезнет, — хохотнул дор Харт, отрываясь от пергамента и закидывая в рот кренделек с маком. — Он ее как женщину не воспринимает, только как мать своего будущего вассала.

— Разве король не заинтересован в ребенке?

— Инира не только красива, но и умна. Она ведьма, среди Кардоргов тоже были маги, значит и малыш будет магом. При дворе его ничего хорошего не ждет, свободы не будет точно, — дора Харт только еще больше меня запутала.

— После отставки, — Лидда видя мое непонимание, решила прояснить ситуацию подробнее, — которую ей дал король, публично и довольно унижительно, она приехала сюда. Почему мы не знаем, этот вопрос задавать неприлично, да и время было такое, что ей обрадовались. Надо признать, что в постель к милорду она не полезла, созналась в своем положении сразу и попросила разрешения родить на земле Ковена, чтобы у ребенка был выбор в будущем — идти в королевские вассалы, или стать частью независимого Ковена.

— Не учли того, — дор Харт отодвинул в сторону опустевшую чашку, — что этого бастарда сочтут ребенком маркиза, а не короля. Даже историю придумали, мол, король так унизил свою фаворитку за любовь к другому мужчине. Люди ждут, что Атолгар сделает ее

своей женой.

Дора Харт внимательно наблюдала за моим лицом, ища во мне признаки волнения или обиды. Вот уж глупости, мне нечего ждать от милорда, не на что обижаться. Что бы ни было в прошлом, оно осталось там, надежно захороненное в недоступной мне памяти. Поцелуй от которого у меня дрожали ноги, не стоит того, чтобы ронять себя в грязь устраивая свары и дразни. Как еще себя убедить, что мне все равно?

— Вы недолюбливали друг друга, — проницательно улыбнулась Лидда.

— Без всяких сомнений, миледи Терцис, вам из нас двоих более импонирует леди Инира, — светски улыбаюсь и доливаю себе чай. Дор Харт поперхнулся смешком и тут же сделал вид, что ничего не слышал.

— Вне сомнений, леди Адалберт, в этот раз я подумаю о том, кого поддержать.

— Если ваша поддержка выразится в ограждении моей персоны от миледи Иниры, я буду несказанно благодарна. Если же вы имеете в виду спор о других интересах — это не для меня. Лошадиные гонки с сомнительным призом в конце не входят в число моих развлечений.

— Раньше вы были другого мнения, — Лидда склонила голову набок и прищурилась, — с каждым днем вы открываете мне новые, интересные грани личности. Вопрос только в том, где они были раньше.

— Глубоко во мне, миледи, очень глубоко и очень во мне, — скатилась я в откровенную скабрёзность. Резко встала и забрала с подставки бережно сшитые Сабией документы. Прижав драгоценную ношу к себе, приседаю в легком прощальном поклоне, приказываю Сабии принести вина и иду искать Сирилл. Девчонка ожидаемо нашлась неподалеку, покрасневшие щеки яснее ясного выдавали, что наша пикировка с Лиддой не прошла мимо ушей леди библиотекаря.

— Леди Инира не даст тебе покоя, — Сирилл показывала дорогу и объясняла, как мне самой найти путь, показывала сколы и царапины на стеллажах, по которым можно ориентироваться и обратила мое внимание на медные таблички.

— Почему?

— Не могу знать, — она легко пожала плечами, — но ты стала делать сложные прически и очень откровенно одеваться именно после ссоры с ней. И с милордом Амлаут теснее стала общаться тогда же.

— А что я вообще здесь забыла?

Сирилл вздохнула, отвела глаза и проямлила что-то вроде того, что не она должна такое рассказывать.

— Рилл, посмотри на меня, пожалуйста. Если это что-то важное — я должна знать. Просто подумай, может ли это уберечь меня от глупостей?

Леди Библиотекарь замолчала, отвела глаза. Поправив и без того идеальный воротничок она негромко сказала:

— Я не уверена. Я не хотела за тобой следить.

— Следить за людьми нехорошо, но иногда полезно. Особенно когда «подследственный» теряет память. Рассказывай.

— Тебе пришел вестник. Он выглядел не так как всегда и ты долго удерживала его, не давая раскрыться. О чем он был я не слышала — ты закрылась куполом тишины. Потом ты прижала руки к сердцу и начала танцевать. И когда выскользнула из под купола заклинания я услышала «Проклятые Духи, он простил меня! Он все-таки простил меня!»

— И это ты боялась рассказывать? — удивилась я.

— Король заплатил Ковену, чтобы они придержали тебя у себя, был большой прием, что еще большая редкость для крепости Амлаут, и после него тебя не выпустили.

— Вот это уже сильней, — охаю я.

— И после того вестника ты ходила к друиду, искала эльфийские тропы, пыталась вернуться домой и злилась на милорда. А потом начала его оболещать, — скороговоркой протараторила Сирилл, не отрывая взгляда от пола. Я тоже посмотрела, красивые плиты.

— Тюрьма, значит. Или средство давления на родителей.

— Нет, точно не на родителей, — Сирилл покачала головой, — милорд не смог бы тебе причинить вред. Ты ближайшая родственница правителя Дин-Гуардира.

— Ты очень много знаешь.

— Мы много говорили, — леди библиотекарь смущается. — Ты не хотела власти. Это точно. А леди Инира словно имеет к тебе личные счеты, но я ничего об этом не знаю.

— Леди Инира должна мне за спасение жизни ее ребенка, — я ложу документы на столик и присаживаюсь в кресло. — Если она начнет портить мне жизнь, я не премину об этом напомнить.

— Пойду, не буду мешать, — Сирилл окончательно смутилась и сбежала.

Кончик пера, оставшийся от меня-прошлой, был покусан. Значит точно я здесь работала. Помню, как двоюродные братья мазали перья всякой горькой гадостью в надежде отучить меня от дурной привычки. Но вместо этого я начала обнюхивать все перья. Из одной слабости стало две.

Тонкий, чистый лист. Разделяю его на две части. Справочники — это можно доверить и недобровольным помощникам. Книги — посмотрю сама. Уследить за гением отца без помощи научных трудов — не по моим силам. Мне нравится работать с литературой, но отец посвятил науке всю жизнь.

На отдельный лист вывожу термины, оставляя место для определений. Работа предстоит тяжелая и нудная, но и она может принести удовольствие. Листок с терминами я отдам Сирилл. Пусть поищет.

Почерк у меня ровный, красивый, буквы к букве — приятно посмотреть. Засмотревшись, роняю с пера каплю чернил. И вместо того чтобы вывести ее магией, пририсовываю ручки и ножки. «Атолгар», прикусив язык вывожу под забавным человечком.

— Вы игнорируете меня, Игрейн?

— И в мыслях не было, — широко улыбаюсь я и быстро заштриховываю приписку. Будет безымянным.

Атолгар пришел со своим стулом, уверенно поставил его и сел верхом, сложив руки на спинке. Эх, я тоже люблю так посидеть, в комнате, пока никто не видит.

— Начали расшифровку? — мужчина кивает на документы и исписанные листы.

— Так уж и расшифровку, — улыбаюсь я. — Это научный трактат с возможностью практического применения. Хотя, соглашусь пожалуй. Шифром его тоже можно назвать.

— Ваш отец любил вас, Игрейн, — Атолгар задумчиво покачал головой. — Мне представляется странным, что он мог провести над вами какой-либо ритуал.

— Мой отец любил меня, — соглашаюсь я с бойцом. — Любил, и сделал бы для меня что угодно, поставь я его в безвыходное положение. Да и ритуалы бывают разные, есть полезные.

— Теперь в этом положении все мы, Игрейн. Я профан в ритуальной зауми, но того, что

вижу я, достаточно для смертного приговора, — Атолгар очень серьезно смотрел на меня, осуждая и приговаривая. Откладываю в сторону строгое перо и возвращаю воину внимательный взгляд:

— Быть может не стоит делать это в библиотеке? Кровь волшебницы может повлиять на структуру защитных плетений не лучшим образом.

— Вы полагаете, я способен привести приговор в исполнение? — так же спокойно ответил маркиз.

— Да. Я считаю, что вы приведете приговор в исполнение ровно в тот момент, когда поймете, что мое присутствие угрожает безопасности Ковена. Я полагаю, что вы разумный человек, сын своего отца, поставите благополучие своих людей выше жизни одной-единственной леди. Невзирая на малопонятные способности, ставшие следствием богомерзкого ритуала. А теперь, когда мы прояснили этот вопрос, не оставите ли вы меня в одиночестве?

— Королева приглашает вас на еженедельное чаепитие, миледи Адалберт, — сухо произнес маркиз.

— Что, правда глаза колет, милорд Амлаут? Вы не рыцарь в сияющих доспехах, вы боец отвечающий за чужие жизни и хладнокровный убийца, а я уже не ношу розовую вуаль! — зло распирает, хочется бросить сотни оскорбительных слов, растоптать в пыль самомнение негодяя, но я лишь улыбаюсь уголком рта и возвращаюсь к работе. К моменту, когда я стану бесполезна для Ковена мне следует хорошенько подготовиться.

— Как вам будет угодно, миледи, — маркиз кланяется и уходит, бросив напоследок, что пришлет за мной служанку.

Вырисовываю пером кривенькие цветочки и мучительно размышляю, за что на меня день за днем сваливаются новые и новые сюрпризы. Второй раз Ее Величество оскорбляет меня приглашением — в последний момент, как замену кому-то не пришедшему. Я не намерена спускать эту пощечину, хоть и предпочла бы остаться в крепости, пока что здесь для меня безопасно. Хоть и не стоило злить милорда. Но он и сам неправ, зачем произносить вслух то, что и без того висит в воздухе. Я не могу не понимать простых вещей, чужая для Ковена, чужая для Дин-Эйрина, мое место совсем в другой стране, куда путь заказан.

Рабочее настроение покидает меня окончательно, оставив чернильницу и перо, я забираю увесистый том и список книг. Следуя за подсказанными Сирилл указателями, выхожу к ее конторке, оставляю там список, а вот документы забираю с собой. Это доказательства моей вины, то, что приведет меня на помост палача и устроит раннюю встречу с богами. Я не могу доверять бумаге никому чужому.

По покоям я прыгала подобно дикой белке — прятала документы, но каждый из возможных тайников меня не удовлетворил. Почти на грани истерики я падаю в креслице и тут же подсакиваю — в зад впивается что-то острое и твердое. С руганью вытаскиваю из складок пледа массивную книгу-шкатулку «Наставления юной деве», эту гадость подарила мне Лидда, с весьма ехидным пожеланием. На книге есть удобный ремешок, чтобы протереть ладонь — все что нужно, лишь бы юная дева не расставалась с полезным фолиантом.

Стоит ли уточнять, что содержимое переплетов было сменено моментально? От «Наставлений» остался только первый лист, прикрыть формулы и рисунки, мало ли придется открыть книгу при неосведомленном человеке. Вырванную сердцевину я отправила в камин, благо он горел, и поворошила уголья, чтобы ни буквы не осталось.

Пустой переплет от островных традиций спрятала под перину — не стоит маркизу знать, что документы всегда со мной.

Дробный стук в дверь и Сабия влетает в гостиную, не дождавшись от меня ответа. Но и это уже хорошо, мне и так едва удалось приучить ее хоть как-то подавать сигнал о своем приближении. Выдыхаю и украдкой бросаю взгляд на камин — там догорают листы, но понять, что это за книга уже невозможно.

— А мне милорд сказал в библиотеке вас искать, а там не было, а Сирилл говорит миледи ушла, ох, и я побежала, — протараторила запыхавшаяся служанка, вот только зацелованные губы сказали мне совсем о другом. Сердце кольнула зависть, у меня был лишь один поцелуй и тот по необходимости. А хотелось иного, хотелось погулять среди цветущих яблонь, помолчать, подарить украдкой поцелуй и вернуться в свой покой с горящими от счастья и смущения щеками. Но пока щеки у меня горели от злости, дыхание срывалось от быстрого бега, а поцелуи находились за гранью будущего.

— Выбери мне темное, островное платье.

— Как можно? — ахнула Сабия, — королева не простит вам!

— А я желаю не прощать ей, второй раз подряд меня приглашают в последний момент, подобно замене, не прибывшей фигуры.

— Так-то оно так, вот только ж ведь! — выдав эту наполненную смыслом фразу, служанка распахнула створки вместительного шкафа, больше похожего на маленькую комнату. Пьянчужка-портной каждую неделю доставлял одно-два платья, но у меня не возникало желания их посмотреть или мерить. Сабия только вздыхала, убирая закрытые в чехлы одежды.

— Вот это будет идеально, — я не дала девчонке задвинуть черно-серебряное платье в дальний угол. Кто захочет, увидит траур, иной разглядит симпатию к фаворитке-островитянке. Платье идеально село по фигуре, укутав ноги струящейся, неощутимой юбкой, глубокий вырез открыл грудь до самых границ приличий. Узкие рукава охватили руки подобно тесным перчаткам.

— Смени ленты на туфлях, и добавь вот эти пряжки, — спокойно протягиваю Сабии шкатулку с драгоценностями. Это шкатулку мне преподнес Герард, мотивируя это тем, что серебряные вещи не дороги, а ему их дарить кроме меня никому другому не хочется. Так я обзавелась тяжелыми серьгами, искусным колье и пряжками для туфель. Благодарным взглядом от милорда Терциса когда я к завтраку вышла в обновках и едкого комментария от Атолгара. Он интересовался, с каких пор я разлюбила золото. Наверное, с тех пор как у меня его не стало, верно?

Сабия взбила волосы волной, перетянула на затылке в подобие узла замужней дамы, а кончики прядей выпустила на левое плечо, показывая, что я все-таки незамужняя дева. Я подвела глаза, немного тронула помадой губы и удовлетворенно кивнула. Из зеркала на меня смотрела островитянка, не слишком красивая, но имеющая шансы привлечь мужское внимание. Умеренность и загадка, ну почему здесь не в ходу веера? Кто знает, попади я на бал, может и утолила бы свою жажду поцелуев. Вот только, почему нет книги, в которой бы написали, как влюбится по собственному желанию в грамотно выбранного кавалера, а не в наглого и противного бойца? Ничего, вот справлюсь с собой и напишу, не книгу так эссе.

— Ох, вы такая красивая, но все равно нам влетит. Давайте закроем красоту, хотя бы до перехода?

И Сабия аккуратно набрасывает мне на плечи мантию с глубоким капюшоном. До

портальной площадки мы добрались быстро, кроме Сабии меня никто не провожал, Квинт с бойцами ушел отлавливать проклятого медведя — дикий зверь, перекрученный чьей-то магией, напал на дальний хутор. Дор и дора Харт занимались делами, а маркиз, очевидно, изволил на меня гневаться. Или готовился встречать леди Иниру. Проклятые духи, я ее уже заранее не терплю!

Исчезая в телепорте, краем взгляда выхватила чью-то фигуру, схватившую служанку за плечи. Неужели это ее кавалер воспользовался возможностью провести с ней время в отсутствие госпожи?

— Леди Адалберт, пожалуйста, следуйте за мной, — в этот раз меня встречал старый слуга, одетый в цвета рода королевы. Ее Величество Иризан Кардорг в девичестве Дирран отличалась верностью своему прошлому роду. Выйдя замуж за дальнего родственника правителя, став королевой она не растерялась, и сейчас владения Дирран были самыми прибыльными. Предприимчивая и венценосная красавица не стала дарить родичам земли и жаловать титулы, все это у ее рода было и так. На королевские дотации в землях Дирран были открыты различные производства, которые быстро разорили потомственных мастеров. Горшечники и стеклодувы поминали королеву недобрым словом, а гильдия ткачей ежемесячно поставляла интриганке лучшие ткани, чтобы ей только не вздумалось пожаловать отцу патент на производство материи. Не исключено что сокровищница рода Дирран куда вместительней, нежели королевская казна.

Хоть я и прибыла точно по времени, в малой королевской приемной уже было достаточно людей. Едва я, как и положено, остановилась в дверях, позволяя собравшимся осмотреть себя, шум голосов стих. По скользкому мрамору я скользила в гробовой тишине. Лишь на миг небесная синева королевских очей потемнела от гнева. Ее Величество быстро взяла себя в руки и вернула на точеное личико выражение неги и безмятежности.

— Вы прекрасно выглядите, Игрейн, — голос королева под стать внешности. Негромкий, приятный. Я точно знаю, сколько времени нужно провести в музыкальной комнате в обществе наставника, чтобы обрести подобие такого тембра, чтобы научиться превосходно владеть данным от природы голосом. Реверанс, взмахом руки мне указывают место. Чайный столик, за которым сплошь знакомые лица. Из знакомых имен только Роберта.

— Приветствую, дамы. Как ваш спор, Роберта?

— Менестрель все еще жив, — охотно откликнулась немолодая ехидна. И в воздухе явственно повисло «к сожалению».

— Кто знает, может, мы станем свидетелями этого печального события, — во мне кипит веселая злость. Если мне суждено попасть на плаху, так могу я повеселиться напоследок?

— Смело. Сегодня возлюбленный мальчик королевы будет выступать для нас, — Роберта тонко усмехается. — Он, к слову, ровесник ее сына.

— Прекрасно, когда есть возможность продвигать юных и талантливых людей, — едва я договариваю, как Роберта заливается каркающим смехом. Еще две дамы прикрывают лица кружевными платками и, извинившись, отходят. Им проще нарушить королевскую гостевую рассадку, чем выслушивать возмутительные речи.

Увы, Роберта может себе позволить любые фразы, ее отец сильнейший маг из тех, что есть у короля, как и сын, который обещает стать сильнее отца. Сама леди слабая ведьма, потратившая свой дар на развитие острого слуха. Отчего ее популярность при дворе

стремится к нулю, а количество сплетен с ее приходом увеличивается втрое.

— Да, смотрю, вы желаете упрочить свое положение? Наставление юным девам многим дурнушкам помогло найти себе мужей, — Роберта выгибает бровь, а я лишь усмехаюсь:

— Я всего лишь пытаюсь соответствовать стандартам.

— Ты соответствовала им раньше, помню эту тихую и скромную девочку. На балах пряталась от приставучих кавалеров в нишах, уходила всегда с отцом и матерью. А после, тебя как подменили, Игрейн. Смотри, как бы вся твоя благостность не слетела подобно шелухе. Праведнице легко впасть в искус греха, а вот отмыться от грязи почти невозможно.

— Я так сильно измазана?

— Пока нет, но кто знает, что ты вытворишь? Некоторые твои шутки шли по самой грани приличий, а законны были лишь благодаря поддержке королевы, — Роберта пристально смотрела мне в глаза. — Король милостив, но лучше бы он пощадил твоего отца, а не тебя.

— Блистательный ученый в чьем сердце жила лишь одна женщина, — согласно киваю я. — Да, пожалуй, я бы согласилась, распространись королевская милость и на отца, и на мать.

Гомон вновь стих, Ее Величество нетерпеливо сменила позу, и царственно кивнула менестрелю, вышедшему дабы усладить слух своей возлюбленной королевы. И я и Роберта переглянулись, едва только менестрель начал играть — бесподобная игра юноши претерпела изменения. Звук недотягивал, голос немного дрожал, едва ощутимо, почти незаметно. Складывалось впечатление, что юноша был болен.

— Простуда? — бросаю я первое пришедшее в голову слово.

— Из тех, что боевых магов в гроб укладывает, — задумчиво выдает Роберта. — Бледный, глаза горят лихорадочно, испарина на висках, он умирает. Определенно.

— Что будем делать?

— Наблюдать, — хмыкает Роберта, — ибо король наш милостив, да продлят Боги его годы. И все же жаль, что никто не захотел со мной поспорить.

Я отставила чашку в сторону и смотрела, как менестрель поет свою последнюю песню. Смотрела и понимала, сегодня, между мной и Атолгаром пропасть становится чуть меньше, теперь мы оба убийцы. Можно поднять шум, указать на нездоровье юноши и добиться чтобы вызвали Чумного Лекаря. Менестрель уйдет к Богам позднее, на дуэли с придворным бретером, а меня тихо удавят в коридоре. Или бросят в спину отравленный дротик, так, чтобы моя смерть произошла на территории Ковена. Это был бы забавный дар Атолгару, но что-то пока меня не тянет на такие роскошества.

Он не успел, ему оставалось допеть лишь половину куплета, когда из уголка его рта побежала кровь. Менестрель кулем осел на пол, худые руки скребли по холодному мрамору. Кто-то из юных фрейлин закричал и вылетел из зала, призывая целителя. Королева встала со своего кресла и присела перед упавшим на пол юношей на колени. Она сидела с ним рядом, не касаясь его, до самого прибытия лекарей. Придворный целитель констатировал смерть, а Чумной Лекарь протолкался сквозь толпу ко мне.

— Откуда вы здесь?

— Тиану позвал, — он кивнул на мертвого менестреля. — Он еще утром понял что происходит, но меня не пропустили на воротах. Не желаете ли принять мое гостеприимное предложение? Пока здесь не стало слишком жарко?

— Это за гранью приличий, — колебалась я не долго, леди Инира и оскорбленный

Атолгар на одной чаше весов и загадочное логово Чумного на другой. — Ведите, друг мой.

Пока фрейлины обмахивали платками королеву, лекарь натирал ей виски и запястья ароматной водой, а придворный целитель констатировал, что юный менестрель скончался от чахотки. И двор поверил, посочувствовал и посетовал, что юное дарование так равнодушно относилось к своему здоровью и не посещало целителя от слова совсем.

Дворец покинуть нам не удалось, за мной прибыл Квинт. Он был немного бледен и крепко зол. Чумной успел лишь шепнуть, что его приглашение остается в силе. Милорд Терцис крепко ухватил меня под локоть и самым натуральным образом конвоировал на порталную башню.

— Объясните мне, старому вояке, что сегодня произошло в замке?

— Много чего, — аккуратно отцепляю пальцы бойца и укладываю ладонь ему на сгиб локтя. — Что тебя интересует?

— Атти рвет и мечет, устроил показательный разбор полетов, заглянул в каждую трещину крепости.

— Готовиться к приезду леди Иниры, — пожимаю плечами.

— Сильно сомневаюсь, ибо указанная леди уже в крепости и высочайшей аудиенции так и не дождалась. Маркиз изъясняется матом, и дор Харт с тренировочной площадки выпускать его отказывается.

— Мы прояснили некоторые моменты, — с тяжким вздохом признаю я. — Возможно, я была груба и прямолинейна, но первым начал маркиз.

Квинт умеет быть убедительным, не за счет своей физической и магической силы. Устроив тяжелую руку на моей талии милорд Терцис мягко и ненавязчиво сменил курс движения. Теперь мы шли к тренировочной площадке, и боец настойчиво просил поговорить с придурком.

— Ну дурак он у нас, Игрейн, что поделаешь, — сложив брови домиком вещал Квинт. — Сболтнул, не подумав, и бесится. Поговори с ним откровенно, не прячься за приличия и прочую муть.

Высокое ограждение тренировочной площадки искрило — щиты едва справлялись с магической энергией бушующей внутри. Проход узкий — удобством пожертвовали ради безопасности. Мало ли какое заклинание отлетит в сторону? Взрослые бойцы обменивались такими проклятиями, что от их энергии вся трава в округе жухла.

Тренировочные манекены были разбиты в щепу, да такую, что восстанавливающее заклинание уже не спасет. Атолгар сидел в тени, на бревне. Широко расставив ноги и опираясь локтями на колени, боец жевал травинку и сплевывал зеленую слюны на землю. Он выглядел не злым или расстроенным, а скорее задумчивым. Желание продолжить ссору, укунуть побольнее значительно уменьшилось, но пропадать не спешило. Перед глазами еще стояла картина произошедшего в тронном зале. Под ложечкой сосало от осознания собственной низости.

— Мне стоит начать извиняться, милорд? — Не лучшая фраза для начала диалога, но ничем другим Боги меня не благословили.

— Миледи, — он резко встает, смущенно разглаживая мокрую от пота рубаху. Поспешно надевает камзол и приглаживает встрепанные волосы. С эстетической точки зрения маркиз хорошо, рубаха облепила крепкие плечи, широкую грудь, дальше я рассмотреть не успела, камзол, увы, слишком плотен.

Между нами повисла тишина, тягучая, неприятная. Казалось, стоит лишь напрячь слух, и я услышу, как бьется сердце милорда.

— Не молчите, — выдыхает маркиз.

Качаю головой, отхожу к бревнам и сажусь туда, откуда подскочил боец. Решаю быть откровенной, полностью, чтобы не было томительных раздумий в ночную пору.

— Я должна извиниться, за все, что сказала вам в библиотеке, милорд. Я не имела права как-либо оскорблять вас, предъявлять претензии и грубить.

Он порывается что-то сказать, но я жестом заставляю его умолкнуть.

— Должна и извиняюсь, это формальность, поскольку желания просить прощения у меня нет. Почти нет. Я хочу извиниться за то, что назвала вас наемным убийцей, пусть это была и констатация факта. Сегодня мы с вами стали похожи — я убила человека, не получив за это ни одного золотого. Да и удовольствия тоже не было. Умоляю о прощении, милорд. Вы убийца, но не мне вам об этом говорить.

Атолгар опустил передо мной на колени и прижался лбом к коленям, я запустила пальцы в его волосы. Немного влажные, жесткие, они цеплялись за мои пальцы.

— Вы не можете быть убийцей, Игрейн. Это моя прерогатива, убивать тех, кто мне доверяет.

— Будь вы другим, я бы не смогла вас уважать, — негромко произношу я. И сама

понимаю, что это правда. Я ценю маркиза именно таким, собранным, сдержанным, готовым к обороне и нападению. Готовым защищать свой Ковен, своих людей любой ценой. И, если совсем честно, я не хочу даже думать о том, скольких бы я разменяла за возможность вернуть свою семью. Скольких бы я подставила и оболгала, защищая своих. Вот только между нами большая разница — у него есть семья, Ковен, а я одна и мне только предстоит найти своих.

— Я не хочу выбирать между тобой и Ковеном, — Атолгар переменял позу, теперь он обнимал мои колени и смотрел в глаза.

— Значит, сделай так, чтобы выбирать не пришлось, — легко пожимаю плечами я.

— Сделаю, — и это просто слово прозвучало надежней самых верных клятв. Прикасаюсь кончиками пальцев к своим губам, после чего нежно скольжу ими по щеке маркиза. Имитация поцелуя, опосредованного и невинного. Хочется большего, соскользнуть на землю, обхватить его сильную шею и прижаться губами к этому твердому рту. Вновь ощутить тот вихрь эмоций, что едва не сломил меня в Дин-Эйрине.

Маркиз накрывает мою ладонь своей и время вокруг нас замирает. Тишину разбивает хрипловатый баритон воина:

— Я так и не сказал тебе, насколько был восхищен тобой. Есть много дурочек готовых броситься в бой, и лишь единицы способны понять, что такая помощь гарантировано угробит обоих. Ты нашла золотую середину, смогла разгрузить меня и не помешала, — он улыбается, но на дне узких зрачков продолжает таиться беспокойство.

— Погуляем в саду, когда все закончится? — улыбаюсь в ответ и добавляю, — у меня есть хороший яд.

Атолгар хохочет так, что в уголках глаз появляются слезы:

— Я согласен пойти с тобой куда угодно, только не угрожай! А то я погибну со страху, что будет позор для главы боевого Ковена.

— Обещаю никогда не угрожать, — подхватываю его шуточный тон и прижимаю ладонь к сердцу.

— Так что случилось? Почему между нами пропала разница? — Маркиз отставляет юмор в сторону.

— Сегодня от чахотки скончался любимый менестрель королевы, — я устремляю взгляд в небеса. Не хочу видеть осуждения в его глазах. — Я могла поднять шум, позвать на помощь до того как станет слишком поздно. А может быть, и так было поздно, но я не стала и пытаться. Я не лучше того, кто отравил мальчишку.

— Адеррин сошел с ума, — прошептал Атолгар. — Как отреагировала королева?

— Она выставила свое сердце на поругание, — вздыхаю, вспоминая, как скорбно выглядела фигура королевы подле умирающего возлюбленного. — Не посмела коснуться его и пальцем.

— Безумием охвачен Дин-Эйрин, — нараспев произносит девичий голос. — Эта строчка из старой баллады, времен гибели Бриаллен. Доброго дня Атолгар, миледи.

— Доброго дня, — Атолгар поднялся и приложился губами к тонкой ручке нарушившей наше уединение женщины. — Познакомлю вас заново, Игрейн, ты видишь перед собой леди Иниру, в прошлом вы уже были знакомы. Инира ищет целителя спасшего ее сына, желает отблагодарить. Но я запретил раскрывать его инкогнито.

— И это просто ужасно, — надула губы красавица.

Увы, к моему огромному разочарованию, Инира была очень красива. Высокая, статная,

с полной грудью и тонкой талией, что сложно сохранить рожавшей женщине. Со скуластого лица на нас надменно взирали черные омуты глаз, пухлые губы были недовольно поджаты — маркиз явно считался ее собственностью. Поправив пышный каскад рыжих кудрей, Инира будто невзначай продемонстрировала свой браслет. Слишком грубый для женской руки, он явно принадлежал в прошлом мужчине. Почему милорд Амлаут так смутился, увидев эту безвкусицу?

— Каждый имеет право хранить тайну, и свою и чужую, — легко пожимаю плечами.

— Как и раскрывать чужие секреты, — охотно откликнулась красавица. — У вас есть тайна?

— Сегодня мне по большому секрету открыли, что вы мне никогда не нравились, — светски улыбаюсь. — Вот пытаюсь понять, так ли это.

— Удачи, — ехидно шепнула леди Инира. — Атолгар, я могу поговорить с тобой наедине?

— Приятного вечера, милорд, с вашего позволения я удалюсь. Не подскажите, где я смогу найти милорда Терцис?

— На сеновале, очередной девке подол на голову наворачивает, — фыркнула Инира с явным отвращением.

— Не худшее занятие для мужчины, — я пожимаю плечами и ухожу, так и не посмотрев в сторону маркиза. Я не буду бороться, не хочу. Не умею. Инира красива и знает, как доставить мужчине удовольствие, она родит здоровых детей и будет блистать на балах.

Вместо реверанса коротко киваю Атолгару, и уверенно развернувшись покидаю площадку, почти печатая шаг. Прямая спина, руки сложены на животе, я спокойна и уверена в себе, у меня все в порядке. Откровенно паршивый день почти закончился, осталось пообщаться с Квинтом и спать.

Милорд Терцис поджидал меня в палисаднике, последнее время я предпочитала подходить к дверям господского дома именно через него. Боец развалился на слишком тесной для него лавочке, протянув длинные ноги через всю дорожку. Свесив правую руку до земли, Квинт подхватывал пальцами мелкие камешки и швырял в кусты, пытаясь сбить жужжащих над распустившимися цветами пчел.

— Не жалко медоносов? — Останавливаюсь рядом с мужчиной и хитро улыбаюсь. От вида огромного, чуть страшноватого бойца развлекающего себя мальчишескими забавами стало чуть легче.

— Нешто я убил кого, — тут же отрешивается Квинт. — Успокоился гневливый наш?

— Утешен леди Инирой, — улыбку выдавить не удалось. Прежде чем Терцис успел вставить хоть слово, продолжаю. — Я ведь вас искала. Чумной Лекарь позвал меня в гости, но вы нас перехватили, там, во дворце. Хотелось бы все же воспользоваться его приглашением.

— Неожиданно, — Квинт подобрал ноги, но не встал. — Я навскидку не скажу, когда у нас будут свободные люди чтобы вас проводить. Завтра, ладно?

— Хорошо, сегодня я точно никуда не хочу.

— Сопроводить тебя до покоев?

— Спасибо, дойду, — улыбаюсь и, уходя, замечаю, как сосредоточенно хмурится боец, его противостояние с пчелами продолжалось.

Сабии вновь не было в комнатах, похоже, любовь вскружила ей голову настолько, что она забыла о своих обязанностях. Наскоро расчесав волосы, я рухнула спать не испугавшись.

Всю ночь меня преследовал мертвый менестрель, тянул ко мне руки и спрашивал, как он умер, отчего. Я пряталась за хохочущую Роберту, но мертвый юноша все равно находил меня.

Не удивительно, что утром я проснулась без настроения, и заботливо оставленное на столике печенье проигнорировала. Сонная и счастливая Сабия приготовила мне ванну с пеной и ароматными маслами, отослав служанку, я тщательно заперла дверь. Скинув на пол платье, я аккуратно выпутываю из складок «Наставления». Что может быть приятней горячей ванны после кошмарной ночи? Только ванна с интересной книгой. Моя слабая память подсказывает, что не единственный раз меня пороли за испорченные водой фолианты. Я брала книги с собой всегда. На берег реки, на посиделки с подружками у костра, читала за обедом и ужином. Вот только все мои книги остались в Дин-Гуардире, как и подружки, как и любимая тихая заводь на реке.

Выхватываю взглядом слова, просматриваю фолиант вскользь. Я немного покривила душой, шифра здесь действительно нет, но первая страница предназначена исключительно мне. Мама и папа попрощались, они знали, что спасения не будет, не догадывались только откуда придет беда. Лорд Адалберт искренне полагает безопасным местом Ковен — они держат нейтралитет уже несколько сотен лет. И выходить из него не собираются, любое вооруженное столкновение двух Динов перемелет бойцов, костей не останется. Ошметки Ковена и Динов подомнут под себя островные шаманы, и жизнь никогда не станет прежней. Тон письма предполагал, что раньше я или не верила в это или была преступно равнодушна.

Инира назвала смерть менестреля безумием, и я склонна с ней согласиться — король никогда еще не ревновал свою королеву. Даже когда одна из ее престарелых на тот момент фрейлин неожиданно разродилась очаровательной девочкой. Королева перед родами фрейлины болела почти полгода, и потому приняла решение стать крестной матерью малышке. С годами крестная дочь становится похожа на королеву все больше и больше, а у старой фрейлины завелись деньги, на которые она купила сыну должность в королевской канцелярии. Удивительные совпадения, нисколько не заинтересовавшие короля. Внешние приличия соблюдены, и ладно. Так почему же погиб менестрель? Чем мог помешать мечтательный мальчишка, не смевший даже смотреть на королеву без смущения?

Вода остыла, я вылезаю, ополаскиваюсь из припасенного Сабией кувшина и закутываюсь в плотное, огромное полотенце. В такое полотенце можно было бы завернуть Квинта и еще осталось бы место для его жены. По моей просьбе в купальне установили невысокую скамеечку и крохотную подставку для книги — мастера сильно удивились, но выполнили каприз. Письмо отца я заучила намертво, строчку написанную рукой матери не могу читать без слез. Люблю, стань счастливой и никого не бойся.

— Миледи? — заполошный стук, — вы не уснули? Вы живы? Все в порядке? Ответьте скорее!

— Читайте, — коротко бросаю я, и Сабия умолкает. Есть вещи, которые, единожды случившись, становятся постоянными. Уже два дня подряд Сабия стучит в дверь как сумасшедший дятел. Девчонка увлекается рукоделием, спохватывается, что от госпожи ни слуху, ни духу и перепуганная летит к закрытой двери. Первый раз от неожиданности я ушла под воду. Пришлось открывать дверь, чтобы служанка помогла вымыть мыло из волос.

Надеваю приготовленное утреннее платье, тяжелый теплый халат, несмотря на весну по утрам в покоях холодно. Открываю дверь, действительно, Сабия устроилась на полу с корзинкой шерсти.

— Сколько раз тебе сказать, чтобы ты на полу не сидела?

— А я вот, — она приподнимается и демонстрирует плотную подушку, — очень удобно, миледи.

А губы вновь зацелованы чуть ли не до синяков.

— Он женится на тебе?

Сабия краснеет и отводит глаза. Ясно.

— Дело твое, я не осуждаю, — серьезно смотрю на нее и ставлю точку, — больше я этой темы касаться не буду. Главное — думай о своем будущем и будущем ребенка, который может получиться от неправильно принятых решений. Судьба байстрюка незавидна.

Служанка кивает, и углубляется в работу. Наудачу она как раз занимается вышивкой детской пеленки. Игла остановилась, девушка склонила голову на бок и задумчиво произнесла:

— А ведь я Нидду за то же самое ругала. Что гуляет со всеми. Но я не со всеми, я с одним.

— Твоя подружка тоже не сразу стала легкодоступной. У нее есть дети?

— Дочка, с ней другие детки не играют, — на простоватом лице служанки забрезжила тень разума. — А ведь ко мне сын кузнеца сватался. А я...

— Успела испортиться?

— Нет! Но целовались-то мы у всех на глазах, — девчонка закрыла лицо руками.

— Ты говорила про свою знахарку, мне тоже надо бы к ней сходить. Успела я испортиться до потери памяти или еще котируюсь на рынке невест. А там и к кузнецу твоему зайдем, я почитаю, твоя первая родственница, поговорю с ним, глядишь, что и сложится.

— Правда?

— Кривда, — улыбаюсь я. — Никто не помешает тебе любить другого, нравы здесь довольно просты, главное, соблюсти внешние приличия. Мне это не нравится, но и поделаться с этим я ничего не могу.

Собрались мы быстро. Служанка набрала корзину снеди — на поклон к старухе с пустыми руками идти нельзя. Да и не богиня старая Хельга чтобы травой да цветами питаться.

— Первое дело, отличающее знахарку от простой бабы — знахарки денег не берут ни единого медяка, у них от этого дар уходит. Медяшку возьмет, чуть ослабнет, как золотом разживется, так и потухнет. Такие на базарах зазывают гадать, да врут, не краснея. Им золото душу заменило, — словоохотливый селянин с удовольствием согласился довести нас до знахарки. Он первый молочный удой привез к крепости, и захватил нас, до хутора ведьмы почти час неспешной езды на телеге. Пешком бы мы замучились идти.

— Это точно дядька Аван, — поддакнула Сабия.

— А ты вертихвостка, госпожу сопровождаешь, или по делам? — Аван нахмурил седые брови и служанка смугилась.

— Не ругайте ее, дядюшка Аван. Вовремя одумалась, не успела дел наворотить, к знахарке заедем, потом и к семье кузнеца на поклон придем.

— От это дело, это вы хорошо, миледи, придумали. И ведь не слушала же никого из нас, зараза. По Нидкиному пути пошла, думали, все, потеряли девку. А рукодельница какая, эх!

В порыве чувств селянин подстегнул лошадь, и телега понеслась быстрее. Говорливый старик пообещал зайти к кузнецу, подготовить его к визиту миледи.

— Не надо никаких глупостей, по-простому мы идем.

— Так и мы чай не лорды, чтобы приёму давать. А стол справный накрыть, совсем другое дело.

— Главное уйти своими ногами, — хихикнула Сабия, — а то кузнецова жена такую наливку делает, все качаются!

Время пролетело незаметно, вот старик шевельнул поводьями, и мы спрыгнули с телеги, дальше нам по тропинке, сквозь сосняк. Вкусный хвойный аромат кружил голову, ясное солнышко еще не набрало силы и только светило, не припекая. Ноги немного подмерзли, но это было терпимо.

Издали было слышно, что в доме ведьмы скандал.

— Это дора Ан, жена Лозняка, — шепнула Сабия. И по тому, как она произнесла прозвище бойца, я поняла, кто зацеловывал мою служанку до синих губ.

— Не хочешь помочь, скажи кто! Я больше не хочу рожать ему бойцов! — звук пощечины был слышен даже нам. Сабия схватила меня за руку и потянула за куст мальвики.

— Ведьма чует, что мы здесь, а доре не надо это знать. Житья не даст. Вот дурная, все знают, старая Хельга детей из пуза не вытравливает, скорее уж розгой по заду отходит, не посмотрит баба сельская или леди перед ней. Слышите, визжит? Видать отхватила чудодейственной розги, она у Хельги завсегда в ведре у двери приготовлена.

Дора Ан оказалась очень высокой и худой, лицо, сейчас красное от гнева и унижения, не было красивым. Она промчалась мимо нас, только ветер ветви куста качнул.

— Ну, вылазьте, красавицы, с чем пожаловали? — в дверях грозно подбоченившись стояла невысокая, полноватая женщина. Волосы были аккуратно убраны в пучок, а черная лента показывала, что ведьма вдова. Опрятное, простое платье, из-под подола торчали простые башмаки.

— Здравствуй, Хельга, — Сабия вылезает из-за куста первой и кланяется ведьме. Выбравшись следом за служанкой я копирую ее поклон.

— Миледи? Много слышала, а вот вижу впервые, ну проходите, коль пришли. Корзину в сенях оставьте.

Дом ведьмы был весь пронизан светом, солнечные лучи лились сквозь оконца, отражались от крошечных зеркал из полированного серебра. Цветные бусы украшающие многочисленные растения придавали дому свой, теплый колорит. По полу носилось трое или четверо разномастных котят.

— Положено ведьме черного кошака держать, кто ж знал, что этот поганец поганкой окажется? Не знаю, что и делать с ними теперь.

— Людям отдавать, кто знахарке перечить станет? Да и кошка не объест, все не собака, — улыбаюсь, я подхватывая простой говорок ведьмы.

— И то правда, а я по зиме и проверю, кто как с животинкой обращается, — ухмыльнулась Хельга. — Да и повод лишний зайти, языком почесать. С чем пожаловали.

К щекам прилила краска, Сабия тоже зацвела как майская роза, но ни словечка вымолвить не удалось. У меня в голове вертелись обрывочные слова, но в полноценную фразу сложиться никак не могли.

— Ну, будем исключать, — ведьма забормотала свои наговоры и начала обходить нас по кругу. Хельга ворчала, брызгала на нас водой, катала вокруг сырые яйца, давала подержать в руках воск. Устала, вытерла пот со лба и собрала на стол.

— Давайте девоньки, пейте чай и рассказывайте. Заинтересовали.

— А точно? — спросила я.

— Что точно?

— Точно девицы? Ца. Я. — Тут я смутилась окончательно и вывалила на хохочущую знахарку все свои сомнения. Вдруг я в прошлом кому дала, а теперь и не знаю, потеряла самое ценное, а оплакать не могу?

— Насмешила, ты меня, леди. До слез. Девица ты, не сомневайся. А с тобой что?

— А я чтобы вы посмотрели, что я девица, и кузнецу про то сказали, ежели спрашивать придет, — буркнула Сабия и спрятала полыхающее лицо за исходящей парком чашкой.

— Скажу, коль девица. Только не торопилась бы ты слово свое ему отдавать, — задумчиво произносит Хельга. — У хорошего отца сын-то не очень вышел, и выпить любит, и девок гулящих поколачивает.

— А мы в гости собрались, — расстроилась Сабия.

— Так идите, кто же не дает? Поговорите, слухи развеите, и домой идите. Отбояришься что мол, негоже при незамужней госпоже мужней служанке быть. А лучше я с вами прогуляюсь.

Остаток вечера прошел шумно и весело. Языкастая ведьма собрала своих котят и пошла вместе с нами к кузнецу — принести в дар животных, и присмотреть за нами. До дома мы добрались уже впотьмах. Сабия побежала на кухню, принести яблок, а я зашла в гостиную и споткнулась о чье-то распростертое на полу тело.

Чтобы смягчить падение я выставила вперед руки. Ладони скользили в вязкой, холодной субстанции, колени ныли от удара о каменный пол. Из-за облака вышла луна и беспощадным серебром высветила происходящее в моей гостиной. В центре комнаты, раскинув руки, лежало тело, вокруг него расплылась лужа крови. Из спины мертвеца торчал серебристый в свете луны кинжал, на его рукояти издевательски горело клеймо владельца — схематичная лисица на клеверном поле, герб рода Адалберт.

Я сидела на полу рядом с мертвым юношей, из горла не рвалось ни звука. Руки стягивала высыхающая пленка крови, в левом виске набирала силу боль. В моей гостиной, кинжалом, принадлежащим моей семье, заколот неизвестный мне парень. На его поясе болтается опознавательная бляха слуги Ковена. И только я могу знать, что не трогала этого несчастного. Но голос мне вновь не повинуется, в пору заплакать, вот только слез нет, только удивление и страх.

В проеме открытой двери появилась Сабия в пятне желтого света — служанки имели собственных переносных светлячков. В один миг девица выпустила из рук поднос и заголосила, прося помощи не то у богов, не то у боевых магов. Имена Кернунна и Лозняка мешались друг с другом в интересной последовательности. А я продолжала сидеть, держа на весу ладони, не желая касаться себя оскверненными кровью руками.

Я не знаю, сколько прошло времени, кто-то прибежал, меня подняли с пола, укутали во что-то теплое и мягкое. Альбод смыл с моих рук кровь, возле трупа суетился Лозняк, сонный Квинт громогласно сообщил, что уже вызвал знахарку. Сабия, вцепившись в мои плечи мертвой хваткой, рыдала, размазывая по щекам слезы, а я пыталась заговорить. Но голос возвращаться не желал.

— Игрейн? — Атолгар серьезно смотрит на меня. Смотрит так, будто ни капли не сомневается в моей вине. Качаю головой из стороны в сторону, и целитель Альбод, крепко выругавшись, проводит по моему горлу кончиками пальцев. Где-то внутри что-то отзывается щекоткой и тут же стихает.

— Рецидив, — целитель вздыхает и достает из-за пазухи уже знакомый кошель с зельями. Масло мальвикии, мой новый старый друг.

— Чего? — ошарашено выдал Квинт и чуть отодвинулся в сторону, вдруг заразно?

— Голос пропал от пережитых эмоций. Потому и не закричала. Но сразу могу сказать, тело пролежало не меньше часа, — целитель выразительно перебрал в воздухе пальцами и вернулся к трупу. Мне стало немного легче, час назад мы шли из деревни в крепость в сопровождении знахарки и крепко выпившего кузнеца. Последний громко расписывал преимущества замужества за своим сыном. Причем впотьмах он время от времени путал меня с Сабией.

— Так, — гаркнул маркиз. — Миледи увести, напоить сонной настойкой и уложить спать. Знахарку привести ко мне, Квинт не хрен зевать, проводишь Игрейн и подними порталыщиков, работы невпроворот.

Квинт бережно поднял меня из кресла и вынес в коридор. Пришедшие на крик служанки маги ярко осветили гостиную, оттого, безмерно удивленное лицо совсем юного парня отпечаталось в моих глазах. Он не ожидал получить удар в спину. А я никого не ждала в своих покоях. Все мы получаем то, чего не ждем.

Комната похожа на келью, узкая и тесная. Шкаф, один стул и прикроватный столик. Широкий и длинный сундук — место для сна служанки. Под потолком узкое оконце забрано решеткой, на полу пятно лунного света. Сабия суетится, подготавливает постель, незнакомая девица принесла мне плотный халат и нижнее платье. Подол моего платья пропитан кровью.

Слуги приносят таз с теплой водой и полотенце, тюфяк и покрывало для Сабии. Наскоро оттираю тело, и забираюсь в холодную постель. Настойка заволокла сознание мутным туманом, и как служанка разбирала мои косы, я уже не почувствовала.

Говорят, что сны это наши невысказанные желания. У меня очень странные желания, ведь мне всю ночь снилось, как мы с Атолгаром взявшись за руки, бродим по серым равнинам, то спускаясь в озера молочно-белого тумана, то поднимаясь на поросшие вереском холмы. Я не видела лица воина, только чувствовала его руку, знакомую до последней мозоли и трещинки. Грубую руку бойца, не чурающегося тяжелой работы и горячей схватки.

Проснулась я от звука открывшейся двери — в комнату проскользнула Сирилл. Приветливо улыбнувшись мне, леди библиотекарь присела на единственный стул.

— Доброе утро, Игрейн. Крепость стоит на ушах, сплетни противоречат одна другой.

— Доброе, Сирилл. Расскажешь?

— Я не вслушивалась, — смутилась девчонка. — Вроде как вы злодейски закололи милорда Амлаута, но целитель Альбод его спас.

— Это свойственно людям, искать в других то, что есть в них самих.

— Эруан Третий выдержка из наставления юным, — эхом отзывается Сирилл и краснеет.

— Может быть, — пожимаю плечами я. — Читала давно и откуда эта фраза я не помню.

Поморщившись выпиваю масло, оно ласковой волной проходит по моему горлу, смягчая измученные ткани. Вот только на ближайšie пол часа во рту поселиться неприятный привкус.

— А меня расспросить не хотят? — спрашиваю Сирилл.

— Ты леди, — спокойно пожимает плечами Сирилл. — Даже если ты его убила, выступишь дань крови семье и все. Милорд не станет допрашивать тебя.

— И чем ты меня будешь развлекать?

— Хорошо расслышанными сплетнями, — жизнерадостно улыбнулась леди библиотекарь. — Я ни разу этим не занималась с тех пор, как ты перестала приходить. Мне казалось, ты меня бросила, — она помолчала и продолжила, таинственно понизив голос, — я слышала, как милорд Терцис и дор Харт обсуждали благородных дам и дворовых девок. Мол, дворовой подол на голову завернул и того ее, а если она не согласна, по морде съездит и не в обиде. А даму в щеку поцелуешь, а она уж и в обморок свалилась, потом ведро претензий, слез, а ты и не помнишь, целовал ее или только собирался. И смешно, и обидно.

— Милорд Терцис так и поступает, я как-то видела, как он едва увернулся от коромысла, коим его пыталась приложить оскорбленная молодка, — смеюсь я, вспоминая как забавно выглядел грозный боец.

— Но ведь так нельзя, — задумчиво произносит Сирилл.

— Каждый сам для себя определяет границы «нельзя», — я улыбаюсь. — Так говорят мудрые люди. А я тебе скажу, за нас границы определили родители. Будь ты младой селянской девой, носилась бы в простом платье, раздавала бойцам оплеухи и отдавалась на сеновале самому настойчивому и изобретательному. Потому что можно, потому что

ребенок-маг в семье важнее мужа. Но ты родилась в благородной семье, где нет выбора между смертью и бесчестьем — этот выбор сделали предки на много поколений до тебя. Леди травят себя, бросаются с высоких башен и разбиваются насмерть, потому что это правильно, в их понимании. Потому что иначе осудят.

— Ты говоришь ужасные вещи, как и раньше.

— Больше не буду, — я поднимаю руку и чуть удобнее устраиваюсь под одеялом. Нет желания вылезать из тепла в мерзлую комнату. Специально или нет, но в этих покоях невероятно холодно.

— Ты ни разу не сдержала слова, — морщит нос Сирилл.

Требовательный стук в дверь и я понимаю, что вылезать и принимать достойный вид все же придется.

— Можешь сделать вид, что спишь, — смеется Сирилл, прикрывая ладошкой губы.

Я отмахиваюсь от нее, вскакиваю с кровати, наскоро привожу в порядок постель, закутываюсь в плотный расшитый бисером халат.

— Я открою, — Сирилл легко поднимается и дергает закрытую дверь. — Ой, забыла, что мы заперты. Можете войти!

Сначала в дверь прошла яркая зелень куста — среди мелких, темно зеленых листочков прятались крохотные, синие цветочки.

— Кайриб, какая прелесть, — Сирилл взмахнула руками, — а здесь даже вазы нет!

Из-за разлапистого букета появилось довольное лицо Герада, позади которого шла Сабия с вазой.

— Все у нас есть, — проворчал боец, и я улыбнулась, сын и отец почти как одно лицо. — Приятного дня, миледи.

— Окажите мне честь, Герад, перейдя на неформальное общение, — отзываюсь я, принимая из рук парня колкие ветви. — Благодарю, они невероятны! А запах какой сладкий, Герад!

— Друид кричал как оглашенный, — поделилась Сабия, — первый кайриб всегда Бригитте дарят, а милорд пошел да срубил кустик под корень. Вжих!

— Но все равно пришлось делиться, — Герад потер шею, так, словно вспомнил, как ему по этой шее прилетело от друида.

Парень уселся на сундук, Сабия пристроилась на полу, а Сирилл я пересадила на свок постель — библиотекарь совсем застеснялась такой большой компании. Таким образом, единственный стул достался вазе с кайрибом.

— Сейчас принесут завтрак на всех, я позволил себе распорядиться вашим утренним временем, Игрейн, — немного неловко произнес Герад.

— Вот и прекрасно, — ненадолго замолкаю и все-таки рискую продолжить, — есть какие-то новости? Мне не дали даже оправдаться, сразу заперли.

— Милорд будет свободен после обеда, — пожимает плечами служанка, а Герад отчаянно мотает головой.

— Что вы, Игрейн, вас никто ни в чем не подозревает! Чтобы убить человека, нужна и сила и навык, — снисходительно поясняет боец, а я прикусываю губу. — Но даже если предположить, что вы могли бы это сделать, ваша служанка и знахарка ясно объяснили, где вы были и как поздно вернулись. А тело пролежало в ваших покоях почти три часа — это Альбод определил.

— Тогда почему я здесь?

Герард невероятно серьезно и даже тоскливо на меня посмотрел, но отвечать не стал. И меня пронзило пониманием — кто-то ударил по самому дорогому. Безопасность в Ковене поставлена во главу угла, но некто убивает слугу боевых магов. Убивает в самом сердце крепости — господском доме. И есть лишь два, одинаково страшных варианта — либо крепость не так неприступна, как кажется, либо убил кто-то из своих. А столь удобная для повешения собак чужачка весь вечер и часть ночи веселилась в деревне. Впору расстроиться.

Простая Сабия заполняет паузу в разговоре, рассказывая про свару леди Терцис и Инсы. Герард фыркает, и я вопрошительно на него смотрю.

— Ей нигде не работается, — боец пожимает плечами. — В винный погреб наведывается отец, до того в зерновом хранилище мыши зерно поели. Куда бы мать Инсу не поставила, она нигде не справляется. Так и не лезла бы, и без нее руки найдутся.

— Но она все лезет, помогает, а леди потом за ней все переделывают, — Сабия кивает.

В двери стучат, Герард открывает и помогает слугам занести небольшой столик, следом трое служанок заносят подносы. Я словно окунаюсь в детство, иногда с отцом мы завтракали точно так же, сидя с ногами на кровати и не пользуясь столовыми приборами. Под смущенный смех и шутки заглянувшей к нам мамы, мы салатовали ей надкушенными булочками. И она, забыв, что является дочерью правителя, падала на мою постель и отнимала у мужа уже надкушенный пирожок. Аргументируя тем, что он мужчина и должен кормить свою семью. Такие утра в нашей семье были редкость и ценились мною особенно сильно.

От воспоминаний испортился аппетит. Дожевав суховатый сыр и запив его разбавленным вином, я спряталась за переставленным букетом кайриба. Сирилл неприкрыто разглядывала Герарда, тот смущался и отвечал взрывом малопрстойных шуток, Сабия заливалась смехом, а Сирилл укоризненно качала головой.

Вернувшиеся слуги убрали стол и остатки трапезы, Сабия устроилась с ниткой и иголкой под оконцем.

— Герард, я могу вас попросить? Вместе с Сирилл дойти до библиотеки, она даст вам книги для меня.

— Хорошо, я выполню ваше распоряжение в точности, — наигранно браво вытянулся Герард и с ходу предложил леди библиотекарю локоть. Заалев щеками, девушка приняла руку бойца, и они выскользнули из комнаты.

— Мне кажется, ничем хорошим это не кончится, — неожиданно произнесла Сабия, но пояснять не стала.

Три дня слились в один. Сабия принесла мое «Наставление» и разбор отцовых записей пошел значительно веселее. Я сменяла книги, завтракала в обществе Сирилл и Герарда, зачитывалась приключенческими и рыцарскими романами до обеда, на котором обсуждала их с Атолгаром. С обеда до ужина вновь разбирала хитросплетения ритуала и ужинала в обществе миледи Терцис. Три совместных ужина примирили нас друг с другом, я простила ей купание в воде, и многие прошлые пакости.

Утром четвертого дня мое заключение закончилось. Составить мне компанию на завтраке пришел милорд Терцис. Грозно рыкнув на слуг, Квинт с ногами устроился на сундуке. Завтракали мы в молчании, я сидела за столом в одиночестве. С прямой спиной и сведенными судорогой плечами я заталкивала в себя творог, как всегда, слишком сухой.

— Ты можешь вернуться в свои покои, — прогудел боец.

— Это хорошо, что-то выяснилось? — с надеждой спрашиваю я.

— И да, и нет, — простодушный Квинт явно не хочет говорить на эту тему.

— У меня есть что рассказать по документам.

— Значит, вечером встретимся в общей зале, сейчас мы все носимся, ищем лазейку в охранке. Тебя сегодня Чумной навестит.

— Это очень хорошо, — вот действительно приятная новость. — Попрошу Сабью устроить нам пикник на природе.

— Атолгар не будет доволен.

— Думаешь, Чумной объест Ковен?

— Он не ест в гостях — маска, — Квинт хохочет.

Мне ясно вспомнился жар чужого дыхания на коже. Опаляющий жар и не потому, что ситуация была интимной. Просто, у человека не может быть настолько горячего дыхания.

Гостиная блистала отмытым полом, мебель была немного передвинута, окно заново остеклили. Когда только разбить успели. Так или иначе, но с трудом созданный мною налет уюта был разбит. Появились лишние предметы мебели, длинная скамья и широкий сундук.

— Сабия, как ты думаешь, можно попросить перенести из библиотеки сюда мой стол и кресло?

— Можно, особенно если хорошо просить, — хрипловатый баритон из-за спины едва не напугал меня. Но с течением времени я привыкаю к привычке ковенцев подкрадываться к своим жертвам.

— Добрый день, — легко приседаю и улыбаюсь. Атолгар за эти дни устал настолько, что временами забывает побриться. Маркиз из тех мужчин кому идет небольшая щетина, к моему огромному сожалению.

— Квинт предупредил меня, что вам есть что сказать.

В гостиную один за один проходили бойцы. Не нужно быть гением, чтобы понять — это доверенные люди Атолгара. Лозняк как всегда встал у окна, Квинт и Эгги устроились на скамье, за пазухой медведеподобного друга милорда Терциса что-то загадочно булькало при каждом его движении. Целитель Альбод сел на сундук, дор Харт пристроился рядом с ним. Атолгар как и Лозняк остался стоять.

Выпив очередной флакон масла, я положила перед собой ладони — еще не хватало начать бурно жестикулировать.

— Как бы это ни прозвучало, но все началось со смерти Бриалл, — вспомнив свою прошлую жизнь, я начала называть смертную богиню так, как это принято в Дин-Гуардире. Отчасти потому что с детства привыкла, отчасти назло окружающим.

— Как и все конфликты за последнее время, — кивает Лозняк.

— Да. Мои отец и мать искали способ, как исправить содеянное эйрами, — сильнее стискиваю пальцы. — И нашли.

— Этот способ — вы? — поднимает брови целитель.

— Не могу точно сказать, мой отец был ученым, я же еще в начале его пути. Ритуал был испорчен, это точно.

— В чем была суть? — Атолгар серьезен как никогда. Сейчас я подкладываю дрова в свой костер, но промолчать нет возможности.

— Обратиться к Богам напрямую, попросить милости и отдать самое дорогое. Стандартная формула, — горечь оседает на языке. — Моя мать приехала в Дин-Эйрин как заложница мира и Кардорги были вынуждены на обмен отдать своих ближайших родственников, тогда как раньше было достаточно просто родовитых леди.

— Да, поступок леди Адалберт, дочери Вортигерна поразил всех.

— Крапинка пришла в Дин-Гуардир, — я пожимаю плечами. — Так или иначе, ритуал был сложен. Девушка из гуаров, как лицо невинное перед богами, должна была быть максимально близка к правящей династии.

— Это вы, миледи?

— Да, я и та, что ушла заложницей со стороны эйров, — потираю ладони. — Раз жива я, значит и она тоже осталась в этом мире. Ритуал был начать одновременно со мной и с нею, мать просила, чтобы Боги даровали ответ, как победить болезнь или заслужить их прощение.

— Но человеческий разум не в силах удержать в себе божественные знания, — весело произносит Альбод.

— Да, здесь отец допустил просчет. На сегодняшний день это все, что мне удалось разобрать в документах.

— Этого достаточно чтобы тебя казнить, — задумчиво произнес Квинт. — Вот ведь принесла ты нам головную боль, девочка. Ковен не смог защитить Бриаллен в прошлом, а сейчас перед нами ты.

— Я не она.

— Ты это ты, Игрейн, и я не хочу знать, что свалится на два Дина если тебя убьют по нашему недосмотру. Или если ты сама убьешься.

— И обнаружить это по-прежнему нельзя, — Лозняк засунул большие пальцы под пояс.

— Значит, нужно набирать силу, — спокойно произнес Эгги. — Теперь Игрейн будет жить здесь и наша задача обеспечить ей безопасность. Большую, чем раньше.

— Птица в золотой клетке, — со смешком выдал Квинт. — В нашем случае целительница, запертая в крепости.

— Рано или поздно о ней узнают, захотят себе. Или казнить, вернув дар богам — магия уходит вместе с крапинкой, колдуны слабеют и многих это устраивает, — слова Эгги испортили настроение сразу всем.

— Островной шаманизм доступен даже тем, чей дар по нашим меркам прискорбно мал, — Атолгар кивнул.

— Вернуть Ковену былую силу и власть задача достойная, — Квинт хмыкнул, — даже не представляю, с какого конца за это взяться.

— Разберемся.

По распоряжению милорда на обеде собирались все, кто живет в господском доме. Меня это не касалось пока я болела. Однако сегодня Сабия принесла благую весть — маркиз желает видеть меня на обеде.

— Это леди Инира, все же кто где кушал, а ей одной скучно, — проворчала служанка.

Голубое платье, причудливая коса, на пояс повешена книга «Наставлений», немного подведены глаза. Кажется сегодня я пожалею, что меня выпустили из заключения.

Инира сияет, золотое кольцо, золотистое платье. Демонстративно оголенные запястья, чтобы массивный браслет был ясно виден. Она смеется и улыбается только для Атолгара, позволяет себе подкладывать ему на тарелку вкусности и отпускает едкие замечания в сторону жен бойцов. Нельзя сказать, что за столом сложилась дружественная атмосфера.

Когда мне удалось рассмотреть клеймо на помолвочном браслете Иниры, сердце пропустило удар. Одинокий волк на алом поле — герб маркизата Амлаут. Значит, отношения Атолгара и Иниры нечто большее, чем дружба? Значит, королевские сплетники

были правы. Мне должно быть все равно, но сердце рвется на части.

— Вы пропали на несколько дней, милая леди, где же вы были? — Инира обращает на меня внимание и мне приходится брать себя в руки.

— У друида, — легко улыбаюсь Инире. — Изучала тайные знания, то чего нет в замковой библиотеке.

— Давно хотела спросить, отчего вы так загостились, — нагло улыбнулась леди, укладывая руку с браслетом на скатерть.

— Все очень просто, миледи, здесь живет мое сердце, — когда нечего сказать, говори правду. Я люблю Атолгара, влюбилась в тот момент, когда пыталась женить его на себе. Что ж, Боги любят жестокие шутки. В их понимании я получила по заслугам, но боюсь такую божью кару мне не вынести.

Остаток обеда Инира обменивалась репликами с миледи Терцис. Лидда обеспокоенно поглядывала на меня, а я не сводила глаз с браслета. Я честно пыталась сделать вид, что мне все равно, что Атолгар мне безразличен, но клятая железка все равно привлекала мой взгляд. Маркиз предложил сопроводить меня на встречу с Чумным Лекарем, и вытянувшееся лицо Иниры немного потешило мое самолюбие. Было искушение согласиться, но нельзя постоянно пребывать в мечтах. Я не стану подстилкой чужого мужа — у меня будет свой. Человек, которого я буду уважать, о котором я буду заботиться. А не вздыхать под дверью супружеской спальни любимого, ожидая пока для меня освободиться место. Есть же у меня хоть немного гордости?

Оттого я посоветовала Атолгару уделить время невесте, а меня оставить на попечении Герада — у него превосходно это получается. Лидда удовлетворенно улыбнулась. Неужели она думала, я устрою безобразный скандал? Разбитое сердце не повод для потери достоинства.

Яблони отцвели, лепестки летели по ветру, оставаясь в волосах, плавая в небольших лужах, оставшихся от прошедшего дождя и пятная траву. Чистый воздух, наполненный изумительным ароматом, пьянил не хуже вина. Квинт, хмурясь, удерживал веер карт в одной руке. Мне, чтобы удержать столько, потребовалось бы использовать обе ладони.

Чумной Лекарь носит свою маску не снимая, предлагать ему чай заранее проигрышный вариант. Так я попросила милорда Терцис найти игральные карты, и боец решил к нам присоединиться. Узнав, что отец будет вместе с нами, Герад отправился по важному делу в библиотеку.

— Пора сдаваться, милорд, — под маской не видно выражения лица Чумного, но в голосе искрится смех.

— Вот еще, Ковен не сдастся!

Объединившись с целителем, мне удалось победить Квинта в первой партии, но, увы, во второй мужчины соединили силу уже против меня. Третью партию мы с милордом решили посвятить Чумному, но он легко отбил нас обоих.

— Вы настоящий мастер, — не лукавя произношу я.

— Порой я живу исключительно за счет карт, — суховаго произносит Лекарь, и легко тасует колоду. — Мне бы хотелось посетить местного друида.

— Я провожу, — Терцис чуть кривится, — но беседовать с ним один будешь.

— Не любовь к друиду — семейная черта? — спрашиваю я, и Квинт хмурится.

— Он говорит по делу, но сама-то любишь, когда тебя в твои же ошибки носом тыкают как кутенка ссаного? Прошу, кхм, прощения за чрезмерную образность, но суть передана четко.

— Это его работа, — Чумной склоняет голову, и стекло закрывающее его глаза таинственно мерцает. — Говорят, за островами существуют божеские служители, которые только тем и занимаются, что лезут людям в душу.

— Говоришь со знанием дела.

Пока мужчины разговаривают, раскладываю малый пасьянс, он обещает мне скорую опасность и быстрое от нее избавление. Правду матушка говорила, нельзя сочетать игру и гадание. Вот только где они, наши родовые карты? Если верить маминым рассказам на полную луну можно позвать карты, и они вернуться.

— Сопроводить тебя домой, Игрейн?

— Погода прекрасная, я пройду с вами, люблю эту дорогу, — собираю карты и убираю в замшевый мешочек. Квинт вешает их на пояс, а Чумной предлагает мне руку.

Знакомый путь пролетел незаметно. Я немного постояла на восхитительном эльфийском мосту, пожалела о том, что ручей слишком мелкий, и, подобрав подол, догнала мужчин.

— А я тебе говорю, не обычный это медведь был, — горячится Квинт. — Мы с ребятами лес вокруг деревни обшарили, каждой лисе под хвост заглянули, и ничего! Как дух бесплотный хутор выел.

— То-то и оно что под хвост, — фыркает Чумной, — как зависли на ближайшем хуторе с вином и ба...кхм, девками, так там и остались.

— Края видь, Лекарь, — внушительно произнес боец. — Там люди погибли. Если я

говорю, что мы не нашли зверя, значит так и есть.

— Существует целый раздел зелий и ритуалов, — вмешиваюсь в дискуссию, пока мужчины не устроили дуэль. Квинт скор на расправу, и порой довольно жесток. — С их помощью можно из любого дикого зверя сотворить кровожадное чудовище.

— Удивительные знания, миледи.

— Отнюдь господин целитель, — я качаю головой и поправляю темную ленту, едва не слетевшую с волос. — Дин-Гуардир имеет принципиально иной подход, как к образованию, так и к самой системе наказаний и запретов.

— Подробней не расскажете? — Лекарь наклонился ко мне чуть ниже, так что тень от его шляпы упала мне на лицо. От маски приятно пахло травами, стекло на месте глаз было немного красноватым, так что цвет радужки Чумного было не различить.

— Эйры запрещают действия, милорд не даст соврать, да и вы в курсе. Гуары запрещают последствия, все просто.

— Гуары запрещают убивать людей, — со смешком произносит Квинт, — а эйры подробно перечисляют, как именно нельзя убивать людей. В прошлом месяце женщина убила своего мужа и ее оправдали.

— Он был такой скотиной? — хохотнул Лекарь.

— Не знаю, кем он был, но в Большом Свитке Преступлений не значилось, что мужчину нельзя заставлять дышать песком. Полные легкие песка, и веселая вдовушка разводящая руками.

— Именно так, — соглашаюсь я. — С магическими ритуалами почти тоже самое, у эйров запрещены обращения к Богам, а у нас целые разделы. Всех юных магов учат запретной магии, раньше я была обязана носить бляху, показывающую, что прошла обязательный ежегодный практикум.

— Но зачем? — поразился Лекарь и тут же стал рассуждать, — хотя, если подумать. Логично, когда человек точно знает какой результат будет от того или иного действия, он не станет это делать. Или пойдет на риск.

— Но любого рискованного колдуна или колдунью можно будет легко вычислить и наказать, — я пожимаю плечами. — Очень много страшных вещей происходило в Дин-Гуардире от того, что юные и необученные маги начинали экспериментировать. Так, запрещен шаманизм — у островных колдунов низкий уровень личной силы, и потому, используя их практики, наши маги призывают тех существ, с которыми справиться не могут.

— Вортигерн жаловался, — хмыкает Квинт, — ему один такой дух полстолицы разнес лет восемь назад. Мальчишка тринадцати лет призвал себе слугу, не хотел по дому работать.

Вход на капище для мужчин и женщин был разный. Я уходила по тонкой тропке меж цветущих кустов, для Чумного проход был среди валунов выше человеческого роста. В ожидании возвращения Лекаря мы с милордом уселись на нагретые солнцем камни.

— Сегодня на обеде, — начал было Терцис, но я сразу его перебила:

— Подавали изумительный суп, Квинт. Больше я ничего не желаю объяснять.

— Мне нужно, чтобы ты меня выслушала, — боец не смотрит на меня. Все свое внимание он подарил мелким камешкам, которые ковырял носком сапога.

— Квинт, и ты и Лидда, вы придумываете что-то, приписываете маркизу то, чего нет. Говори уж, все равно Чумного ждать.

— Ты слишком уж благоволишь человеку, чьего лица не видела ни одна живая душа, —

нахмурился Терцис. — Не давал Атти браслет никому, кроме своей жены.

— Он женат? — сердце екнуло.

— Был, аж целую минуту или две, — боец сплюнул. — Нехорошо, но чтоб старому маркизу на той стороне духи гвоздей на завтрак подали. Собрался он, будучи еще живым, помирать, да и выел весь разум у сына — женись да женись. Атти психанул, мать его из гуарок, значит, ему жену надо брать среди эйров. Он посватался к семье Дирран, смекаешь? Нет? Это значит, что старик Дирран сам решал, кому из дочерей в Амлаут уйти. Браслет ему отдал, и все, дальше они трижды при королевском дворе встретились и назначили дату свадьбы.

— И что? — дыхание перехватывает, воображение рисует кровавые сцены резни в капище, или отравленный кинжал в спину.

— Да ничего, девка дурой оказалась, — Квинт вновь сплюнул. — Перепугалась, навывдумывала себе чего-то, а с Атти говорить побоялась. И представь, красавица невеста, вся ладненькая, складненькая, все клятвы произнесены, я уж пожрать собрался — голодный был, страсть. И тут она резко выпивает яд, произносит донельзя слащавую речь и умирает.

— Речь? — эхом откликаюсь я.

— Да, что-то вроде того, что никто ее мнения не спросил, что любит другого, и пропадите вы все пропадом, — Квинт пожимает плечами. — Не могла с маркизом поговорить, он бы помог. Он у нас вообще мимо дам в беде пройти не может. Браслет остался в семье Дирран, Атти отказался брать за себя среднюю из сестер, но и выкуп, который потребовал старик, платить не стал.

— Что за выкуп?

— Не знаю, раз молчит — значит не деньги. Маркиз, как и мы все, наемничья рожа, но и границы у нас есть. Видать совсем грязное дельце ему предложили. Инира браслет явно от Диррана получила, Атолгар волосы на голове рвал, но что толку. Она имеет право его носить.

— Они поженятся? — безразлично спрашиваю я, и Квинт смеется:

— Ага, два раза. Эта леди через себя всех королевских гвардейцев пропустила. Нам пришлось обнародовать историю с женитьбой и смертельной глупостью юной Дирран. Она ведь с ними кувыркалась не снимая браслета, представь, что о маркизе говорили.

— Некрасиво. Только не складывается, почему он просто не выставит ее вон?

— Двери Ковена открыты для всех. Сын этой дамы должен стать сильным магом, крапинка отпустила его без потерь, благодаря тебе, вот она и гуляет здесь на правах матери члена Ковена.

Чумной принес от друида легкий флер скорби. Опущенные плечи и неуверенный шаг ясно сказали мне что ничего хорошего он о себе не услышал. Даже его широкополая шляпа и так как-то неуловимо погрузнела.

— Вот и я говорю, нечего у друида делать, — с этими словами Квинт поднялся на ноги. — Бьет в самое больное, а готовых решений не предлагает.

Я пристраиваюсь рядом с Лекарем и сама беру его под руку. Иногда слова излишни, я прижимаюсь к его плечу щекой и легко подстраиваюсь под шаг мужчины.

Чумной быстро взял себя в руки, и поделился с нами историей, как он, еще будучи юнцом, впервые принимал коровьи роды. И что его до сих пор удивляет — корова осталась жить, и теленок тоже.

— Все с чего-то начинали, — улыбаюсь и таинственно шепчу, — у меня в детстве была

настоящая драма.

— Поделитесь? — подхватывает мой тон Чумной и даже Квинт сокращает между нами расстояние.

— Даже не знаю, — тяну я, и признаюсь, — в юности мне удавались все без исключения запрещенные ритуалы и зелья, а вот с нормальной магией все было очень плохо.

— Да вы темная ведьма, миледи, — заливается смехом Лекарь.

— А то! Сейчас обидите меня, и я вам такого наколдую, — мы смеемся и дурачимся, и мне совсем не хочется возвращаться в крепость.

Как бы я ни относилась к Атолгару, мне тяжело в его доме. Небольшой палисадник, где всегда есть люди, гостиная в моих покоях — надоела, только и остается гулять в сторону капища. Да кузнец со знахаркой в гости зазывали, знать бы еще, из вежливости или правда ждут. Сирилл сейчас лучше не мешать, девушка начала вливаться в женский змеиный коллектив Ковена, да и Герад вроде как серьезно настроен. Ниточек-зацепочек чтобы хоть в расследование окунуться — и тех нет. Отец явно боялся кого-то, в его записях слишком много иносказаний.

Из невеселых раздумий меня вырвал удар в плечо и последующее столкновение с деревом:

— Наверх, оба!

Я не успела ничего понять, как Чумной перехватив меня за талию уже взлетал на широкую, крепкую ветвь дерева. Короткий заговор и я чувствую, что срослась с древесной корой, а мужчина уже спешит вниз, на помощь Квинту.

На широкой, наезженной телегами дороге, ревело чудовище. При жизни это был обычный медведь, из тех, что баб в малиннике гоняют с переменным успехом. Сейчас он выглядел отвратительно — прогнившая шкура, гипертрофированные клыки и когти, мутные, гниющие глазки. Зверь был мертв не меньше недели. Сглатываю сухой комок в горле и кричу:

— Только огонь! Не дайте ему вас коснуться! Яд!

Мужчины не отвлекаются на то, чтобы мне ответить, но оба резко увеличивают расстояние между собой и зверем. Тишина. Чумной и Квинт берегут дыхание, медведь уже давно не дышит. Только стук сердца отдается в ушах, но его кроме меня никто не слышит. Лекарь показывает несколько жестов Квинту и тот создает щит вокруг твари, заключая его в сферу. Зверь чувствует опасность, из пасти стекает пенная слюна. Это и есть яд, то о чем я предупреждала.

Опустившись на колени, Чумной снимает пояс и вытаскивает несколько мешочков — щит Квинта мешает зверю найти своих жертв. Получившуюся смесь Лекарь сжимает в ладонях и под его пальцами начинает разгораться огонь. Квинт, едва только Чумной резко кивает, раскрывает щит, и медведь прыгает на целителя. Комок огня влетает в разверстую пасть чудовища, а сам Лекарь впечатывается спиной в дерево, под матерный вопль оттолкнувшего его Терциса. Если убрать непристойности, то боец поинтересовался, почему уважаемый Лекарь стоит на одном месте как памятник эльфийскому королю. Уж не ждет ли он поцелуев от убиенного зверя?

— Ты говоришь так, будто я каждый день в схватках участвую, — возмутился Чумной, поднимаясь с земли. Квинт показал целителю донельзя выразительный жест и возразил:

— Разве это схватка? Минуты не прошло. Игрейн, ты ждешь, пока на тебе листочки прорастут? Славно размялись.

— Подожди, я ее прирастил к дереву, чтобы не упала.

Лекарь прижимает ладонь к стволу, в этот же момент дерево словно столкнуло меня. И я без единого возгласа полетела вниз. Квинт поймал меня, и поставил на ноги. Хорошо подол платья в полете мне на голову не улегся, вот была бы потеха.

Подбираюсь к останкам зверя, ковыряю подобранным прутиком, вспоминая все практические занятия в Департаменте Порядка. Считаю и прихожу к спорному выводу.

— Это не ритуал. Приманку начинили преобразующим зельем, и медведь, употребив подношение, умер, — я передернулась. — В Дин-Гуардире за это казнят с особой жестокостью.

— Почему? — Чумной настолько быстро передел перчатки, что мне не удалось рассмотреть ни клочка его кожи.

— Если бы издыхающего зверя встретили рачительные селяне, добились и съели, или скормили собакам, или как-то использовали его жир — это был бы самый настоящий кризис. Конечно, зелью не хватило бы сил поднять кого-либо из мертвых, но все части мертвого животного сработали бы как первосортный яд. И вместо одного выеденного хутора имела бы вымершая деревня.

— Им можно управлять? — Квинт, как и я, подошел ближе, ковыряя во внутренностях зверя подобранной палкой. Удовольствия процесс бойцу не приносил, но и остановиться было сложно.

— Нет, он даже ничего не хочет. Этот вид нежити раздражает движение — как только противник умирает, или перестает двигаться, нежить успокаивается. Может даже впасть в спячку. Вот только их выводит из себя даже шевеление ветвей дерева при сильном ветре.

— Сколько времени прошло от момента отравления?

— Труп начал гнить, потерял скорость, я сравниваю с тем, что нам показывали в Дин-Гуардире. Значит, зверь издох за сутки до того, как вышел на хутор. Где-то неделя.

— А ты могла бы это сделать?

— Да, у меня хорошо выходит, — шурюсь в ответ на провокацию Квинта. — Этот ритуал нельзя прерывать — больше суток колдун должен провести у котла с зельем. Назовешь такой день?

— Я просто спросил, — Квинт хохотнул. — Надо людей вызвать, собрать здесь все и прибрать.

— Выжечь надо всю поляну и землю метра на полтора вглубь, — Лекарь подходит ближе. — Вышлите вестника, милорд, и ждите. Я провожу миледи до крепости и отбуду к себе.

— Игрейн?

— Все хорошо.

Квинт коротко переговорил с Атолгаром, и уселся под тем деревом, на котором сидела я. Достав кисет с табаком и трубку, он приготовился приятно провести время в ожидании соратников.

— Я бы так не смогла, — мы уходим с поляны и я крепко держусь за Чумного. Пережитый страх не торопиться отпускать меня. Цветущая вокруг зелень мнится укрытиями чудовищ.

— Вы даже не представляете, миледи, в каких передрыгах побывал милорд Терцис. Ударный кулак Ковена участвовал во всех заварушках и междоусобицах. Они даже на острова высаживались и наводили там порядок. У Ковена нет денег, они берутся за любую

работу. Даже эльфы поручают маркизу грязную работенку, в которой не хотят марать свои руки.

— Я не знаю, как к этому относиться.

— Никак, — отрезает Чумной. — Сейчас вы далеки от этого, станете маркизой — будете закрывать глаза и молиться, чтобы муж вернулся домой живым.

— Про мужа — несусветная глупость, — вот и все что я смогла ответить.

— Как скажете.

Воцарившееся молчание первым нарушил целитель:

— Я хотел поговорить с вами наедине, миледи. Вы смогли прочесть оставленное вам послание?

— Да, я так и не поблагодарила вас, — останавливаюсь и приподнявшись на цыпочки касаюсь губами маски Чумного.

— Порой вы ставите меня в тупик, — со вздохом признает Лекарь. — И сейчас и раньше. Мне необходимо отслеживать ваше состояние, если вы уже столкнулись с проявлениями полученного дара, то понимаете о чем я.

— Понимаю. Вы можете быть моим доверенным целителем, — предлагаю я. — У Ковена есть Альбод, но я не Ковен.

— Это отличный вариант.

— Возможно, в чьих-то руках документы, подтверждающие мое участие в запретном ритуале, — делюсь я наболевшим и Чумной касается моей щеки затянутой в перчатку ладонью:

— Все обязательно будет хорошо.

От ворот крепости нам на встречу вылетает отряд бойцов под предводительством маркиза. Чумной обхватывает меня за талию и отпрыгивает в сторону, освобождая дорогу.

— Ничего себе, — выдыхаю я.

— Да уж, — Лекарь замер, и я чувствую, как часто бьется его сердце. — Больше всего меня поражают собаки, по пояс взрослому человеку.

— Мне они по грудь, — поправляю я.

— Выбор не велик миледи, либо вы не взрослая, либо... — Чумной делает паузу и со смехом уворачивается от моего подзатыльника.

— Зовите меня по имени.

— Боюсь, что не смогу ответить той же любезностью, — осторожно отвечает мужчина, а я легко пожимаю плечами:

— Кто знает, может, я назову вас сама?

— Кто знает, — эхом отзывается Чумной.

Провожая мужчину до порталной башни. Мне нет нужды держаться за его локоть и прикрывать глаза — страх перед высотой прошел совершенно. Перебросившись парой слов с Фраем, не торопясь направляюсь к лестнице. В голове пусто, думать не хочется совершенно. Тычусь по углам как слепой котенок, а ясности не вношу.

На выходе замечаю две тени, слившиеся в страстном поцелуе. Лозняк толкает служанку к стене и скользит губами по тонкой шее, удерживая ее на месте.

— Почему нет, девочка, — хриплый шепот и стон Сабии:

— Да, пусть будет да, но только сегодня.

Ускоряю шаг, стремясь оставить пару наедине. Щеки горят, дыхание сбивается, неужели не было местечка укромней?

В палисаднике зацвел кайриб. Мой букет пал жертвой неаккуратного переезда, и Атолгар обещал принести новый букет. Подхожу к скамейке, но она мокрая, дети вновь играли в водный бой. Завтра Альбод будет нарасхват, заговаривать малышам и малышкам носики. Притрагиваюсь к кусту пальцем, раз уж я здесь, так почему бы и нет?

Аккуратно обламываю веточки — огромная охапка мне нужна, а вот небольшой букетик в вазу поставлю с удовольствием. Добавляю белый, неизвестный мне цветок, несколько высоких, сочных травинок и оборачиваю плотным кожистым листом болотницы. Эта травка растет только в сухой местности, но из-за своего внешнего вида имеет такое неаппетитное название. Широкие мясистые листья с фиолетовыми прожилками превосходно завершают собранный букет.

На пути в свои покои встречаю жену Лозняка и щеки вновь опалает жаром. Сложно смотреть на женщину, чьего мужа я только что видела в весьма непристойном виде. Вежливо раскланиваюсь с ней и чудом избегаю встречи с леди Инирой.

В гостиной тихо, ищу, во что поставить букет. Смешно, не так давно вся моя комната утопала в цветах, маркиз носил мне их охапками. А сейчас я рву для себя цветы сама, и нет ни единой вазы, чтобы поставить букет. Взяв грубую глиняную чашку, в ванной комнате набираю воды. Настроение стремительно ухудшается.

До ужина остается не так много времени, служанка, в любовном угаре, вряд ли вспомнит о том, что миледи нужно помочь одеться. Выбираю простое платье, без корсета, в одиночку мне его не застегнуть. Плету косу, перевивая ее грубым шнурком, на концы которого я не так давно прицепила яркие бусины. Простые башмаки — сегодня мне хочется грустить, а что может быть лучше чем несколько вечерних часов в одиночестве, на крепостной стене?

Букет мозолит глаз. Ловлю себя на острой зависти, и Сабия и Сирилл, все при счастье и только я все спустила на псарню. Решительно беру букет и отношу в спальню — пусть стоит там.

На постели лежит плотный, белый конверт. На нем нет адреса, имени или сургучной печати. Ничего. По плечам проходит озноб — в который уже раз мои покои принимают незваных посетителей? С опаской беру его в руки, он тяжелый. Внутри не только письмо, если вообще есть.

Возвращаюсь в гостиную, переворачиваю письмо над полированной поверхностью туалетного столика. Янтарный кулон, я очень любила играть с ним в детстве, ударяется о столешницу и падает на пол. Следом скользит плотная карточка, исписанная резким почерком. Я опускаюсь на колени, дрожащими руками я первым делом хватаю кулон, надеваю на шею и прикрываю ладонями. Мама. Только после этого беру в руки записку.

Вновь и вновь ласкаю пальцами корешок «Наставлений». Под плотной обложкой скрыто куда больше тайн, чем раньше. Кулон, покоящийся на моей шее, не вызвал ни малейших вопросов. Это хорошо, что Ковен ближе к гуарам в этом вопросе — ни один мужчина Дин-Гуардира не спросит женщину, откуда у нее новые украшения. Слишком неприятным может оказаться ответ. Цвета янтаря, оправленного в серебро, глубокий, почти красный. Это знак правящей семьи Дин-Гуардира и права моли на эту подвеску весьма призрачны.

Вчера был настоящий день писем — Сабия принесла письмо из королевской крепости, Ее Величество уведомляет о том, что я вновь внесена в постоянный список гостей. А значит, каждый пятый день недели должна присутствовать в ее приемной. Будет ли это чай, игра или еще что-то, я должна там быть.

Сегодня компанию за завтраком мне составляет Лидда. Он как всегда немногословна, и с самого утра раздражена.

— Мой сын закрылся в кузнице, — женщина вертит в руках десертную вилку. — Помолвочный браслет, изготовленный для него отцом, он выбросил в море больше пяти лет назад. Он сам кует для нее украшение.

— Стоит порадоваться.

— Друид еще ни разу не ошибся, — миледи Терцис бледна.

— Вы выглядите так, словно сон вас покинул.

— Я слишком стара чтобы заботится о бастарде собственного мужа.

— Но именно этим вы и занимаетесь, — мне жаль ее.

— Не большой у меня выбор.

— Он огромен, — подскребаю с блюда остатки творога. — Отдать в деревню, нанять кормилицу. Принести мужу в спальню и оставить там — его сын, его проблемы.

— Со стороны это звучит разумно, — Лидда наклоняет голову и через силу улыбается. — Посмотрим. Тебя можно поздравить? Вернулась в фавор к королеве.

— Знать бы еще почему.

— Роберта, — спокойно отвечает миледи Терцис. — Она одна из фрейлин королевы уже больше десяти лет.

— Адеррин был коронован три года назад.

— Прихлебательница звучит не так хорошо, — смеется Лидда. — Гремучая смесь, муж и сын, сильные маги, преданные королю. Мать держит сторону королевы, они непотопляемы и уязвимы одновременно. В тебе заинтересована Роберта, или король, или отец королевы.

— Моя память вернулась полностью, — сдержанно отвечаю и отставляю чашку в сторону. Сегодня Лидда пригласила меня позавтракать на вершине одной из башен крепости. Компанию нам составляет старая, покрытая ржавчиной зрительная труба. Лидда ловит мой взгляд и печально улыбается:

— Прадед Атолгара был мечтателем, он верил, что силы Ковена хватит для полностью мирной жизни. Труба принадлежала ему, здесь он и погиб. Ему перерезала горло собственная дочь. Видя, к чему ведет его слабая политика, она убила отца и покончила с собой. Истинная преданность Ковену.

— Это больно слышать, — негромко произношу я.

— Ириса, прадеда милорда, любили все в Ковене, — Лидда встает из-за стола и подходит к зрительной трубе. — После его смерти тело его дочери похоронили в лесу, а здесь все утопало в цветах.

— Она спасла их, — подхожу к миледи Терцис, — но взамен получила лишь сырую яму в лесу.

— Сейчас на месте ее могилы статуя эльфийской работы.

— Она лишила себя жизни, оттого что любила отца или оттого что страшилась Ковена? — мне становится интересно, сколько правды в этой красивой истории.

— Видение сути вещей может быть вредно для здоровья, леди Адалберт.

Ковен не умеет распоряжаться собственными богатствами. Невероятная библиотека, в которую никто не ходит. Башня, овеянная драмой, где можно было бы заинтересовать детей картой ночного неба. Все это ветшает и безраздельно принадлежит уходящему времени.

— Эта история поросла мхом и ржавчиной, миледи Терцис, — отстраняюсь от зрительной трубы. — Я бы хотела немного поработать.

Библиотека пуста. Сирилл гуляет со своим новым другом, а я схожу с ума, в ожидании обеда. Обед, ужин, ночной сон, завтрак, обед и вечерний чай с королевой. Мне необходимо попасть в Дин-Эйрин. И только завтрашним вечером королевская крепость откроет для меня двери.

Трогаю амулет, он переполнен магией, но все еще мне не подчиняется. Ранним утром я пробовала медитировать с ним, и даже получила небольшой отклик. Но в Ковене решительно негде уединиться. Меня последовательно посетили почти все близкие знакомые, так что к завтраку я была раздражена не меньше Лидды.

Я могу попасть в Дин-Эйрин и раньше. Оставляю библиотеку в решимости найти маркиза Амлаут. Нестись сломя голову не то, что позволительно леди. Но сейчас я сгусток энергии и мне необходим милорд.

— Атолгар, — едва завидев высокую фигуру маркиза, окликаю его, старательно переводя дыхание. К моменту, как милорд подходит, я уже спокойна.

— Доброго дня, миледи. Позвольте сопроводить вас на обед?

— Это честь для меня, — учтиво склоняю голову. Вновь «миледи».

— Вы что-то хотели?

— Да, милорд. Я хочу посетить банк в Дин-Эйрине и ювелира. Возможно, мне подойдет что-то, из того что есть, — пожимаю плечами, — или сделаю заказ.

— Ради приема у королевы?

— Чтобы не уронить свое достоинство. Внучка Вортигерна не может ходить в серебре, если это не фамильное украшение, — отвечаю я, вкладывая в голос обиду и гордость. Маркиз склоняет голову.

— Мы могли бы отправить посла к эльфам, они благоволят Ковену.

Какая женщина откажется от украшений сделанных руками дивного народа. Полагаю, именно эта мысль кружится в голове милорда.

— Благодарю, но мне редко подходят работы эльфийских мастеров. Слишком воздушные и хрупкие, они нелепо смотрятся на мне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И это даже не ложь. У моей матери было три эльфийских комплекта, у меня два — мы благодарили отца, и оставляли драгоценности в сейфе. Растительный орнамент, белое золото, жемчуг и нежнейшие изумруды — изысканность на черном бархате, терялась как на

мне, так и на маме.

— Вы умеете удивлять, миледи.

— Но я не стремлюсь к этому, — магия открывает перед нами двери и маркиз подводит меня к столу. Усаживаюсь, не отказываю себе в удовольствии полюбоваться кислым лицом леди Иниры. В ответ она ласкают свой-чужой браслет.

— Вновь пропадали в библиотеке, Игрейн? — без приветствий обращается ко мне Инира.

— Да, искала сведения о предке Атолгара. Сегодня я была на Зрительной Башне.

— Это печальная история, — согласно кивает маркиз.

— Там можно проводить занятия с ребятней, пока им еще интересно звездное небо, — я небрежно отставляю в сторону бокал с вином. — Трубу легко починит кузнец, а линзы до сих пор целы.

— Легко сказать, Игрейн, — Атолгар грустно улыбается. — У нас не осталось звездных карт.

— Их можно купить.

— Но качество, — кривится Инира, вступая в диалог. — Без пометок и подсказок карты ничто.

— Все подсказки писали люди, — легко отзываюсь я. — Я изучала небо, и что-то смогу вспомнить.

— Так может быть вы, и будете учить детей? — ехидничает разозленная невниманием Атолгара Инира.

— А я бы взялась, — и сама понимаю, что сказала правду. — А вы, Инира? Не хотите поделиться с ребятами своими знаниями? Я знаю, что у вас было четыре наставника.

— Счет, письмо, литература и история, — перечисляет она и улыбается, — боюсь, я не столь всеведуща, чтобы учить других.

— А я смогу, — фыркаю я. — Буду ошибаться, но найдется тот, кто меня поправит.

Я начинаю вспоминать какого это, обедать не в одиночестве своих покоев, а в окружении людей. Далеко не всегда настроенных дружелюбно. Опыт прошлого, немного потускневший, подсказывает мне, как унижить Иниру и не подставиться самой. Всего лишь недоесть десерт, и не привлечь к этому ничьего внимания. Кроме самой противницы, разумеется. Этому трюку меня учила матушка. Дин-Эйрин породил свой собственный этикет и моду. Леди Адалберт разобралась в этом и заставила понять и принять меня. Жить по правилам эйров безумно тяжело, но иногда это становится приятным.

Атолгар не смог понять, какая муха укусила леди Иниру, что обеденную залу женщина покинула едва не дымясь от гнева. А мне стало интересно, где она проводит время. Палисадник и библиотека, капище, в этих местах мы не пересеклись ни разу.

— Леди участвует в тренировках, — негромко произносит Лидда. — Она сильный маг.

Сильная ведьма родила магически одаренного ребенка. Чтобы они ни вытворяла при дворе, а с таким багажом любой захочет сделать ее матерью своего сына. Или дочери. Не думать об этом, не думать.

— Я бы хотел лично сопроводить вас, Игрейн, — Атолгар подхватывает мою руку и прижимается губами к пальцам, обжигая кожу дыханием.

— Я не буду открыта для общения у ювелира, — улыбаюсь, отнимаю руку и приседаю в реверансе.

— С вами пойдет Лозняк.

Киваю, и принимаю руку подошедшего бойца. Дор Ан как всегда спокоен и я не могу понять, как он относится к этому поручению.

У банка есть собственная порталная вышка. Люди, пользующиеся услугами организации с названием «Единый банк» даже не задумываются, что в данном случае имя отражает суть. Банк один на два Дина, и равно обслуживает как эйров так и гуаров. Предки оставили нам инструменты для воссоединения. Не оправдывая надежд дедов, мы упрямо подчеркиваем различия, не видя общего.

В прошлом я наслаждалась каждым шагом по банковской аллее. Кареты запрещены на территории «Единоного», и люди идет пешком. Превосходная мощеная дорога, ровно остриженные цветущие кусты, величественные каштаны, трава и обилие цветов. Чьи-то детишки играют у фонтана, а маленький, разряженный в золотую парчу мальчик, стоит подле строгой гувернантки и с завистью смотрит свободных в своих действиях ребят. У мальчика хорошая осанка и правильный поворот головы, даже выражение лица подобрано ему чужими люди — по-взрослому скучающее. Вот только живые карие глаза неотрывно следят за брызгами, за разлетающимися волшебными бабочками, за игрой. Я знаю, что дома он попробует играть так же, ведь в его саду тоже есть зачарованный фонтан. Вот только это будет не то. Я знаю, я была на месте этого ребенка.

Сквозь деревья виднеются лужайки, то тут, то там расположились девушки с корзинками и пледом. Сад, разбитый вокруг банка излюбленное место для прогулок горожан.

Гулкий холл, отделанный серым мрамором и вокруг ни души. Лозняк оглядывается, но все равно пропускает момент, когда управляющий возникает рядом с нами.

— Леди Адалберт, позвольте выразить наши соболезнования, — невысокий, полноватый мужчина склоняет голову. — Банк скорбит вместе с вами.

— Благодарю, — опускаю глаза.

— Дор Ан, если не ошибаюсь? У вашего деда был вклад в нашем банке, — управляющий улыбается, но глаза остаются холодными. — Позвольте предложить вам чай.

Со стен широкого, отделанного серым мрамором коридора на нас смотрели портреты давно умерших людей. «Единый» банк, принимаю у клиентов в залог вещи, оставлял за собой право использовать их. Так, половина висевших картин еще могла вернуться к своим владельцам.

— Леди Адалберт, сюда пожалуйста, господин Ан, мы с вами подождем здесь. Как вам известно, правила нашего банка запрещают присутствие посторонних при встрече клиента и его поверенного.

Выражение лица Лозняка не изменилось. Спокойствие и равнодушие, некоторая заинтересованность в окружающем мире, и все.

Двустворчатые двери закрылись с тихим щелчком. Человек с которым работал мой отец поднялся из-за стола и обозначил поцелуй над моей рукой.

— Не будем ходить вокруг да около, финансовое положение вашей семьи серьезно подорвано. Прошу прощения, что начинаю наше знакомство вот так, но в первую очередь я работник банка и уж потом галантный кавалер.

— Тем не менее, вы могли бы представиться, — вежливо улыбаюсь.

— Иртьен Ондор. Дор Ондор, лучше просто Иртьен.

— О, я помнила что-то забавное, связанное с вашим именем дор Ондор.

Если произнести быстро и без паузы, получится дорондор, в упрощенном переводе с

языка дивного народа это «место хранения и последующего уничтожения некачественной, разлагающейся пищи».

Уязвленный мужчина натянуто улыбнулся и начал объяснять, какие ошибки сотворил лорд Адалберт и почему сейчас наше состояние почти растрчено. Он использовал сложные фразы и громоздкие слова. Поднялся из кресла, демонстрируя чрезмерную худобу и длину рук, начал активно жестикулировать. Наконец он выдохся, протер вспотевший лоб платочком и присел за свой стол. Я мало понимаю в этих вопросах, но отец постарался предусмотреть все.

— Полагаю, процедуру смена поверенного мы сможем произвести сейчас? — я не обвиняла дора Иртьена во лжи.

— К чему, миледи?

— Я так хочу, — аккуратно поправляю прическу.

— Я могу исправить весь вред, нанесенный неразумными действиями вашего отца. Вложить остатки золота в развитие серебряных приисков. Так же можно...

— Нет, я просто хочу сменить поверенного.

— Полагаю, — выражение лица дора Иртьена стало неприятным, — у вас есть некие инструкции. От отца. Не всем указаниям можно верить.

— Не думаю, что мне что-то грозит с Ковеном за спиной.

— Он не всегда там будет.

— А я не всегда буду здесь, — ласково улыбаюсь, и добиваю, — я знаю, что для меня оплачен разговор с Дин-Гуардиром. Извольте отправить запрос, когда правителю Вортигерну будет удобно поговорить с внучкой. Казалось бы, все прекрасно помнят и знают, кто я и из какой семьи вышла. Но всякий раз мне приходится людей тыкать носом в то, что моя кровь на порядок древнее почти всех обитателей Дин-Эйрина, жалкой провинции предателей.

Расторопная служанка в сером форменном платье принесла поднос с чаем и булочками. Дор Иртьен мрачно сверлил меня взглядом, после чего активировал защиту от подслушивания.

— Чего вы хотите?

— Достойного супруга, послушных детей, и чтобы мои внуки не знали войны, — не раздумывая, отвечаю я. — Или вы не в общем смысле? Я хочу знать, куда ушли средства со счета семьи Адалберт. Самый полный отчет, это отчет о передаче счета от одного хранителя к другому. Только так я смогу проследить, кто поживился на гибели моих родителей. К вам у меня претензий нет, — не дрогнув, лгу я. Отец знал, что дор Ондор предаст при первой же возможности, знал и оставил четкие, недвусмысленные указания.

— У вас не точные сведения, — театрально сводит брови пока еще мой поверенный. — Если у вас есть подозрения, я все тщательно проверю и смогу вернуть все похищенное. Но отчет, увы, он не покажет имен.

— Какая жалость, — тяну время, словно обдумываю, и жалко смотрю на Иртьена, — но, если вы сможете вернуть золото, то пусть Боги покарают воров?

— Да, миледи, я смогу вернуть все.

Отец писал о том, что смена поверенного приведет к его казни, в случае выявления махинаций, но вот деньги, деньги мне никто не вернет. Кроме самого воришки. Бесшумно распахнувшая дверь явила ту же служанку, что приносила чай:

— Леди Адалберт может пройти в комнату переговоров.

Хорошо ли мне удается удерживать маску безразличия на лице? Нет. Матушка научила меня подменять эмоции другими, приглушать их. Хочется плакать? Улыбнись, едва-едва, не так как делают другие, скрывая слезы за вульгарным, нарочитым смехом. Поэтому Атолгар считал меня безголовой идиоткой — я всегда улыбалась, и вновь поступаю так же.

Комната переговоров не изменилась. Изменились лишь обстоятельства: раньше нас перед большим, серебряным зеркалом сидело трое, сейчас на резную скамью присела я одна. Закрываю глаза, пропуская мимо ушей все предупреждения — я и так знаю, что нельзя смотреть в зеркальные глубины пока не прозвучит сигнал.

Дед не изменился. Широкоплечий воин, словно вырубленный из цельного камня. Меж нахмуренных бровей пролегли глубокие морщины — я никогда не видела правителя Вортигерна расслабленным, смеющимся.

— Здравствуй, — у него свои представления о семье. Кровная подразумевает простоту в общении, вот только у меня пересыхает в горле, когда я обращаюсь к нему на «ты». Склонится, опустит голову, спрячет глаза и шептать «повелитель Вортигерн» было бы куда проще.

— Не хворай, — он смотрит тяжело и то, что между нами огромное расстояние совсем не помогает. — Ты еще не вспомнила.

— Память вернулась, — осмеливаюсь возразить я.

— Не вся, — он усмехается. — Я не сержусь. Ты искупила свою вину. Хорошо ли твое самочувствие?

— Все так, как рассчитал отец, дедушка.

— Это радует мое сердце, — правитель Дин-Гуардира сощурил льдисто серые глаза. — Где ты живешь? Дом твой пуст.

— Ковен дал мне убежище.

— Тебе понадобилось убежище? — может ли не знать повелитель Вортигерн о смерти дочери и зятя?

— Мать и отец казнены. На площади. Перед королевской крепостью.

— Я отослал Кардоргу головы его родственников, — отмахивается от моих слов правитель. — Этим считаю оконченными наши разногласия. В течение года я заменю тебя. Ты пригодишься на родине.

— Да, дедушка.

Изображение в зеркале пропало. Правитель Дин-Гуардира не считал нужным усложнять свою речь — он никогда не прощался и не лгал. Я еще не все вспомнила?! Он простил меня? Что я могла сделать?

Улыбаюсь зашедшему за мной поверенному, принимаю его руку и делюсь выдуманными новостями из Дин-Гуардира.

— Говорят, будет свадьба, — дор Иртьен улыбается, — правитель Вортигерн желает взять молодую супругу.

— Дед желает взять молодую супругу столько, сколько я живу на свете, — смеюсь, — да все выбрать не может. Бабушка несравненна. Железная ведьма, она правила замком, а Вортигерн воевал с эльфами. Только после вмешательства Ковена был подписан мирный договор.

— Который постоянно нарушается.

— После смерти жены дед потерял ориентир, — пожимаю плечами, — это всем известно. Халлиса сдерживала тиранические замашки своего венценосного супруга.

— Раскрыт очередной заговор, — дор Иртыен вновь пытается меня удивить. Не считаю нужным отвечать. У моего отца всего двое братьев, и оба любят жизнь. На моей памяти было раскрыто четыре заговора, но мальчики не пострадали. Правитель Вортигерн сидит на троне уверенно, настолько, что может позволить себе казнить неугодных, объявив их заговорщиками. То, что провернул Кардорг с моими родителями.

— Дор Ан, приношу свои извинения за долгое ожидание, — склоняю голову на бок. — Прекрасные вести из дома.

— Экипаж ждет вас, миледи, у ворот банковской аллеи, — негромко напоминает о себе дор Иртыен. — А я надеюсь лицезреть вас на следующей неделе.

— Пошлите вестника в Амлаут, — киваю я, и выхожу в коридор. Слуга в серой ливрее с гербом банка неспешно идет впереди, указывая путь. Лозняк, как и полагается хорошему защитнику, на шаг позади меня. Глаз выхватывает те или иные картины, некогда виденные в чужих домах. Прогулявшись по закрытым, для основной массы посетителей, коридорам банка можно узнать у кого из лордов прохудился кошелек. Мне это безразлично, а вот отец всегда присматривался, записывал, и вызнал, чьи картины украшают серые стены, или из какого особняка были перевезены дорогие статуи и резная мебель.

Дорогу до ювелира я запомнила плохо — слишком много сил ушло чтобы сдержать дурноту. Насколько хорошо и спокойно я чувствую себя сидящей на попутной телеге с сеном, настолько плохо мне в карете. Боец заметил мое состояние, и едва я спустилась по ступенькам, как он отослал экипаж. Обратный путь предстояло проделать пешком, но это меня более чем устроило.

Ювелирные лавки построены по одному шаблону, чайный стол, где изнемогают от скуки мужчины, и волшебный каталог, подле которого сидят дамы. Пять лет назад лавка «дор Гарт и дор Дьел» стремительно обрела популярность — за прилавок встал внук обоих почтенных доров. Молодой Дьел был хорош собой, и престарелые дамы желали носить ожерелья исключительно его работы. Главным секретом ювелиров был простой факт — мужчина совершенно не владел семейным ремеслом. Искалеченный в морской крепости, где воины сдерживают пиратские корабли, он плохо видел и не мог удержать в ослабших пальцах инструмент. Бремя ювелира легло на молодую дору Дьел, что привело лавку к процветанию. Как об этой тайне узнал отец, я не представляю.

— Леди Адалберт, — дор Дьел целует воздух над моей ладонью. — Проходите.

Я улыбаюсь, заходя в мастерскую ювелира — нарочито мужскую, грубую, заполненную чертежами. С кипящим в тигле золотом — искусная иллюзия для тех, кто желает видеть сердце лавки. Где находится настоящая мастерская не знал даже мой отец.

На грубом сундуке сидит старик в темном камзоле и широкополой шляпе.

— Лорд Дирран.

— Леди Адалберт, — старик не считает нужным подниматься, и лишь окунает палец в кипящее золото. Искуснейшая иллюзий остается ложью — она не способна причинить вред. — Стоит ли мне высказать вам соболезнования, как это было сделано сегодня утром дором Лафром? Кажется, вы были впечатлены. Он единственный, кто осмелился. Кажется, он был влюблен в вашу мать.

— По счастью я родилась в Дин-Гуардире, — вежливо улыбаюсь я, — да и глаза у меня как у отца.

— Вас сложно смутить. Ее Величество желает видеть вас в составе своих фрейлин. Покои во дворце, балы и приемы, роскошная жизнь.

— Гуарке не место в свите королевы эйров, — спокойно отзываюсь я.

— Король расстроен, он получил грустную посылку из Дин-Гуардира, а отдариться ему нечем, — старик все так же забавляется с иллюзией. — Никогда не давала покоя эта забавная вещица.

— Почему же нечем, вот она я, — руки мерзнут, дыхание сбивается, в губы растягивает дурацкая улыбка. Неудержимо хочется смеяться.

— Справедливое замечание, мне бы не хотелось, миледи, чтобы ваша голова была отправлена воздушной почтой, — старик остро взглянул мне в глаза, — есть в этом что-то унижительное, вы не находите?

— Вы правы, милорд. Это ужасно, когда тело в одной стране, а голова в другой.

— Постарайтесь не допустить подобного конфуза, миледи. Ваших родителей похоронили вместе со всеми их органами.

Приседаю в реверансе. Я знаю повелителя Дин-Гуардира лучше, чем ты, старик. Готова поспорить, что гробы пусты, а семейный склеп напротив, пополнен. Старик остается сидеть на сундуке, окуная в иллюзорное золото уже обе ладони, а за мной заходит молодой Дьел.

— Комплект украшений в дар от лорда Диррана, — в руках дора узкий футляр, который он открывает уже привычным жестом. На черном бархате синие сапфиры, серьги и ожерелье. Новое обрамление старых камней — именно эти камни украшали маму, когда ее забрали вслед за отцом.

Общественная порталная площадка поражала своей убогостью — едва работающие маяки и сытые, лоснящиеся стражники. На нас не обратили особого внимания, записали кто и куда, и пропустили. А вот фигуристую селянку обыскали, уделив особое внимание статям. Женщине было не впервой, она только посмеивалась да едко шутила, а вот девица, жавшаяся за спиной отца, едва ли не плакала от ужаса.

Лозняк придерживает меня под локоть, и мы проходим в круг. Бляха на поясе бойца матово светится, формируется переход. На порталной площадке нас уже ожидают. Сабия старательно делает вид, что встречает меня, но глаз не отводит от Лозняка. Да и сам воин уже не удерживает на лице маску безразличия, залихватски подмигивает пунцовой служанке и покидает нас.

— Игрейн, — маркиз чуть склоняется, — время ужина прошло. Не согласитесь ли вы разделить со мной позднюю трапезу на одной из башен?

— Благодарю, милорд, это прекрасная идея.

Маркиз проводил меня до покоев и остался ждать в гостиной. Я освежилась принесенными служанкой мокрыми полотенцами, досуха вытерлась и надела чистое платье. Серое, с простой черной вышивкой.

— Милорд, я полностью готова, — руку привычно оттягивает «Наставление».

— Я поражен, — боевой маг хитро улыбнулся, не уточняя, что именно его удивило.

Маркиз для позднего ужина выбрал башню Наблюдателей, самую высокую из всех имеющихся в крепости. Мы оказались почти на самой вершине — выше только пост дежурного мага. Простой серый камень, круглый стол укрытый белой скатертью. Вокруг роятся призванные светлячки.

— Вино и фрукты, моя леди?

Идущие позади нас слуги поставили несколько корзин на пол и, поклонившись, ушли. Маркиз сам расставил на столе тонкостенные бокалы, тарелочки с фруктами и выпечкой, вазочку с густыми, холодными сливками. Разлив ароматное грушевое вино, Атолгар подал

мне бокал.

— Я боялся, что вы не вернетесь, Игрейн, — негромко произносит боец. Его светлые глаза смотрят мне в душу, и я отвожу взгляд.

— Нет ни единой причины для подобных мыслей, — лгу я.

Тишина, хрусткая, недобрая повисает над нами. Яркие огоньки светлячков сейчас лишь вызывают раздражение. Башня Наблюдателей, крохотный островок безопасности в море, охваченном штормом. Клубника в сливках, какая пошлость. Леди Инира была бы счастлива оказаться здесь.

— Я рад, — негромко произносит маркиз. — Ты всегда смотришь на эту ягоду так, словно она враг тебе.

— Дин-Гуардир славится своими незыблемыми традициями, — легко пожимаю плечами. — Если вечером в таверне ты видишь даму, восседающую с таким лакомством, ты можешь смело присесть за ее столик. Девять из десяти, что это гетера.

— Ты никогда не объясняла своих действий, — улыбается маркиз и возмутительно вкусно ест красную, спелую клубнику. Поднятая тема совершенно не смущает бойца, а у меня горят щеки. Дин-Эйрин дурно влияет на меня.

— Прописные истины, Атолгар. Вортигрэн призывает меня, — без перехода обрушиваю на него новость, но к моему разочарованию боец клубникой не давиться. Вытирая пальцы о тонкую, льняную салфетку он выжидающе смотрит и наконец, произносит:

— Мы можем противостоять этому?

— Ради чего мне оставаться в Ковене? Когда ты сможешь мне ответить, тогда и я не промолчу.

Пирожки, горячие, вкусные пирожки. Я ем эту восхитительную вкусность по пути к своим покоям. За поздним ужином я так и не поела, и сейчас в голове приятно шумело вино. Выпитое на голодный желудок, оно быстро добралось до разума, хоть и было слабым. Ничем иным я не могу объяснить, каким образом я позволила маркизу целовать себя. И почему сейчас он обнимает меня за талию и шепчет куда-то в макушку о том, как же я красива и мила.

В гостинной маркиз склоняется надо мной, крепко прижимает к себе и целует так, как целовал лишь в Дин-Гуардире. Сминает мои губы в собственническом поцелуе, не похожем ни на один из тех жалких поцелуйчиков, что я выигрывала на балах. Его губы немного горчат, я чувствую отзвук клубники и сливок, и это отрезвляет меня.

— Нам пора спать, Атолгар.

— Да, Игрейн, — он лишь крепче прижимает меня к себе, замирает и, оттолкнув меня, вылетает прочь.

Лорд Дирран прыгал козликом под звонкий смех королевы и ухмылку Его Величества. Сегодняшний вечер был посвящен играм и семье. В королевской гостиной яблоку негде упасть — лорды и леди привели своих детей, внуков и племянников. Кто-то плакал, и служанки подносили младенцам слабый сонный отвар, кто-то слишком громко смеялся и бегал, с этими разбирались маги, остужая эмоции детей. Королева сидит на своем импровизированном троне, Адеррин стоит рядом с ней и отпускает шуточки, глядя как престарелые милорды, высоко задирая тощие ноги, пляшут с детьми.

Роберта периодически промокает виски душистой водой — ей неважно от духоты, запаха детской мочи и ядерного аромата духов. Как назло все окна закрыты, и свежий ветерок не способен поспособствовать облегчению ситуации.

Привычные ко всему придворные угощаются выставленными на столах яствами, пьют вино и кормят своих капризничавших детей. Мне, как и Роберте, кусок в горло не лезет.

Вот лорд Дирран возглавляет детский хор, его куцая седая косица нелепо трясется, по лицу стекает пот. Украдкой он утирается широким платком, и вновь бросается выплясывать под одобрительным взглядом королевы.

— Не понимаю, что происходит, — отстраненно произношу я.

— Будто я понимаю, — фыркает Роберта и манит меня за собой. За портьерами скрыт уединенный альков. — Не трогай стены, они, как правило, несут на себе отпечатки чужой страсти.

На поясе Роберты внушительный мешочек, в нем трубка и кисет с табаком. Женщина закуривает, сноровисто набивая трубку. Я помню движения еще по своему отцу — быстрые, отточенные годами.

— Менестрель оказался девчонкой, — Роберта выпускает изо рта дым и довольно улыбается. — Коронер и так-то не особо умом отличался, начал заикаться. Расстегнул камзол, а там, вместо впалой мальчишеской груди задорные девичьи сиськи. Бедняжка, ей было не больше шестнадцати, девица нетронутая во всех смыслах, — миледи неприятно смеется. — Возникают вопросы, верно?

— Менестрель оказался девчонкой. Коронер начал заикаться, расстегнув камзол — вместо тощей мальчишеской груди задорные девичьи сиськи.

— И самый главный, почему королевская прихлебательница делится подобной информацией, — щурюсь, едкий табачный дым раздражает глаза.

За портьерой шорох, невнятный стоны и раздраженное:

— Неужели другого места нет?

— Любится дома нужно, — ехидно отзывается Роберта и выбивает трубку на пол. — Грязнее не станет. Все просто, дорогая моя. Сейчас мне это выгодно, и не твое дело, что за дивиденды я с тебя получу.

— Я могу поступить так, как вам не понравится.

— Главное, чтоб ты вообще хоть что-то начала делать, а то потонешь в потоке экскрементов.

— Хорошее у вас образование, миледи.

— А то ж, — хмыкает Роберта, — чай надо было бабехе деревенской лоск придать. Да-да, слухи не врут, народилась в селе сильная ведунья, там меня муж и заметил. Это после

я уж пообтаскалась по дворцам, и весь дар себе в уши залила. Знала бы, какая роскошная жизнь меня ожидает, бежала бы без оглядки сквозь крапиву. Я ведь от него, почему, не уткнула тогда? Босиком была, а впереди овраг с крапивой. Ну а после купилась на мягкую постель, вкусную еду и красивые платья. Не лупай глазами, Игрейн, я тебе не тайну открыла. Идем, пора возвращаться на праздник семьи и счастья, чтоб им всем пропасть.

Придворные жмутся к стенам — в центре зала Их Величеств развлекают артисты. Безвкусица возведенная в абсолют.

— Любима труппа короля, только они имеют право выступать в Дин-Эйрине, — негромко произносит Роберта и меня окатывает жаром. Свист рассекаемого воздуха, глухой удар, я вернулась в тот день. Солнечный день, когда король явил мне свою милость — оставил жить.

Беру со стола яблоко, предвкушая кислотоватый привкус во рту. Роберта что-то маловразумительно шипит, поворачиваюсь к ней. Представленные кушанья не вызывают аппетита — по такой жаре немудрено отравиться каким-нибудь особенным деликатесом.

— Старик совсем из ума выжил, какие колена выписывает, — хмыкает Роберта.

— От короля и королевы зависит его благосостояние, — повторяю набившую оскомину шутку и кладу фрукт назад. Без него кисло.

— Зря ты так думаешь, род Дирран поправил свое положение еще пять лет назад. Это уже Ее Величество принялась задаривать родственников, едва представилась такая возможность. Нищими они к тому моменту уже не были.

В дальнем, от нас, углу зала раздался горький, полный ужаса крик. Мы стояли лицом к королеве и я с содроганием отметила почти счастливую, безумную улыбку Ее Величества. Он отсалютовала кубком залу и начала нараспев декламировать:

— Моя девочка лежит в сырой земле, холодной, — отпивает глоток вина, — моя девочка больше не будет петь, — еще глоток, — маленькая, невинная овечка разорвана стаей волков, — королева допивает свое вино и отбрасывает кубок на пол. — Вы убили мою девочку, поднесли менестрелю отравы, так угощу же вас ядом и я!

Ее Величество хохочет, откинувшись на спинку золоченого кресла, я вижу уже шестерых агонизирующих людей.

— Моя девочка, за что?! — этот дикий крик принадлежит кому-то из мелких дворян. Обезумевшая от горя мать бросается к королеве но ей не суждено пересечь невидимый рубеж — тяжелая стрела срезает леди.

Под королевский смех в залу вбегают люди — лекари, слуги, где-то мелькает шляпа Чумного, Роберта цепко держит меня за руку. Король по-прежнему стоит возле своей обезумевшей жены, рассматривает ее со смесью презрения и жалости. Но венценосной все равно, она обнимает себя за плечи, раскачивается, вновь и вновь обещая дочери защитить ее.

Лорд Дирран хватает дочь за руки, хлещет по щекам, но королева продолжает раскачиваться, бормотать стишки и смеется. Она не плачет, ее глаза абсолютно сухи — она вернулась в то время, когда Тиану только родилась. Два целителя, в сопровождении королевской стражи выводят Ее Величество из зала, она рвется, кричит, падает на пол, на то самое место, где лежал мертвый менестрель. Воеет, скребет пальцами холодный камень и замирает, погрузившись глубоко внутрь себя.

Рядом со мной сдавленно стонет Роберта, поднимая руку к горлу. Впиваюсь в нее взглядом, неужели и ей достался королевский яд?! Леди задумчиво трет себя по шее, дышит в ладошку, приплюхивается к собственному дыханию:

— Да, а мясо-то тухленькое было.

— Ответ! Я требую, ответа от тебя, король! — рядом с мертвым телом потерявшей ребенка матери падает на колени мужчина. Его трясет, он не может смотреть в лицо жене — издевательски розовое оперение стрелы торчит из левого глаза несчастной. — Почему мертва моя дочь?! Почему убита жена?! Это королевское гостеприимство?! Кто еще прибудет в гости, на чашку яда?!

Вопросы лорда остаются без ответа, в его глазнице расцветает парная стрела, и он падает на тело жены. В зал врывается несколько отрядов, споро ухватывают придворных и выводят их, разделяя на группы.

— Стой смирно, не беги, не ори, не суетись, — цедит Роберта сквозь зубы. — Сейчас слишком многое им может сойти с рук.

И я стою, тяну подбородок, выпрямляю спину, стискиваю кулаки, дышу на счет. Но глаза все равно выхватывают крошечный ужас — дети, совсем крохотные малыши, наевшиеся со взрослого стола, стали жертвами чудовищной мести безумной королевы.

Роберта цепко удерживает меня за запястье, всхлипывает и то и дело жметя к моему плечу. Стражники отводят глаза, никто не желает смотреть, как миледи теряет самообладание. Неудивительно, что нас оставляют вместе.

— Темница королевской крепости переполнена, — едко хмыкает Роберта, стирая слезы. — Садись.

Темница, как изящно обозвала эту комнату миледи, давит. Темные стены, солома на полу, единственная скамья. Тяжелый запах сырости и плесени. Мы сидим тесно прижавшись друг к другу, и я слышу, как заполошно бьется сердце Роберты. Миледи выше меня и я укладываю голову ей на плечо, она сжимает мою ладонь. Проклятые духи, как же страшно.

— Они не могут казнить весь двор, — кого убеждает Роберта, себя или меня?

— Король может все, — я думаю о правителе Дин-Гуардира. Как бы поступил дед в этой ситуации? Зная ответ, я все больше страшусь предстоящего.

Шум в коридоре то нарастает, то стихает.

— Они идут по камерам, — шепчет Роберта, ее губы белеют.

— Это логично, — я встряхиваюсь, встаю. — Чтобы они не затеяли, мы это переживем.

Роберта усмехается, расправляет платье и остается сидеть. С искренним раздражением осматривает подол своего платья — налипшие соломинки не радуют взгляд леди. За считанные мгновения, пока к двери нашей темницы подходит таинственная процессия Роберта превращается в утомленную, скучающую придворную даму. Ее не трогает ни вид, ни запах темницы. Даже холод терзавший нас отступил.

Дверь распаивается без шума и лязга, первыми входят двое бойцов, они держат нас на прицеле арбалетов. Роберта смеется, да и я улыбки не сдерживаю. Но смутить никого не удастся, разойдясь в сторону бойцы продолжают удерживать нас на линии выстрела.

— Так даже короля не защищают, — томно произносит Роберта и облизывается. Верная жена и почтенная мать семейства выглядит непристойно. В моем понимании так могут вести себя исключительно падшие женщины.

— А что его защищать, он в своих покоях, — скрипучий голос предвещает появление своего хозяина. Лорд Дирран явился не один. Позади него высокая, закутанная в черное фигура.

— Доброго дня, милорд, — приседаю в классически правильно реверансе. Роберта только склоняет набок голову и молчит.

— Уж давно вечер, — светски улыбается старик. — На порталной башне вас ожидает маркиз Амлаут, с ним основной кулак Ковена.

— Приятная новость.

— Возможно, — уклончиво отвечает Дирран. — Возможно, вы были отравлены королевой.

— Я устала, милорд, даже бояться сил не осталось.

— Особым образом сформулированная клятва не даст нам с тобой и рта раскрыть, — отмирает Роберта. Лорд Дирран соглашается, и фигура выходит чуть вперед.

— Вы будете повторять следом за мной, — голос колдуна тих.

И мы повторяем, каждую фразу и каждую клятву — мне кажется, что выхода нет. Проклятые духи, они предусмотрели абсолютно все. Писать, говорить, на родном и иностранном языках, открывать свое сознание мастеру снов и воспоминаний — мы не можем ничего.

Когда нас покидают, я без сил опускаюсь на солому. Роберта притягивает меня к себе на колени.

— К чему это все? — голос ломается, хрипит. Роберта вздыхает и гладит меня по волосам:

— В Дин-Эйрине не все гладко. Король выбивается из сил, но править у него не выходит. Не этому его учили. Даже после коронации не утихли слухи, что именно он расчистил себе путь к трону. Новое Противостояние будет, но будет оно лишь в пределах этого Дина.

— Гражданская война, — эхом откликаюсь я, — сын против отца. Это было и у нас, сорок лет назад.

— Я родилась в год коронации Вортигерна, — Роберта усмехается. — Твой дед был готов к войне, он развязал ее, он же и остановил. Месяц беспорядков не назвать войной.

— Ты даже не знаешь сколько были казнены, — качаю головой. Остались документы, безликие цифры и короткие строчки приговоров. Я читала их, в старом архиве. Даже удивительно, как эти бумаги оказались в свободном доступе.

— Знаешь, как говорят? Еще нарожают.

Двери вновь отворяются, и вновь первыми входят бойцы. Только уже другие — маркиз в сопровождении другого лорда, невысокого, коренастого мужчины. Роберта глухо вскрикивает, но я уже не вижу, что происходит — Атолгар подхватывает меня с пола и прижимает к себе. Зарываюсь лицом в его камзол, крепко-крепко обхватываю руками и понимаю, что не способна отказаться от этого мужчины. От всего, что он может мне предложить.

— Что здесь произошло? Берта, что?

— Она не может ответить, — хрипло выдавливаю я.

Несколько фраз будто прорывают плотину: я чувствую, как намокают мои щеки. Слезы текут ручьем, я лишь сильнее, плотнее прижимаюсь к Атти. Он зарывается пальцами в мои волосы, разрушая остатки прически, выплетая ленты и бусы, отбрасывая их в сторону. Отрывает меня от себя, обхватывает мое лицо руками и целует. Целует мои щеки, губы, лоб. Я поднимаюсь на носочки, прижимаюсь ртом к его губам. От поцелуя что-то тает в груди, становится легче и улыбаюсь прямо в поцелуй. Атти смеется, шепчет, что я слишком сильно его напугала, что он больше никуда меня не отпустит, что положит к подолу моего платья весь мир.

— Видят Боги, милорд, нам сейчас молоко с печеньем куда нужнее чем мир, — сварливо произносит Роберта и я краснею, отрываясь от сильного и надежного мага. — Игрейн, не следует так опрометчиво отдаваться мужчине.

— Миледи! Это поцелуй, а не что-то иное, — вспыхиваю я.

— Когда ты отдашь ему свое «что-то иное» будет поздно, — отрезает Роберта. — Кто присматривает за тобой в Ковене? Как зовут твою дуэнью?

— Роберта, — улыбаясь, негромко произносит незнакомый мужчина.

— Помолчи, дорогой. Так что?

— Дуэнью леди Адалберт зовут Роберта Лайсса, миледи Лайсса, — хохочет боец и добавляет, — милорд Адалберт согласился взять на себя обязательства по сохранению твоей жизни, Берта.

— Подробности? — живо интересуется миледи и мне приходится вмешаться:

— Может, мы уйдем отсюда?

— Надо подождать, — Атолгар обнимает меня и прижимает к себе. Прячусь под его рукой, не обращая внимания на гневный взгляд Роберты.

— Маркиз, вы намерены предложить леди Адалберт свой браслет?

— Роберта!

— Помолчи, Игрейн, — властно произносит миледи Лайсса. — И отойди ты от этого развратника, ради всех Богов!

— Можно идти, — в темницу заглянул Квинт. — О, прекрасная Роберта, кого же ты столь грозно прожигашь взглядом? Здравствуй, Ройн, — Терцис пожал руку мужчине и подмигнул мне.

— И ты не хворай, бесстыдник, — Роберта с прищуром посмотрела на Терциса, — потекаешь небось другу своему? А миледи потом что, замуж в красном платье?

Я вздрогнула, большего позора и представить сложно.

— Давайте уже пойдем? — взмолилась я, и мы наконец покинули темницу. Под злым взглядом Роберты Атолгар подхватил меня на руки и понес. Я закрыла глаза и спрятала лицо у него на груди. Вдыхая горьковатый запах дыма, мяты и табака я медленно уплывала в сон.

Меня разбудил громкий стук. Посреди моей спальни стояла Роберта, она как раз поднимала с пола небольшую скамеечку.

— Доброе утро, милая. Маркиз запретил тебя будить, но я случайно уронила эту чудную вещицу.

— Которую вы принесли с собой, миледи? — хриловато спрашиваю я, и Роберта кивает. Царственно развернувшись, она выходит, бросив через плечо:

— Поднимайтесь, миледи, я жду вас в гостиной.

С четким ощущением, что моя жизнь меняется, выхожу в гостиную. Там на всех поверхностях развешены мои платья, среди которых прогуливается Роберта.

— Что вы замерли, миледи, извольте принять активное участие в утренней гигиене.

Никогда еще я так быстро не умывалась. Любопытство подстегивало не хуже кнута — что задумала миледи Лайсса? Платьев не жаль, за исключением двух, но, увы, их я надевала уже больше трех раз, и ближайшее время носить было бы неприлично.

— Я так понимаю, это твои любимые наряды? Подол истрепан, заношены едва ли не до дыр, — слегка преувеличивает Роберта. — Ты беспомощна, Игрейн. Не женщина, а что-то библиотечно-научное.

— Что за глупости?

— Служанка помогает леди одеться, а не выбирает для своей хозяйки платья. Ты носишь то, что носила бы твоя служанка, будь у нее деньги. И это бросается в глаза.

Стук в дверь, Роберта хищно улыбается и открывает — в коридоре стоит портной, опухший и недовольный.

— Стоять и слушать, — миледи Лайсса не собирается вступать в полемику со слугами, к числу коих она причисляет и портного.

— По образу и подобию этих платьев сделаешь гардероб для леди Адалберт. Все на островной манер, темные, насыщенные цвета. Шесть светлых платьев традиционно кроя — для участия в обрядах. Мерки остались?

— Да, миледи.

— Превосходно, к завтрашнему утру ты должен перелицевать одно из старых платьев — миледи нечего носить. Если ты способен изменить оставшийся гардероб, — Роберта величественно обводит рукой беспорядок, — значит пришли слуг и заberi. Нет — я спалю все это во дворе, а тебя отправлю в Дин-Эйрин.

— Я из Дин-Гуардира, — несмело поправляет миледи портной.

— Так в чем же тогда наказание, если я отправлю тебя домой? — ехидно усмехается Роберта и поворачивается ко мне. — Игрейн, ты поражаешь меня.

— Роберта, что случилось? Кто разозлил тебя? — не выдерживаю я.

— Девочка, ты хоть раз обращала внимание на то, как ведет себя твоя мать? Со слугами, с друзьями и неприятелями? Что же ты творишь? Твоя служанка любит тебя, оттого большинства возможных проблем ты избежала. Но это чудо, что эта деревенская девчушка оказалась настолько порядочной. Ты ночами не появляешься в своей комнате, ночами же уходишь с женатыми мужчинами, остаешься наедине с маркизом, что ты делаешь?

— Я ничего плохого не делаю, — скидываю руку. Так, как произносит это Лайсса, это выглядит недостойно.

— Может быть, но почему я должна тебе верить? Я женщина, змея, я хочу сплетен и чем они горячее, тем лучше, — миледи серьезно смотрит на меня. — Вы знаете, прошлой ночью милорд Терцис заглядывал в покои девы Игрейн. Ненадолго, вот только она дева бежала потом за ним, укутавшись лишь в шаль и нижнее платье. Я правду говорю?

— Да, но...

— Не «но». Этой правды достаточно, чтобы никогда не выйти замуж. Мечтаешь о карьере придворной дамы, из тех, что за портьерой дарят крохи любви кавалерам?

— Я поняла, — опускаю голову.

— Что за красотка носится по крепости с браслетом Амлаут?

— Леди Инира.

— Я не про имя спрашиваю, — фыркает Роберта, — будто я могу не знать королевскую фаворитку. Кто она здесь?

— Ее сын будущий маг, возможно, он станет частью Ковена.

— А возможно, и нет. Прекрасно, служанка, помоги своей госпоже одеться.

— Теперь, я надеваю то, что хотела бы носить ты?

— В точку, — усмехается Роберта.

Тугой корсет, темная ткань струится до пола, мои любимые туфли безжалостно высмеяны за слишком широкий нос.

— Поветки всегда были той обувью, что видят лишь мужья и любовники на своих женщинах. Но и башмаки не то, что пристало носить незамужней леди. Посмотри, как

изящно смотрится тонкий носик туфельки выглядывающий из-под подола. Или твои башмаки, чуть ли не квадратные и явно мужского фасона. Ты можешь их надевать, когда идешь на природу, на капище — туда, где придется много ходить.

— Нельзя скрывать такую шею, — продолжает Роберта, и Сабия помогает ей собрать мои волосы в высокую прическу, имитирующую замужний узел. Служанка смотрит на меня сияющими глазами, и подает моей мучительнице ларец с косметикой.

— Ты молода и красива, Игрейн, все что нужно лишь оттенить глаза, никакой помады или, упаси Боги, румян. Духи тебе тоже не нужны — достаточно запаха чистого тела и притираний для волос. Не стоит вонять на всю крепость подобно парфюмерной лавке. Вот и все, мы готовы идти на завтрак.

— Наверное, ты права, — я смотрю на себя в зеркало и сдерживаю слезы. Будто мама жива — я никогда не придавала значения одежде и моим гардеробом заведовала леди Адалберт. Служанок для меня тоже подбирала она.

— За исключением нескольких эпизодов, я всегда права. Ты выглядела чисто и свежо, единственная из всей королевской своры, — Роберта мизинцем убирает повисшую на моих ресницах слезу. — И теперь я знаю, чья это была заслуга.

Мы не произвели за завтраком фурора — мужчины, как правило, редко обращают внимания не мелкие изменения в женском облике.

— Ясного утра, леди Лайсса, леди Адалберт, — Инира улыбается, приветствуя нас первой, так, будто она хозяйка крепости ожидающая своих подруг на завтраке. Роберта едко хмыкает:

— И вам не хворать, миледи Звездочка, — от этого приветствия Инира поменялась в лице. Лидда Терцис едко хмыкает и с уважением смотрит на Роберту. Леди Лайсса непринужденно усаживается на мое место, и указывает на стул подле себя:

— Не годится юной, невинной деве сидеть рядом с холостым мужчиной. Не дергайтесь, леди Звездочка, вас это точно не может скомпрометировать. Где же гуляет милорд Амлаут? Отчего мы все томимся голодом в ожидании маркиза?

— Прошу прощения, — Атолгар входит в обеденный зал как раз вовремя речи Роберты. — Я всего лишь зашел за Игрейн, но ее в покоях не оказалось.

— Не стоит утруждаться, милорд, леди Адалберт теперь моя забота, — сладко улыбается леди Лайсса. Все происходящее доставляет ей чистой удовольствие. — Прекрасный браслет, Инира, отличный выбор, маркиз. Вы уже прошли представление Богам? Друид одобрил ваш предстоящий брак? Отчего вы хмуритесь, милорд? Мне, знаете ли, еще свою подопечную замуж выдавать, а чужая свадьба отличное место для знакомств.

— Роберта, кому как не вам знать...

— Не желаю знать, милорд, — жестко отрезает миледи. — Желаю видеть, и озвучивать то, что вижу. Ковен сводит меня с ума — вы держите нейтралитет не только по отношению к двум Динам, вы еще и правила хорошего тона игнорируете. Вот только не всем и дальше жить здесь.

Роберта олицетворение движущей силы мира — она деятельна, упряма и уверенна в себе. За ее спиной супруг и взрослые сыновья, она чувствует себя дома в любом уголке нашего безумного полуострова. Здесь, в Ковене, она всюду и я словно привязанная иду следом. Вру. Пытаюсь от нее скрыться, но каждый раз возвращаюсь, потому что моя жизнь до нее была похожа на затяжной сон.

Роберта показала, как живет Ковен — что происходит на дымной кухне, где творится кулинарное колдовство, о чем можно поболтать с Лиддой и не наткнуться на шипы. Как повеселится на псарне и куда послать молодых бойцов, чтобы и весело и не обидно.

Я уставала от нее, я пряталась, скрывалась за «Наставлениями», изученными вдоль и поперек. Я знаю все перипетии ритуала, знаю, что он прошел успешно и не было ошибок. Отец просто не сказал своим помощникам всего. Каждый знал лишь свой кусок и судил по нему. Вестник для Чумного улетел еще сегодня утром, и вскорости Лекарь посетит меня. А сегодня днем, после обеда, я вновь прячусь от своей добровольной дуэньи. Зарывшись в душистое сено, над денником больной лошади, я бездумно переворачиваю листы, любуюсь почерком отца.

Вортигерн хочет видеть меня в Дин-Гуардире, совершенно дикое желание, учитывая ритуал. Для меня больше нет хода на ту часть полуострова. Но дед настойчив, он посылает мне сны, в которых я гуляю по родовому поместью, люблюсь наколдованными райскими птицами. Привезенными из-за Барьера, и просто наслаждаюсь жизнью. Это не пугает, правитель не прольет родной крови без весомой причины.

Дед жесток, иногда немислимо, иногда в пределах закона, но он умен. Ни одну казнь нельзя назвать бессмысленной, ни один его поступок нельзя назвать таковым. Все его действия приносят выгоду, выгоду для него лично и Дин-Гуардира. Я слышала, что эльфийские изгнанники попросили убежище в землях Вортигерна и получили лучшие, плодороднейшие земельные наделы.

— Я знал, что найду тебя здесь, — спокойно произносит Лозняк и я удивленно оглядываюсь, где он? Здесь, наверху только сено, но голос идет снизу. Едва касаясь пальцами, отодвигаю сено в сторону и сквозь щель в досках вижу спину бойца, я смотрю на него сверху.

— Где мне еще быть, супруг мой? Приболела Искорка, а у меня дар, — голос доры Ан мертвенно спокоен. Занятая своими мыслями я не услышала, как она прошла в денник.

— Супруг твой? Уже не возлюбленный?

— Да ведь и ты остыл ко мне, — спокойно отзывается женщина.

— Не настолько, дорогая, чтобы предавать, — я не вижу лиц. Спина Лозняка напряжена, голос сух. О чем он? Если хочет укорить жену в измене, то он крайне не прав — сам обжимается с Сабией по всем углам. Примерно это же высказывает ему и дора Ан.

— Ты знаешь, что вся крепость окутана заклинаниями? В том числе и теми, что отслеживают вестников? Конечно, знаешь, — Лозняк покачивается с носка на пятку. — Ты ведь моя жена. Только ты не знала обо всей крепости, шесть лет назад я сказал тебе, что сил нам хватило только на господский дом, вот ты и пришла поболтать сюда, в конюшню. Это никого не удивило, что ты много времени здесь проводишь. У тебя дар и неверный супруг, а конюший юн и красив. Верно?

— О чем ты?

— Сколько тебе заплатили? Что ты конкретно ты рассказывала и кому? Восемь раз ты общалась через вестника здесь, в конюшне.

— Это не я, быть может, эта ваша гуарка! Почему ты готов обвинять лишь меня?! Эта ведьма тебе глаза застит?!

— Да, можно было бы так решить. Но дважды вестник был отослан. Увы, гуары сильно извратили магию, вестник леди Адалберт в вязи заклинаний выглядит совершенно иначе.

— Она могла подделать его!

— Зачем? Зачем ей подделывать вестника, если гуары в принципе не отслеживают их? Если она не знает наших тайн?

Отслеживаем, Лозняк, и куда как лучше, чем ты думаешь. И те два раза вестника с конюшни посылала я, общалась с родными. Сидя здесь, в углу, окутанная приятным ароматом свежего сена, с солнечными лучами и танцующими пылинками, я болтала с братьями, вспоминала детские проказы. Ничего опасного. Ничего, что могло бы повредить Ковену. Просто мне хотелось немного тайны, немного личного. Мне хотелось всего того, что так сложно получить в Ковене.

— Я хочу, чтобы мой сын жил! Свободным! Счастливым! Грядет война, — она сломалась. — Твой сюзерен не сможет защитить нас!

— Дура, — в отчаянии стонет Лозняк. — Какая же ты дура, жена моя. Имя.

— Я не знаю. Я, правда, не знаю! Не смотри на меня так! — она всхлипнула. — В ту ночь я была в Дин-Эйрине, ты привел в дом эту девку, а я не могла, не могла это выслушивать! Я сидела в трактире, пила чай, Квинт должен был забрать меня утром, у него были дела. Ко мне подсел мужчина, довольно приятной внешности. Мы были близки, наступило утро, он убрал все следы нашей страсти, с шеи, с губ. И я забыла о нем. Было и было. Стало легче, немного.

— Изумительно, — цедит боец. — Дальше?

— Потом он начал присылать вестников, мы общались и однажды, я рассказал ему как мне страшно. Это было сразу после окончания Противостояния. И он сказал, что есть способ обезопасить моего сына.

— Нашего сына.

— Моего, я выносила его, родила, я люблю его и хочу, чтобы он жил. Ты же делаешь из него боевика, мясо, — она успокоилась и говорила тихо, уверено. — Убьешь меня?

— Не знаю, — он запускает пятерню в волосы. — Проклятые духи, женщина, ты хоть понимаешь, как ты подставила и меня и своего сына?! Ты не чужая Ковену, вся твоя семья, предки, уже две сотни лет под рукой Амлаута. Что же ты натворила? Как он обещал спасти его?

— В нужный момент артефакт покажет моего сына как одного из тех, кто придет его убивать. Его не тронут. Мне обещали.

В самое сердце колет тупая игла. Противостояние. Я ведь была на ее месте. Но ее причина куда как достойней. Мать защищает своих детей как может.

— Пойдем домой, женщина, теперь ты не покинешь его стен.

— Я хочу сходить на капище.

— Потом. И поверь, этот проступок не замолить перед лицом Богов.

Лозняк шагнул вперед и взял жену за руку, я приникла лицом к щели — дора Ан шла следом за своим супругом низко опустив голову. Она лишилась надежды, ничего не получив

взамен своего предательства.

Выжидая время, не желая столкнуться с семьей Ан, я удобнее устроилась в сене. Как странно все складывается, будто нас всех стравливают. В Дин-Гуардире тоже что-то происходит, но сюда долетают лишь слабые отголоски новых реформ Вортигерна.

Спустившись, отряхиваю подол юбки, вытаскиваю травинки из волос — Роберта очень проникательна и может по налипшему на подоле мусору вычислить, где и с кем я была.

Прижимаю к животу «Наставления» и выхожу с конюшни. Удерживаюсь от желания оглядеться, мне нечего скрывать, а, значит, и осматриваться, в поисках соглядатая тоже незачем.

— Я устала тебя искать, Игрейн, — голос Роберты звучит слишком громко, и я подпрыгиваю. Но рядом никого нет. Не сразу понимаю, что у моей руки висит призрачный вестник.

— Проклятые духи, Роберта, ты почти отправила меня на тот свет.

— Ты молода, у тебя крепкое тело и надежное сердце, — смеется миледи Лайсса. — Иди в палисадник, я разогнала оттуда детишек, он полностью в нашем распоряжении.

Роберта удивительно вписалась в жизнь Ковена — трех дней не прошло с момента как она здесь, а уже многое взяла в свои узловатые пальцы. Для Иниры совместные трапезы стали пыткой, для меня тоже — казалось запах Роберты происходит из моих чувств к Атолгару. Только Лидда смогла меня немного успокоить, напомнив о том, что эти змеи вращались в одном кругу и вполне могли иметь свои собственные причины не любить друг друга.

— Все ковенцы — бесчестные ублюдки? — пару дней назад я задала этот вопрос Роберте. И та расхохоталась:

— Конечно, Игрейн. Это официальное мнение придворных Кардорга. Хочешь быть модной, ругай Ковен. Только молодые сикалки путают мнение личное с мнением королевским. Не бери в голову.

Воспоминания продолжали приходить. Мелкие, незначительные, они сбивали с толку и провоцировали слезы. Теперь я знаю, что мама любила яблочный пирог с корицей. И что папа именно этим пирогом заманил ее замуж. Сам научился печь, испортив четыре заготовки. Проклятые духи. Закидываю голову, чтобы негодные слезы затекли обратно. Постояв, продолжаю путь.

Песчаные дорожки палисадника поскрипывали под моими туфельками. Невысокая кованая ограда блестела от капелек воды — перед тем как быть изгнанными, дети успели полить растения. На самом деле, палисадник скорее большая оранжерея, накрытая магическим куполом. Я не сразу это поняла, но полные восхищения реплики Роберты открыли мне глаза.

— Кто из нас старуха, Игрейн? Ты как будто не хочешь со мной общаться, — миледи Лайсса сидит на скамье, подле нее переносной столик. Медный чайник исходит паром, блюдо с порезанными фруктами — с появлением Роберты из моего меню пропали булочки. С появлением Роберты вообще многое пропало.

— Что ты, Роберта, разве у меня есть для этого хоть одна причина?

— Я назову их с десяток, и в числе первых будет маркиз, — фыркает миледи Лайсса и неуловимо ведет носом. — Что ты забыла на конюшне?

— Сено, свежее и уютное, читала, — показываю «Наставления».

— Надеюсь, когда-нибудь я пойму, отчего эта сомнительная книга так дорога тебе. Как

ты планируешь забирать браслет?

— Роберта, именно поэтому я сегодня читала, спрятавшись в сене, — пытаюсь найти у миледи совесть.

— Тебе там лучше думается? Проводи и меня туда, вдруг поможет. Игрейн, все очень просто, либо ты становишься маркизой Амлаут, либо в ближайшее время выходишь замуж за другого. Того другого, которого подберу тебе я. Скажу прямо, кандидатура Атолгара лично мне подходящей не кажется. Боевой маг, глава Ковена, ненавидимого двумя Динами. Сплоченный и слаженный дамский коллектив, от которого у меня мурашки бегут.

— У них тоже. При чем здесь коллектив? И Ковен?

— Любовь, моя дорогая, она по ночам и в спальне, иногда за гобеленом или в кустах, тут уж как повезет. Днем ты будешь видеть мужа на обеде и завтраке, и это в мирное время, которого в Ковене не так много. А значит твои ближайшие друзья это жены и дочери его бойцов. Женщины, которые полагают его собственностью, такова уж наша природа. И ты никогда не будешь им нравиться полностью. Не оттого что плоха.

— Ты не делаешь меня счастливой, — грустно улыбаюсь. Мне не справится даже с Лиддой, которая стала относиться ко мне чуть лучше. Других я не знаю даже по именам, и боюсь, повстречав, не узнать.

— Счастливой ты можешь стать только самостоятельно. Поверь, получи ты своего маркиза по договору с отцом, ох, как бы ты его возненавидела. И проясни, что там за сопли в сахаре с любовной неделей?

— Я сама плохо знаю, но невеста Атолгара покончила с собой в храме, после того как принесла все клятвы.

— Значит, с собой покончила не леди Дирран, а новоиспеченная маркиза Амлаут? В таких вопросах консуммация брака роли не играет. Королева становится королевой, произнеся брачные клятвы, а уж когда там ее супруг посетит брачное ложе дело десятое.

— Какая разница?

— Не забивай себе голову, милая, тетушка Роберта в этом вопросе разберется самостоятельно и с некоторыми дивидендами.

— Тебя послушать, так ты на мне состояние сделаешь.

— Глупо брать деньги, — Роберта изящно отпивает темный чай. — Запомни, дорогая, самое лучшее это обещания. Отдай мне то, что я попрошу у тебя в будущем. Давай людям в долг, Игрейн и не забывай брать расписки.

— Рядом с тобой пропадают краски мира, Роберта. А у солнечных лучей появляется ценник.

— И этот ценник — дурной цвет твоей нежной кожи. Ты слишком простая и сложная одновременно, полагаю, именно это вскружило голову маркизу. Но для дальнейшей жизни тебе нужно меняться, Игрейн. И первым делом обозначить свою личную цель. Не ерунду, вроде мир во всем мире, или искоренить зло. Что-то настоящее — родить троих сыновей и красавицу дочь. Написать свою книгу заклинаний. Изобрести зелье от веснушек — это помогло бы тебе завоевать мир. Сражаясь с облаками, не забывай о себе, дора Тохик.

— О, спасибо. Вы называли меня именем ведьмы сражавшейся против собственной магии, — это действительно обидно.

— Обращайся. Ты не знаешь, какие травы они кладут в чай? Изумительный вкус, просто невозможно оторваться!

— Крысиный яд подсыпают, — огрызаюсь я.

— Фу, — Роберта манерничает, и подмигивает мне. Через мгновение и я слышу легкие шаги. Кто-то приближается к нам.

Лидда и Сирилл чинно вышагивают по песчаной дорожке, леди библиотекарь щебечет что-то о цветах, Терцис размеренно кивает. Им не комфортно в обществе друг друга, иначе почему они так сильно нам обрадовались?

— Доброго дня, миледи Лайсса, леди Адалберт, — Лидда здоровается первой, задавая тон приветствия. Смущенная Сирилл так же чопорно здоровается и бросает на меня опасливый взгляд. Улыбаюсь, в тишине библиотеки дева чувствует себя куда уверенней.

— Прогуливаетесь? Это важно, двум змеям без подготовки в одном доме неуютно будет, — Роберта улыбается, Лидда едва заметно подкатывает глаза. С их точки зрения Сирилл приобретение бесполезное, но с Герардом никто не спорит. Хотя бы потому, что очереди из невест у дома Терцисов не стоит.

Я встаю, и отхожу немного в сторону, словно любуясь цветущей сиренью. Сирилл пристраивается рядом, держась так, чтобы между ней и сидящими леди находилась я.

Старшие дамы завели степенный разговор, где вежливая обертка фраз прикрывала целые пригоршни ядовитых слов. Обе получали от этого несказанное удовольствие.

— Она настоящий монстр, — стреляю глазами в сторону Роберты, которая слышит каждое мое слово. Она только едко улыбается и что-то говорит Лидде, отчего обе смеются.

— Но ты слушаешь ее лишь потому, что уважаешь, хотела бы — взбрыкнула. Миледи Лайсса подзащитная Ковена.

— Миледи Терцис мать твоего будущего мужа, — киваю. — Здесь сложнее.

Сирилл бросает на меня отчаянный взгляд, но молчит. Может, знает об исключительном слухе Роберты, или просто не может высказать наболевшее вслух. Это тяжело, выйти из серой пустоты и безопасности библиотеки под безжалостное солнце. Будучи одинокой и уверенной в своем комфорте оказаться на пути сразу нескольких дам, уверенных что точно знают, как именно тебе должно быть хорошо.

— Помни о том, что ты никому ничего не должна, — легко пожимаю плечами. Что может быть проще, принести клятвы и вместе с мужем уйти искать другую жизнь? Сирилл смотрит на меня так, будто я ей открыла новый мир. Несмело улыбается и сжимает ледяными пальчиками мою ладонь.

— Игрейн, отвлекись, будь добра, — зовет меня миледи Терцис. Юбка едва слышно шуршит по песку, миледи Лайсса морщится, этот звук раздражает ее чувствительные уши. Останавливаюсь и будто случайно подкручиваю бедром, чтобы подол прошелестел по песку еще раз.

— Лидда?

— Сегодня в небо взойдет полная луна, ты хотела это знать. Надеюсь, нам не нужно закрывать твои покои на серебряный засов?

— Нет, просто хочу позвать предков, — улыбаюсь.

— Мы вас обсудили, вы нас тоже, пора навестить твои покои Игрейн — к ужину следует освежиться, — Роберта манерно взмахивает ладонью и все пять перстней на ее руке бликуют в солнечных лучах.

На ужин нас собралось немного, Роберта и Лидда, Сирилл, Инира и я. Из мужчин никого не было, но начинать трапезу дамы не спешили. Обменивались дневными новостями, Лидда шипела на Сирилл, та не посчитала нужным сменить наряд к ужину. Роберта многозначительно потирала сухие ладошки, отчего ее перстни, ударяясь друг об друга,

издавали мелодичный перестук.

— Сегодня в библиотеке прочитала изумительную историю, — удивленно смотрю на Роберту. Когда это она успела в библиотеке побывать?

— Не поведаете? Маркиз вновь опаздывает, — мурлыкает, иначе и не скажешь, Лидда.

— Маркиз не опаздывает, — чуть скучающе отвечает Инира. — он собрал бойцов и ушел с ними к берегу. Его не будет три дня. Простите, совсем забыла сказать. Так что там с вашей историей, леди Лайсса?

— Ах, совершенно волшебная, — Роберта причмокивает полными губами и повторяет трюк с браслетом, которыми обычно нас развлекает Инира: поддегивает широкие рукава своего традиционного платья, демонстрируя тяжелый обод. — Легенда о Лисие, последней королеве Единого Дина.

— Что-то крутится в голове, — дора Харт хмурится. Она настолько любит все возможные любовные баллады, что все прочитанные истории давно смешались. — Это где ее увозит колдун?

— Нет, на свадьбе, после принесения клятв Богам, король был отравлен, и леди Лисие приходится взять в свои руки управление страной. Именно по зову последней королевы Бриаллен спустилась на землю, помогая юной деве править и спасая ее земли от болезней.

— Получается, миледи захватила власть в Едином Дине? — вскидывает бровь Лидда. — Она ведь не стала ни женой, ни матерью?

— Матерью стала, она родила от лучшего друга своего покойного мужа. А женой, почему же не стала, дорогая? Стала, мы не селяне, мы приносим клятвы и скрепляем их своей магией.

Инира кончиками пальцев натянула ткань на свой помолвочный браслет. Лидда и Роберта обменялись довольными взглядами. Я вновь в эпицентре интриги — мною крутят как хотят, добиваясь своей цели и попутно позволяя мне разрешить свои проблемы. Не тем способом который угоден мне. Не тем путем, который мне приятно пройти. Ничего не изменилось, абсолютно ничего.

После ужина Роберта выказывает желание проводить меня до моих покоев.

— Почему Инира знает, что твой возлюбленный умчался по своим боевым делам, а ты нет?

— Потому что ей он сказал, а мне нет, — в сердце собирается раздражение.

— Потому что она была рядом, а ты нет, — припечатывает Роберта. — Быть женой боевого мага, значит положить на свои плечи не только его дом. Ты должна знать, что и как делает твой муж — ты его опора. Цветы, конфеты, прогулки под луной — все это у тебя будет, но редко. И упаси тебя Бригитта что-то от него требовать.

— Зачем ты меня мучаешь?

— Влюбиться в бойца просто — наглость, запредельная уверенность в себе, поступки на грани этикета и приличий, а то и вовсе за гранью. Все это привлекает нас, женщин, от сопливых девчонок до уже старых и дряхлых матрон. Боевой маг — любовник, это масса положительных эмоций, неутомимый и жадный в постели, он будет появляться в твоей жизни по ночам, с букетами цветом, матерными комплиментами. И твой супруг будет сидеть в своем кабинете боясь высунуть нос в коридор, потому что ему не справиться — ни на дуэли, ни так.

— Роберта.

— Но муж, муж совсем другой. Вечно занятый, постоянно вымотанный, он будет

носиться по всей территории маркизата — увы, не бывает так, чтобы для бойца не нашлось работенки. Он не заметит ни нового платья, ни роскоши твоей косы. Он будет домогаться до тебя в любое удобное и не удобное время — неугомонный и жадный до ласк, помнишь? Ты взвалишь на себя его дом, а он будет решать чужие проблемы. И я. Вот сейчас ты думаешь, мне рады? Мой муж заплатил за мою охрану, и дамы улыбаются, сквозь зубы. Они бы удавили меня, но я — это запасы на зиму, на деньги моего супруга закупается зерно и мясо, пиво, вино, свечи — все это стоит денег.

— Роберта.

— Помолчи! И послушай. Ты знаешь, что в Ковене далеко не все друзья? Дор Харт не терпит милорда Терчис, но их жены дружат. Раньше они дружили против тебя, а сейчас против меня и Иниры. И твой муж не будет встречать в твои дразги с женами своих соратников — здесь так не принято. Ваши дети будут сражаться вместе и вам придется поддерживать отношения. Сирилл это понимает, она напряжена, она испугана и не готова. Герад слишком торопиться. Атолгар же дает тебе возможность оценить жизнь Ковена, но вместо этого ты занимаешься невесть чем. Дразнишь его, млея от объятий Чумного.

— Постепенно я смогу все, — прикусываю губу, открываю дверь в свои покои, перед которыми Роберта так жарко произносила свою речь, и предлагаю ей проходить и располагаться. — Но я не хочу брать супруга боем. Как последнюю шляпку — кто первый до прилавка добрался, тому она и досталась. Пусть наденет мне браслет на руку, пусть представит своим людям, не то чем я лучше Иниры? Или любой другой, которая придет на ее место. Я хочу быть единственной, хотя бы в его сердце.

— Какая же ты еще молоденькая, девочка.

— А как тяжело будет, я знаю. Муж-ученый хуже бойца — мать всю жизнь ухаживала за двумя детьми. Атолгар хотя бы поест не забудет.

Мы молчим. На моем столике завелся серебряный колокольчик и сейчас Роберта звонит в него, вызывая прислугу. Приказав слуге принести вино и фрукты, Роберта с грустной усмешкой смотрит на меня:

— Позволишь посмотреть на свое колдовство?

— Конечно, ничего секретного, — удивляюсь я. — Всего лишь попытаюсь призвать собственность рода.

— Род, мне, селянке трудно это принять, — Роберта меланхолично крутит перстень на указательном пальце.

— Почему же? В селах свои рода, пусть не отмеченные титулом, но разницы особой нет. Домовые книги в домах старост отмечают кто, когда и с кем, чтобы не пересекались близкородственные линии. Все то же самое, но без золотого блеска.

— Да уж, не стоит хандрить. Ты знаешь, что не все во дворце поверили в причастность твоей семьи к гибели императорской четы?

— Я бы хотела услышать твою версию произошедшего, — поморщилась я. — Я собрала уже восемь вариантов убиения четы Кардорг.

— Мой самый интересный, — фыркает Роберта. — Ее Величество возжелала провести обязательный праздник на природе — благодарить Богов и просить у них прощения посредине леса. Она желала сама выбрать полянку, ты ведь знаешь, на таких обрядах присутствуют лишь самые близкие. Там их положили.

— Почему не было короля?

— Слухи ходят разные, — Роберта трет пальцами мочку уха, задевая крупную золотую

серьгу. — Кто-то говорит, что его оставили присматривать за городом, будто сутки Дин-Эйрин не устоит без твердой руки, а кто-то считает, что его хотели отсечь от рода. И что удивительно, официально, никто эти слухи не пресекает, но все сторонники идеи об отсечении умирали. То на дуэли, то кони понесут. Случайности не случайны.

— Тогда многое становится ясным, благодарю, — я откидываюсь на спинку кресла, позволяя себе не держать осанку.

В юности моя матушка дружила с заложницей мира, леди Айшей Росс, женщиной, ставшей в последствии королевой Дин-Эйрина. И когда моя мама повторила путь Айши, они вновь свели знакомство. Я росла в Дин-Гуардире, лишь изредка навещая маму и папу. Только после малого совершеннолетия, обучившись магическому искусству, я переехала в Дин-Эйрин на постоянной основе. И была представлена ко двору.

Если Кардорг действительно решил отсечь племянника, моя мать должна была знать об этом. Айша бы не промолчала, тем более что о таких вещах оповещают всех.

— Ты выглядишь так, словно я открыла тебе тайны мироздания. Поделишься?

— Мне нужно видеть маркиза.

— Три дня, Игрейн, помнишь?

— Вот его способ показать мне, что я важна, — серьезно смотрю на Роберту. — Помоги создать вестника и если он придет раньше — я вывернусь наизнанку чтобы стать только его маркизой, родить троих сыновей и красавицу дочь.

— Чувствую, что ничем хорошим это не закончится, — Роберта качает головой.

Вместе мы выплетаем потоки, и я старательно порчу две первые заготовки — ни к чему миледи Лайсса знать, о моих талантах. Наконец, вестник готов.

— Атолгар.

— Подожди, сначала выдохни, и выскажи суть.

— Начало записи. Мы искали не в том направлении, — вестник кружится у моего лица, снимает слова с губ. — Искали того, кому выгодна смерть моего отца, рассматривая мать лишь как приложение к нему. Моя мать и Айша Кардорг были лучшими подругами в Дин-Гуардире, и продолжили общаться после. Когда уже мама и папа стали заложниками мира. Адеррин Кардорг был отсечен от рода, и моя мать об этом знала. Но, учитывая, что ему подчиняются все родовые артефакты, полный ритуал проведен не был. Нам необходимо попасть в Большой Архив как можно скорее — три года с момента коронации уже на этой неделе, ты сам знаешь, что за этим последует. Запись окончена.

— Ты не позвала его, — Роберта поднимается с кресла и встает рядом со мной.

— Не зачем, либо он поймет сам, что нужен мне, и придет. Либо нам не по пути. Инира не так уж плоха, она родила сильного мага и родит еще.

— Пропустив через свою постель половину Ковена. Ты знаешь, что милорд Терцис уже отдал должное ее прелестям?

— Квинт разгильдяй, — улыбаюсь, — да и отчего он должен отказываться, если ему предлагают, а дома не дают?

— Почему не дают?

— Не знаю, но он принес домой бастарда, ведь у него всего один сын. Это не безопасно для рода.

— Лидда не кажется безрассудной, — Роберта прикусывает палец, — как любопытно.

— Вас можно поздравить с началом охоты?

— О да, пожалуй, ритуал возврата пройдет без меня, — миледи Лайсса хищно

улыбается и оправляет складки на платье.

— Пусть Боги прокладывают ваш путь, миледи, — дурачусь я, и она поддерживает меня, приседая в реверансе.

Солнечные лучи соскальзывали с глянцевой поверхности карт. Изящные дамы застывшие на веки со сложенными веерами в руках, шуты и рыцари, тройка мечей, все это добро было рассыпано по одеялу. В задумчивости провожу пальцами по ближайшей карте и кожу обжигает холодом. Вот как. Уже второй родовой артефакт признает меня хранительницей, но не владелицей. Быстро собираю карты и укладываю к документам, под крышку «Наставлений».

Этим утром Роберта позволила мне собраться в одиночестве. Платья островной моды, принесенные портным, согрели душу — уже несколько лет как в Дин-Гуардире дамы одеваются лишь так. Сабия ловко уложила корону кос на моей голове и застегнула на шею сапфиры. Эти камни принадлежали моей матери, теперь они будут принадлежать мне.

— Вы красавица, миледи, — присев, служанка выходит. Дорогу до обеденного зала знаю и без нее.

Коридоры уже не поражают меня нищетой своей отделки. Старые картины, нереставрированные, темные настолько, что не различить изображений. Побитые молью гобелены и портьеры: все это слилось для меня в ощущение дома. Я смотрю и вижу, как все это поменять. Не будет в Ковене дворцовой изысканности, нет. Картины собрать в отдельную галерею и реставрировать по одной, с какими-то и я справлюсь. Все остальное сжечь и выбросить, поставить во главу угла чистоту. Проклятые духи, я еще даже не невеста, а смотрю на все хозяйским взглядом. Дурное влияние Роберты.

— Ясного вам утра, дамы, — решительно произношу я, проходя к своему стулу. Роберта одобрительно кивает, ни у кого не остается иного выбора, как ответить на мое приветствие. Хозяйка дома приветствует своих домочадцев первой, это незыблемо.

— Лидда, как твой сын? — и миледи Терцис, смерив меня гневным взглядом выдавливает приличествующие случаю слова:

— Благодарю, Игрейн, его самочувствие не вызывает тревоги.

— Это прекрасно, в скором времени в крепость прибудет Чумной Лекарь, помимо всего прочего, он осмотрит малыша.

— Благодарю, Игрейн.

Квинт перед лицом всего Ковена признал своего бастарда родным, равным Герладу. Теперь ребенок считается сыном Лидды Терцис, не кровью, но духом.

— Роберта, мой ритуал прошел изумительно, очень жаль, что ты не присутствовала, это было очень мистично, — я ласково улыбаюсь посмеивающейся даме. И приступаю к завтраку.

— Для меня вы ласкового слова не нашли, леди Адалберт? — лениво осведомляется Инира. Ее запястья туго обтянуты лиловой тканью рукавов. Браслета нет.

— Не понимаю о чем вы, миледи. Еще скажите, что и для Сирилл у меня нет добра в сердце, — легко пожимаю плечами.

Укладываю на тарелку тонкую полоску теста и крошу его вилкой. Заливаю молоком, добавляю пару ягод и отодвигаю от себя получившееся месиво. Видимость плотного завтрака создана. Ставлю локти на подлокотники стула, скрещиваю кисти. Инира выглядит нездоровой, лиловое платье только подчеркивает бледность ее кожи. Имитацию пучка замужней дамы сменила тугая коса, на пальцах ни единого кольца.

— Почему бы нам, дамы, не прогуляться до капища после завтрака? Грядет большой праздник, следует поговорить с друидом, — склоняю голову к правому плечу.

— Отлично, я с тобой. Обожаю вашего старика, он такой ворчун. Столичный то друид больше в драку лезет, то розгой по заду вытянет, — смеется Роберта и дамы постепенно соглашаются с возможностью такой прогулки.

— Да и детвору прихватить можно, — задумчиво роняет дора Харт. Я хлопаю в ладоши:

— Отлично, тогда после капища устроим обед на открытом воздухе. Лидда, возьметесь ли вы за организацию сего празднества? Помнится, стол вышедший из под рук вашего супруга по-прежнему крепок.

— Превосходно, Игрейн, — голосом Лидды можно было заморозить воду. Но я только улыбнулась.

Проходит не меньше часа пока процессия не собирается. Дети, взволнованные неожиданным развлечением гурьбой носятся вокруг нас. Инира стоит в стороне, дора Ан находит причину по которой не может к нам присоединиться, но появляется ее супруг, и отпускает с нами. Маркиз оставил Лозняка отвечать за безопасность Ковена. Вздыхаю. Скорей бы Атолгар приехал.

Веселой гурьбой идем до капища, у встречающего нас друида едва посох из рук не падает. Проход на капище для такого количества людей он открыть не может. Деревья расходятся в стороны, открывая широкую полянку.

— Вот здесь праздник и устроим, — друид оглаживает бороду и хитро улыбается. — А ты изменилась, девонька. К добру ли?

И он отходит, покрикивает на ребятню, что принялись обрывать крохотные зеленые почки с отцветающей мальвики. Из этих крохотных плодов давили масло. Роберта вертит в руках сорный цветок, врученный ей кем-то из мальчишек.

— Все же необычный в Ковене друид. Дикий.

— В Ковене все в некотором смысле дикое, — пожимаю плечами.

— Не скажи, — Роберта щурится, и оставляет меня, догоняя ускользящего друида.

Я не собиралась идти на ужин. Утрешняя игра в хозяйку замка вымотала мне нервы, а от Атолгара пришел вестник. Сиди в крепости. Лидда уведомила меня светским тоном, что боевые маги задержаться на Побережье. Я кивнула, и отозвалась в том духе, что маркиз уже прислал мне вестника.

Двери в мои покои распахнулись без стука.

— Роберта, придворных дам стучать не учат?

— Первое чему учат придворных дам это не стучать в двери. Ты не собрана.

— Я не иду. Маркиз Амлаут прислал вестника. Они остаются на Побережье, — скользну пальцами по гладкой прохладе сапфиров. — Ты не хочешь навестить своего супруга?

— И взять тебя с собой.

— Я не пленница здесь.

— Если ты до осени не выйдешь за Атолгара, я отдам тебя брату моего супруга. Его жена погибла во время противостояния, а сам он был изуродован. Но детей сделать тебе сможет, — Роберта испытующе смотрит на меня. А я пожимаю плечами. Если не Атолгар, то какая разница кто?

— Игрейн Адалберт, кровь от древа Вортигерна, я даю слово стать женой Гейрта Лайсса, в первый день осени если он сам попросит меня об этом.

— Не представляла, что тебе знакомо его имя.

— Мы танцевали на моем первом балу. Первый бал, первый танец. Он был очень красив, что случилось?

— Лишился глаза, шрам на щеке, — Роберта пожимает плечами. — Не так все плохо, воинских статей он не потерял. Но его драгоценная супруга за год успела вбить в его доверчивую голову, что на люди показываться с таким лицом нельзя. Вот, ищу ему невесту.

— Давно?

— Только начала, — миледи Лайсса смеется, — траур едва закончился, так он умудрился с меня слово взять, что я ему еще два года дам. Я не забуду, Игрейн.

— Я не нарушу слова, — пожимаю плечами.

В голове крутился рассказ Атолгара о первой встрече его бойцов и островитян — сколько вина они тогда выпили и как повеселились. В душе зрела обида, я раз за разом повторяла про себя, что мне все равно чем они там заняты, но это не помогало. Я ведь никогда ни о чем не просила милорда Амлаут, за что же он так со мной?

Роберта, как и полагается порядочной жене, притопнула ножкой и Лозняк с тяжелым вздохом кивнул.

— А вы, миледи, тоже соскучились по лорду Лайсса?

— Безмерно, — растягиваю губы в улыбке. Роберта пихает меня локтем в бок и мы хихикаем как совсем молоденькие девицы, из тех что прячутся на первом балу за пышной материнской юбкой.

Лозняк был не слишком доволен, но так как портал открывался не в Дин-Эйрин, а в далекое поместье Лайсса, отказываться он не стал.

— Дорогая, ты надолго? — Именно такой фразой встретил супругу милорд Лайсса.

— Мы переоденемся и убежим на бал, Оскара устроила чудесный вечер.

— Ты же понимаешь, насколько тяжело обеспечить безопасность в таких условиях?

— Супруг мой, Оскара должна мне, — Роберта подмигивает и утягивает меня за собой.

— На бал поеду только я, с собой возьму служанку — в случае чего у тебя будет алиби.

— Хорошо.

— Надеюсь ты знаешь, что делаешь?

— Отлично знаю, — солгала я даже не поморщившись.

Большой Архив это песня, оставшаяся от бывшего единства двух Динов. Он есть у эйров, он есть у гуаров. По счастью я имею представление о том, как им пользоваться — в Дин-Гуардире неприлично, если девица не посещает Архив. Последние двадцать лет идет мода на умных и начитанных девушек. У эйров же ситуация противоположная, и Архивом пользуются лишь малочисленные ученые, да составители родословных.

Легкий ужин поданный в комнаты Роберты комом лег в желудке. Штаны ее сына чрезмерно обтянули мою попу, а рубашка висела на плечах. Темный, узкий жилет подчеркнул грудь, вредная Лайсса спорола пуговицы с ворота обнажив слишком много кожи.

— Роберта, я выгляжу как дамочка с непристойной картинкой!

— И это сыграет тебе на руку, — миледи усмехнулась, — я вот всю жизнь мечтала одеться как островная магичка, да бедра слишком уж полные были. И муж ревнивый. Повяжи платок.

— На голову?

— На лицо, Игрейн, я боюсь тебя отпускать, — Роберта подошла ко мне и повязала платок так, что она закрыл мое лицо от переносицы до самого подбородка. — Сапфиры и платье останутся у меня, через портал пройдем вместе, после возьмешь извозчика.

— Для всех я буду магианой Россой, прибывший с островов по делам семьи — мой брат...

— Для всех ты будешь островной магичкой, это все что им нужно знать, соглашайся на все версии — островные шаманы крайне подозрительные и неразговорчивые личности именно на лишней болтливости и прокалываются глупышки вроде тебя.

— Женщина-шаман?

— Ты магичка, шаманы — мужчины, а ты слабая ведьма, — Роберта закатила глаза, — мне все меньше нравится эта идея.

— Мне она никогда не нравилась, оттого я и просила помощи у милорда Амлаут, но он изволил быть занятым, — я поправила кожаные наручи, изрядно потрепанные и покосилась на книгу. Мои драгоценные карты и документы тоже оставались у Роберты и от этого по спине тек холодный пот.

По счастью Роберта никогда не перемещалась напрямую в дома, куда ее приглашали. Для таких вещей у милорда Лайсса был приобретен небольшой особняк, откуда его жена и выезжала на собственной карете. Роберта была единственной придворной дамой кто позволял себе из года в год держать один и тот же экипаж, лишь изредка меняя лошадей.

Роберта приказала кучеру проехать мимо Большого Архива — чтобы насладится его красотой. Мне лишь оставалось вовремя соскочить.

Вечером Дин-Эйрин поход на любой другой крупный город — прогуливаются парочки, вокруг фонарей кружатся мотыльки. В подворотни больших городов лучше не заглядывать — сокрытые там тайны слишком любопытные люди, как правило, уносят с собой в могилы. Сорванные украдкой поцелуи, пощечины, все это было привычно еще по Дин-Гуардиру. Но никогда меня еще не провожали такими ненавидяще-вождедеющими взглядами. Широкополая шляпа и закрывающий часть лица платок избавляли меня от пугливых кавалеров. Но несмотря на пугающую известность островных чаровниц, несколько джентльменов все равно решились познакомиться со мной.

— Дин-Эйрин вечером собирает в себе самых красивых созданий, мотыльков, фей, вас, моя прекрасная госпожа.

— У меня нет челюсти, милорд, — старательно прошамкала я, и горе-кавалер, изменившись в лице откланялся. Второй был мною отшит по тому же принципу.

Большой Архив. Массивное здание ярко освещенное снаружи и полное тайных, темных углов внутри. Сумрак, тишина и паутина, эти слова максимально точно характеризуют архив Дин-Эйрина. В темные углы не заглядывает ночной сторож — уж я-то знаю. Слишком часто сыновья сослуживцев отца подначивали меня на неправильные, вредные для репутации леди поступки. И провести ночь в Большом Архиве Дин-Гуардира было не самым худшим из того, что я творила в юности.

Сторож всю флиртовал с молодой горожанкой, убеждая красотку провести этот вечер с ним, таким большим и сильным парнем, который ну очень боится оставаться один в хранилище знаний.

— Боишься поумнеть? — хохотнула молодка.

— А-то! Папаша шибко умного домой не примет, — тут же отозвался парень и они рассмеялись.

Пройти мимо них оказалось несложно, тени надежно укрыли меня, а едва слышный шорох шагов перекрыл говор парочки. Добившись от молодки обещания остаться на вечер парнишка решил не рисковать, и на обход не пошел, сразу запустив магическую охранку. Вот

только я была внутри охраняемого периметра, и не слишком полезное заклинание опознало меня как допустимый объект.

Голова под шляпой ужасно чесалась, сердце колотилось — слишком легко и просто мне удалось пройти туда, где скрыта зловещая тайна короля. И мысли, от страха, становятся слишком пафосными, как в той балладе.

— Выдохни. Ничего страшного ты не делаешь, просто случайно оказалась в Архиве после отбоя. И вообще, ваш сторож не проверил есть ли кто в залах, я буду жаловаться, — собственный голос прозвучал жалко. Было страшно, и не понятно, как вернуться в дом Роберты, чтобы вернуться в Ковен. Но еще страшнее было оттого, что я не знала, стоит ли возвращаться.

— Последняя запись королевы, — запрос не прошел.

— Статус короля, — запрос не прошел. Облокотившись на постамент я задумалась, могли ли документы уже быть изъятыми?

— Отречение от сына, — запрос не прошел. Неужели ложная ниточка?

— Попробуйте скомбинировать все три, — негромко произнес мужской голос. Я резко развернулась, у входа стоял невысокий человек, мужчина.

— А вам в том какая выгода? — кончиками пальцев проверяю на месте ли закрывающий лицо платок.

— Всеобщая смута, возможность изловить крупную рыбку, красавица.

— У меня челюсти нет, — огрызаюсь.

— Ну так и лицо прикрыто, — смеется он. — Ты ведь понимаешь, что последует за твоим решением нести людям свет истины?

Вскину ладонь в подобии салюта он крутанулся вокруг своей оси и рассыпался желтыми искрами. Откуда вас столько, магов, попирающих основные законы волшебства?

— Последняя запись королевы, отречение от сына, нынешний статус Его Величества, — эхо разнесло мой голос по залу, и в ответ на постамент спланировал тугой свиток.

Я погладила свиток пальцами, но открывать не стала — незачем. Уже завтра я буду читать его абсолютную копию в Ковене.

— Распространение информации, — постамент осветился, прокусив палец я нанесла несколько штрихов, подчеркивая, куда должны направиться копии. Большой Архив связан с наиболее могущественными и древними семьями нерушимыми узами — через Архив заверяют браки, внимательно отслеживая близкородственную связь. Через него же сообщают о смертях и эпидемиях, делятся открытиями. Уведомляют об изгнании из рода и иных, жизненно важных вещах.

Все что мне осталось, схоронится до утра — если все пройдет гладко я вместе с Робертой вернусь в Ковен. Вот только почему мне так этого не хочется?

До самого утра я подремала за массивным столом сторожа, на границе охранных чар. Паренек дико перепугался узрев чаровницу спящую за его столом.

— Извольте подать лист, дабы я могла написать жалобу начальнику вашему, — надменно протянула я, старательно коверкая слова.

— 3-зачем?

— Так ведь вы меня закрыли, юноша, — я легко соскочила с его стула, и пожав плечами, щелкнула его по носу, — сейчас я тороплюсь, но вечером зайду обязательно.

Оставив за спиной перепуганного парнишку, легко вышла в рассветные сумерки. Экипаж Роберты ожидал меня, как и было договорено. Я села рядом с кучером, в котором с

удивлением признала миледи Лайсса.

— Цени, на что я иду ради твоих сумасбродств, — фыркнула женщина.

— Ты просто нашла повод примерить мужскую одежду. И да, мне брюки действительно идут больше.

— Не хами старшим, ты ведь не знаешь во что я одета в супружеской спальне.

— Я полагала что супруги в спальне раздеты, — немного смущенно отозвалась.

— Ах, сколько чудесных открытий тебя ожидает после свадьбы.

Эту реплику я оставила без ответа. Роберта способна капать ядом без остановки.

— Пойдем напрямую в Ковен, благо, это не отслеживается.

— Хорошо.

— Я прихватила твое платье.

— Хорошо. Спасибо.

— Что-то пошло не так?

— Все так. Какие будут последствия?

— Для короля самые печальные, — Роберта лихо прищёлкнула кнутом. — Его свергнут, его сын будет лишен права на престол.

— Кто свергнет? — в горле пересохло.

— Кто-нибудь, мы с мужем в этом точно участвовать не будем. Не переживай, за стенами Ковена тебя гражданская война не достанет.

— Война, — эхом отозвалась я.

— А ты думала?

— Я не думала, — вымученно улыбаюсь и понимаю, что не хочу возвращаться в Ковен. Какими глазами на меня будет смотреть Атолгар, зная, что именно я, именно моя глупость причина гражданской войны эйров? — Ты можешь отвезти меня к Чумному?

— Предлагаешь вернуться в Ковен без тебя?

— Я там не пленница, а гостья.

— Гостья, бегущая без чемоданов?

— Да или нет?

— Да, — Роберта легко улыбнулась. — Полезай внутрь кареты, неженка.

В неясной рассветной дымке дом Чумного выглядел ветхим. Я замерла у калитки, Роберта уехала, Лекарь не благоволил ей. Мелькнула малодушная мысль вернуться в Ковен, не станет же Атолгар меня пытаться?

— Решитесь войти, миледи, аккуратно, вторая ступенька на крыльце ненадежна, — тихий, усталый голос Чумного заставил меня подпрыгнуть. Мужчина вышел из-за моей спины, открыл калитку и, поправив объемную торбу за спиной, прошел к дому. Я последовала за ним.

— Я работал всю ночь, — мужчина сбросил торбу на полу, у одного из двух плетеных кресел, подхватил ключи со столика и открыл дверь. — Стоит ожидать бойцов Амлаута желающих вернуть свою маркизу?

— Странно что вас еще не обворовали, так беспечно оставляете ключи. Я не маркиза.

— Но все к тому идет, — Чумной пожал плечами, и жестом пригласил меня в дом. — Не рискуют.

— Не думаю, что мне светит стать маркизой. Или что я соглашусь принять браслет.

Чумной не удивился, лишь покачал головой. Он не обмолвился ни словом об отсутствии у меня вещей, проводил в комнату на втором этаже его деревенского дома и жестом предложил располагаться. Через пару минут принес ворох одежды. Вся она пропахла лавандой.

— Эти вещи своей хозяйке уже не пригодятся. Если потребуется, смогу найти иголку, — он помолчал, — могу я все же узнать, что случилось?

— Возможно, я ошиблась.

— Все ошибаются, — Лекарь пожал плечами.

— Но не всем дано развязать гражданскую войну, — я обхватила себя за плечи. Чумной преодолел разделяющее нас расстояние и со смешком обнял меня. Обхватил, сдавил, поднял над полом и встряхнул.

— Ты считаешь, Игрейн, что ТЫ развязала гражданскую войну? О которой, к слову, еще ничего слышно? Даже если ты что-то и сделала, — Лекарь взял паузу, — тебя вели. Гнев застит глаза, миледи.

— Определитесь уже, целитель.

— Маркус, Игрейн, меня зовут Маркус, — устало произнес мужчина и разжал руки. Я с сожалением отстранилась от крепкого тела. — Отдыхай, если придут вести я разбужу тебя.

В сон я провалилась сразу. Не мучилась совестью, не раздумывала о мрачном будущем. Просто уснула, чтобы проснуться в вечерней тишине. Выбрав из кучи мятых платьев одно, спустилась вниз. И замерла — Чумной лекарь был без своей маски, каштановые волосы неопрятными прядями торчали в разные стороны. Он стоял спиной ко мне, и пусть любопытство было велико, я нашла в себе силы подать голос до того как увижу его лицо:

— Сам себя стрижешь?

В этот же момент вокруг головы Лекаря сформировалась привычная маска.

— Спасибо, — качнул головой Маркус.

— Мне показалось подлым узнать твою тайну со спины, — со смешком отозвалась я.

— В городе нехорошая тишина, — Марк выразительно поскреб пальцем клюв, и показал на стол, — ешь и я дам тебе сонный настой, иначе долго не выправишь режим дня.

— Только проснулась и опять спать. Что за тишина?

— Аристократия резко заболела и отправилась лечиться на эльфийские курорты. Остальные жадно присматриваются к королевским бастардам, пытаюсь угадать за кем власть. И все это за неполный день, — он отсалютовал мне чашкой с травяным взваром. — Со мной связался Квинт, маркиз Амлаут нецензурно высказался по поводу твоего отсутствия в замке.

— Что ты ему ответил?

— Что как только ты до меня доберешься я пошлю вестника. — Стекланные глаза маски неприятно блеснули в свете заходящего солнца. — Что планируешь делать?

— Ждать и прятаться, — построила в тарелке горку из зеленого горошка и подняла глаза на Чумного, — дорога у меня одна — Дин-Гуардир. Дед поможет, подскажет и накажет.

— В заступничество Атолгара ты уже не веришь?

— Мне оно не нужно. Это не мое. Считать по весне овес, растягивать провиант на зиму и закрывать глаза на то, что мой мужчина тискает под лестницей очередную служанку.

— Хочешь блистать на балах? Собирать кавалеров, тасовать и разыгрывать поцелуи в карты?

— Хочу вернуться домой, пройти обучение и занять должность отца в Департаменте Безопасности. Я смогу. Не сразу, начну с простой сыщицы.

— Что же натворил Атолгар, — словно сам у себя спросил Чумной. — Это достойная цель.

— И способ не исполнить слово, — мрачновато улыбнулась я, и пояснила, — я обещала выйти замуж за родственника леди Лайссы, если до осени не стану маркизой Амлаут.

Чумной странно дернулся, и рассмеялся:

— Вот уж пройдоха, вот лиса. Я не о тебе. Завтра днем я закончу все дела и выступим.

— Под вечер?

— По-хорошему идти надо сейчас, — Лекарь покачал головой, — путь с красавицей сам по себе непрост, а в период бури и вовсе смертельно опасен.

Я вынудила Маркуса дать мне еще немного времени пободрствовать. Осмотрела его дом, пустоватый, словно нежилой. На прямой вопрос он пожал плечами и сказал, что купил дом с мебелью, раз в неделю приходит женщина из деревни, убраться. И что все эти фарфоровые статуэтки, картины и прочую муть в жизнь мужчины приносят женщины. А ему, занятому человеку, не до ерунды.

Кажется я уснула в кресле. Пока Маркус что-то выстуригал из деревянной чушки, я прикрыла глаза вслушиваясь в стрекот насекомых. А разбудил меня солнечный свет, я лежала в постели в выделенной мне комнате, в платье, прикрытая шерстяным пледом. Плед кусался даже сквозь платье.

Разобрав волосы пальцами и заплетя косу, я спустилась в кухню. Поплескала в лицо водой из умывальника, и с аппетитом впила зубами в сдобную булочку. Чумной оставил записку, попросил до его возвращения никуда из дома не уходить, выбрать из оставленной одежды то, в чем мне будет удобно в пути.

Методом проб и ошибок я нашла ванную комнату. Заглянула в резной шкафчик, в нем сиротливо стояла коробочка с простым мылом, рядом с ней пристроилась тонкая стопка белоснежных полотенец. Но искала я другое. Бритва обнаружилась на самой верхней полке. Распустив косы я последний раз посмотрела на свое отражение, пришла к выводу что мне

невероятно идут пышные косы и срезала первую прядь. Один за другим я срезала локоны, сбрасывая отхваченные лезвием волосы на расстеленное полотенце. То, что я растила годы оказалась на полу у моих ног меньше чем за полчаса. Из зеркала на меня смотрел смазливый юнец с криво остриженными волосами. У паренька явно не было денег на цирюльника и он стриг себя сам. Почему так? Потому что ни одна уважающая себя женщина не острижет волос. Ни одна. Кроме меня.

Из вороха одежды я выловила простую рубаху, перетряхнула одежду в которой пришла, и была удовлетворена — островная чаровница в просторной рубахе ничем не напоминала леди Игрейн. Когда вернется Маркус я попрошу его купить в деревне одежду на худощавого юношу. Путешествие станет в разы проще.

Со скуки вернулась на кухню и состряпала простой обед. Закрыв лицо платком воображала, что я плененная чаровница и готовлю для своего временного хозяина. Временного потому что соль и перец играли роль сильнодействующего яда.

— А если бы я еще немного задержался, ты бы и пол помыла? — со смешком поинтересовался мужчина, а я резко развернулась убирая платок с лица и волос. Маска надежно скрывала выражение лица Чумного, но вот сдавленное ругательство раскрыло его отношение к моему поступку.

— Я решила сделать наш путь проще. Осталось только найти просторные штаны моего размера, а грудь у меня небольшая, под колетом будет незаметна. Сейчас прохладно, потому легкий плащ никого не увидит.

— Ты самая необычная женщина из тех, кого я встречал, — маска выразила недоумение, неодобрение и восхищение одновременно.

— Девушка, — педантично поправила я.

— Упущение со стороны маркиза, — пожал плечами Лекарь, заставив меня задохнуться от негодования.

— Это моя заслуга, я умею противостоять искусу!

— То есть, все-таки хотелось? — вкрадчиво поинтересовался Маркус, и я поспешно предложила опробовать мясо с овощами.

— Ну как?

— Съедобно, но, с другой стороны, я на кухне ядов не держу.

— Очень жаль, потому что я представляла, что опробовав мою еду ты свалишься на пол в страшных корчах, — тут же огрызнулась я, забыв, что передо мной не приятель-однокурсник из Дин-Гуардира.

— Кушать стало вдвойне приятней. Нам придется форсировать две реки, — я зачарованно наблюдала как ложка раз за разом проникает сквозь маску. Будто Маркус засовывал еду себе в клюв.

— Это может стать проблемой, — я с трудом отвела глаза и размазала неаппетитную жижу по своей тарелке.

— Как о ночевка на природе, — Лекарь пожал плечами. — Спасибо, было вкусно.

— Не за что. На природе не беда. Придорожные таверны для нас табу?

— Они не везде есть. Здесь вместо меня пару дней поживет мой друг. С самыми сложными случаями я справился, так что изобразить меня у него получится.

— У Роберты остались некоторые документы, это может стать проблемой если я останусь в Дин-Эйрине, — задумчиво произнесла я. Чумной неожиданно жестко отозвался:

— Ты получишь свои документы как только я доберусь до этой лисы в женском

обличье.

Возражать я не стала. Собрались мы быстро, у Маркуса видимо был большой опыт путешествий. Из-за маскировки под мальчика мне пришлось взвалить на плечи мешок равный по объему тому, который собрал для себя Чумной. Но мой был значительно легче. Два посоха уже ждали нас в коридоре. Мне достались старые штаны Марка, обрезав их понизу, не подшитое я заправила в сапоги. Остальным разживемся подальше от дома целителя. Не стоит давать повода для слухов.

Лесная тропинка довольно легко ложилась под ноги — Чумной не стал давать слишком серьезный темп. В наших планах было добраться до переправы.

— Мы будем идти молча?

— Игрейн?

— Нет, просто жутко как-то, вечер, лес, мужчина в маске с ножом на поясе и я, хрупкая, невинная девица... С таких моментов обычно начинается что-то нехорошее.

— Тебе бы воображение убавить, — со вздохом отозвался Маркус. — А то и правда соблазнишь меня на что-нибудь нехорошее.

Мне не так часто доводилось бывать в по-настоящему диком лесу. Веселые ночевки в парке, на спор на кладбище, где два-три облагороженных дерева — все это не шло ни в какое сравнение с этим лесным массивом. Посмотришь за правое плечо, и сквозь стену деревьев проглядывает что-то древнее. На ум приходят старые сказки, про ведьм поедающих все мимо проходящих путников.

— В жизни каждой женщины должен быть кот. И метла. И если кот не черный, то метла все равно пригодится. Улететь самой или мусор из жизни выкинуть — не важно. Просто должна быть метла, — я сама не ожидала что скажу это вслух.

— Что ты сейчас имеешь ввиду? — осторожно спросил Чумной. — Я слышал, если поделиться переживаниями становится легче.

— Да, а потом тяжелее — когда к старым переживаниям примешивается стыд за слишком длинный язык, — хмыкнув, я отвела взгляд от едва видимой тропки и заглянула в стеклянные глаза маски. И конечно полетела на землю. С тяжким вздохом Маркус подхватил меня под грудь и поставил на ноги. — Я не часто гуляла по дикому лесу.

— Это не дикий лес, а дорога между двумя деревнями, — весело отозвался Лекарь.

— Смеешься? — я нарочито удивленно округлила глаза. — А кроме шуток, я разочаровалась в себе.

— Звучит глупо.

— Спасибо за поддержку. Я открыла глаза, посмотрела на жизнь в Ковене, и поняла, что не справлюсь. Атолгару рядом нужна сильная и работающая женщина. Та что сможет время от времени натягивать на себя неудобную, давящую маску леди, прибывать ко двору гуаров или эйров и забывать об этом до следующего раза.

— Ты не договариваешь, — спокойно отозвался Чумной, склонился, сорвал травинку и пихнул ее сквозь свою маску.

Пожимаю плечами. Наученная горьким опытом смотрю строго под ноги. Из травы выскакивает крупная лягушка, и ее кваканье словно подстегивает меня.

— Я еще ничего не помнила, первая ночь в Ковене. Служанка оставила меня купаться, — прикусываю губу. — Лидда Терцис прошла в купальню и притопила меня. Сзади, за шею, так, что я поверила, что вот сейчас умру. Не зная за что и почему. И после еще некоторое время я не знала кто это был. В купальне я теперь моюсь лицом ко входу, ко

входу подперт скамьей или заперт как-то иначе. Знаешь, у меня даже кинжал под подушкой лежал, — дергаю плечом, — ну как кинжал, нож для фруктов.

— И ты промолчала?

— Вот, тебе сказала. Открой глаза, Марк. Маркиз оставил у моей двери охрану. Они пропустили миледи Терцис, им было все равно что она сделает. И девять из десяти, что они бы ее не выдали. Они хорошие. Хорошие исключительно для своих. А я чужая.

— Выйдешь замуж, родишь наследника и станешь своей, — Чумной протянул мне ромашку, вырванную из земли вместе с корнем. Легко отломив корешки, пристраиваю ромашку на полях своей шляпы.

— А если не доживу? И самое главное, станут ли они для меня своими, с таким-то отношением? — это я произнесла вслух скорее для себя. Чумной, если и услышал, то никак не стал комментировать.

Ночевать на опушке нам не пришлось. Лесной домик оказался свободен. Маркус не говорил о нем, потому что как правило он в это время занят травниками.

— А он не рухнет на наши головы?

— Игрейн, он здесь как минимум сотню лет стоит, — укоризненно заметил Лекарь.

— Вот ты меня сейчас совсем не успокоил, — мне приходится пригнуться чтобы войти в это ветхое, заросшее мхом строение.

— Здесь можно согреть воду и ополоснуться, после чего лечь спать на лавку, а не на землю. Это уже немало.

— Я не жалуюсь.

— Потому что гордая, а внутри вся уже изнылась, — поддел меня Чумной.

— Ты злой, — печально констатирую я, и с удовольствием усаживаюсь на лавку. Ноги гудят и последний час дался мне особенно нелегко. Даже учитывая, что Маркус еще больше сбавил темп и порадовал парой смешных историй из своей обширной целительской практики.

— А мне, знаешь, буквально за неделю до твоего визита роженицу на телеге привезли. Молодая дуреха думала, что само пройдет, — он хмыкнул, — до последнего не верила, что рожает. Я же, говорит, только один разочек, на пробу. Паренька того прямо в моем лекарском покое перед выбором поставили — топор на шею и в реку или в счастливое семейное будущее.

Лениво обвожу взглядом крошечную комнатку, две лавки, стол, да закуток отгороженный кривой ширмой. Печи и той нет, только пара ведер стоят, да прям в полу, в каменной выемке, ручеек бежит.

— Прелестно.

— Ага, я бы топор выбрал — есть шанс выплыть, — хмыкнул Чумной и мне жутко захотелось треснуть его по голове.

— Сбегать от ответственности — подло.

— Подло тыкать пальцем в первого попавшегося, — мрачновато отозвался Лекарь, — я вижу когда люди врут. Мальчишка утверждал, что он с женщиной в постель не ложился и я ему поверил.

— Но промолчал?

— Не мое дело. Я вообще предпочитаю зверье лечить.

— Иногда и люди зверье, — это уже себе под нос, пока Лекарь с водой возиться да из-за плеска не слышит.

Надо бы помочь, да сил нет. Так и сижу на скамье, головой к бревенчатой стенке прислонилась. Смотрю как он хлопочет, воду наливает, что-то колдует, отчего парок от ведра поднимается.

— Первым схожу, там теплее станет, — бросает мне, и уходит.

Для Чумного ширма оказалась короткой, мне был прекрасно виден уже знакомый вихрастый затылок. А вот неожиданно крепкие плечи, где под золотистой кожей перекачивались мышцы, заставили мои щеки заполыхать. Я поспешно отвела взгляд. Что такого-то, подумаешь, плечи мужские, сколько я их в трупной комнате видела, когда запретную магию во всей ее красе показывали? Много, очень много. Четверых, если быть точной.

— Иди, пока пол теплый.

Торопливо угукнув, подхватываюсь с места. Особо размываться смысла нет — одежда все равно та же, только что белье сменить, да постирать. Отвожу глаза от мужского исподнего, тщательно выстиранного и на веревку вывешенного. Все же такое совместное путешествие слишком многое открывает в людях.

После, когда мои панталоны заняли свое место на веревке я меланхолично произнесла:

— Знаешь, как честный человек ты должен на мне жениться.

— Я с селян денег беру больше, чем положено, — немедленно откликается Маркус.

— Тогда вопрос снимается, — так же спокойно отзываюсь я.

Кто-то скажет на пустой лавке, без подушки и одеяла, без перины, уснуть невозможно. Тем более избалованной городской девице. И я бы, вчера, согласилась. Сегодня я уснула едва лишь успев руки под голову сунуть. Даже ломоть хлеба с сыром доедать не стала. Сквозь первый сон еще слышала, как Чумной по комнатушке бродит, а потом совсем провалилась.

Утро наступило утром. И как и любым утром вставать не хотелось. Вяло поплескала в лицо водой, дожевала хлеб с сыром, и замерла на скамье. Тело ныло. Непривычное к таким нагрузкам оно подводило меня. Маркус протянул крохотный пузыречек:

— Выпей, станет легче, обещаю. Прости, Игрейн, я не тот человек что сможет одним махом решить все твои проблемы.

— А нет таких людей, — легкомысленно отзываюсь я. — Но мне приятно идти с тобой рядом, а это уже неплохо, правда ведь?

— Ты слишком легко относишься к жизни.

— Я развязала войну, так или иначе, а это сделано моими руками, — смотрю на него, горло сжимается. — Будут умирать люди, Марк, не те, кому должно.

— А есть кому должно? — мягко спрашивает Чумной, и я со злостью и ожесточением бросаю:

— Есть.

— А кто их осудил, ты?

— Но ведь меня судили, и семью мою судили, — кривлюсь, — никто не следует за мудростью друидов, Лекарь. И я не пойду, у меня уже дважды не вышло. Знаешь, в чем суть? Суть в том, что я могу исцелять крапинку, это смертельная болезнь, если вдруг ты не в курсе, Лекарь. Суть в том, что мы лишь пытались заслужить прощение Богов, и никто не был к нам снисходителен. Так почему я должна... Неважно, забудь.

Зябко охватываю себя за плечи и отворачиваюсь. Это день мы шли молча. До деревни. Время тянулось как патока, и горе тому, кто считает патоку сладкой. Размолвка начатая мной на пустом месте сильно ударила по нашему хрупкому взаимопониманию. И я в

очередной раз вспомнила отца. Разозлилась, промолчи. Счастлива, помолчи. Чаще молчи, и будет тебе счастье.

Уже у деревенского плетня Чумной перехватил мои ладони и крепко их стиснул:

— Не дай ненависти сожрать себя, девочка.

— Ты не сердишься?

— Ты еще слишком юна чтобы сильно меня зацепить, — рассмеялся Маркус и развернулся.

— А вот сейчас сержусь я!

В деревне мы не задержались. Плотно пообедали, затем купили у местных мужскую одежду для меня, по размеру, купили провизии в дорогу да вышли. Чумной, спустя час неспешной ходьбы по проторенному деревенскому тракту вновь свернул к лесу.

— Тянет же тебя в глушь, — проворчала я, наслаждаясь самой возможностью говорить. — Странно что нас гнус не закусал еще.

— Я полог держу, — отозвался Лекарь и мне показалось что он улыбался.

— Крепче держи. Так почему мы ушли?

— Там тракт для телег, для конных. Времени идет достаточно, скоро по деревням пойдут отряды. Герольды будут разьяснять простому люду кому они теперь служат. И отрядов будет как минимум три, от разных клик. Я бы не хотел оказаться там, где они сойдутся в бою.

— Я не понимаю.

— Откопали бастарда прежнего короля, — Чумной ловко приподнял ветви и жестом пригласил меня пройти вперед. — Кто возьмет над ним опеку, тот и в шоколаде.

— А нынешний? Подожди, откуда ты знаешь?

— Ты уже уснула когда пришел вестник от моих друзей, из Дин-Эйрина. Бастард девчонка, выдадут замуж, заделают младенчика, а там видно будет. Может жива останется, может нет. Тут вопрос в том, кто права опеки получит, и за кого отдаст. Да только не долго она жить будет.

— Почему?

— Я знал ее мать, да и ее саму тоже, — Лекарь пожал плечами, — из лесных ведьм. Норов дикий, бешеный, эта будет до последнего сопротивляться, зубами, когтями рвать. Живых, мертвых, никого не пощадит.

— Вот еще одна жизнь, которую я переломала, — легкокрылая бабочка обогнула Чумного и нашла пристанище на ярком, цветущем кустарнике.

— Ты можешь это исправить?

— Не знаю, но это определенно правильный вопрос, — дышать становится чуть легче. Действительно, что за бред? Все можно исправить кроме смерти. А я пока жива.

Тело стремительно привыкало к нагрузке. Чумной понемногу поднимал темп, несколько раз мы даже начинали бежать.

— Это зелье используют воины, восстанавливаюсь после тяжелых ранений, — на бегу пояснял Чумной. — Оно заставляет организм скорее принимать перемены.

— Я стану отличной бегуньей?

— Вряд ли, но задыхаться при беге перестанешь.

— Я в хорошей форме, — возмущаюсь я.

— Хорошая фигура и тренированное тело далеко не всегда синонимы, — отмахивается от меня Чумной.

В траву я падаю мысленно прощаясь с легкими. В лесу уже темно, Маркус отходит, возится, возвращается ко мне и подхватив под грудью перетаскивает к крохотному костерку, выдает еще один пузырек с зельем:

— Это твой ужин, Игрейн.

— Полагаешь, пора худеть или экономишь?

— Два в одном, предпочитаю рациональность.

Уснула я навалившись всем телом на Чумного, и мне было совершенно наплевать на всю аморальность нашей позы. Лекарь не причинит вреда ни мне, ни себе.

Узкая речушка не была глубокой. Течение, пенное, быстрое, сбивало с ног даже мужчин. Оттого маги расщедрились на подарок для жителей деревень — вырастили плоские камни, чья поверхность всегда остается сухой. И даже когда уровень воды поднимается, камни подрастают следом. Мост для селян с телегами так до сих пор и не построен. Так люди перетаскивают мешки на своих спинах и укладывают на другие телеги. А те что разгружены, отправляются в обратный путь.

— Здесь несложно, — Лекарь забирает у меня палку и первым прыгает. И до того у него это ладно получается.

— А где сложно?

Прыгаю следом. Сердце судорожно колотится где-то в горле. Поверхность камней отвратительно зеленая и мягко пружинит под ногами, позволяя стопам утопать в себе. Так и надо, в противном случае можно было бы поскользнуться. Первые три камня я преодолела легко, еще два — с трудом, и на шестом оступилась, черпнув ногой воду. Ничего особо опасного, Лекарь остановился, поджидая пока я выправлюсь, но подняться с колен с не смогла. Так и осталась сидеть и трястись, ругая себя последними словами. Каким чудом Маркус смог прыгнуть ко мне и обнять, уместиться на одном камне — не представляю. Но отпустить и посмотреть — не могу. Наверное мы смешно смотрелись — посреди реки высокий мужчина в птичьей маске обнимал судорожно сжавшуюся на камне девушку. Но мне было ни капли не смешно, я обхватила его руками за пояс и уткнулась лицом в живот.

— Мы здесь умрем, — обреченно произнесла я.

— Нет, мы здесь постоим, поплачем и пойдем дальше, — терпеливо, в десятый раз произнес Чумной. Но всякий раз как я поворачивалась лицом к водной преграде нервная дрожь возвращалась.

— Прости, — шмыгаю носом, и вжимаюсь в Лекаря еще крепче. — Я тонула однажды. Но с такими последствиями не сталкивалась.

— Надо было предупредить, — Маркус мягко погладил меня по голове. — Закрой глаза и не открывай.

Марк резко дернул меня вверх и перекинул через плечо, выбивая дух. Не удержав вскрика я крепче зажмурила глаз. Каждый прыжок Чумного отдавался ударом в живот, в голове бешено пульсировала одна мысль — упадем, не всплыву. Не всплыву, волосы наматываются вокруг шеи, будут лезть в рот, как тогда, когда кричала, билась, пыталась выплыть.

— Смотри на меня. Дыши. Все в порядке.

Холодные, склизкие пальцы тянут на дно, царапают лодыжки.

— Дыши со мной. На счет. Давай.

Света становится все меньше. Поверхность воды удаляется, предоставляя в обмен возможность почувствовать илистое дно. Я знаю, сейчас я оттолкнусь ногами и смогу выплыть, смогу позвать на помощь.

— Твою мать!

Холодная, ледяная, невероятная вода ударяет мне в лицо. Я хватаю ртом воздух сидя по пояс в воде. Чистейшее дно без какого-либо следа ила. Вода вкусная, я пью ее из сложенных чашечкой ладоней до тех пор, пока не начинает ломить зубы. Чумной стоит на последнем

камне сложив руки на груди. Из-за маски я не могу понять о чем он думает.

— Не молчи. С тобой тяжело. Не вижу выражения твоего лица. Наверное я должна объяснить? — фразу получают рубленные, короткие. В них мало смысла, но на большее не хватает ни сил, ни дыхания.

— Вылези из воды, сама. Тут не глубоко, — в последней фразе мне слышится смешок.

Я выхожу на берег, мокрая до самых подмышек и смотрю на переправу — простую, легкую, такую где ребенок пройдет без помощи взрослого. Ничего похожего с затянутой ряской поверхностью пруда. Ничего похожего на ту полянку. Ничего из прошлого. И проклятая боль в висках подсказывает, что это не последнее воспоминание.

— Перед ритуалом была цепь иных, малых испытаний, — Лекарь завернул меня в одеяло и развел костер. — В числе прочих я должна была позволить болотнице затянуть себя на дно и выплыть. У берега меня страховал отец, но если бы он вмешался все пришлось бы начинать сначала. Меня готовили к ритуалу три года.

— Оно того стоило?

— Не знаю. Я не умею быть другой, — тру пальцы. — Я пыталась. Пряталась пока сражался Атолгар, боялась, пыталась помочь — память была со мной не вся. А после нахлынуло — мне приснилось как бы я могла эффективно действовать. И остаться незамеченной. Меня тренировали по программе безопасников. Она максимально эффективна.

— Да, я знаю, — Чумной качает головой. Его голос бесстрастен. Я тоже так умею, когда нужно скрыть свои эмоции.

— В моем случае она не полноценна.

— Ты со всем справишься. Только ты, — мне страшно оттого, сколько смыслов вложено в эту фразу. Отделяюсь коротким, малозначащим замечанием:

— Да, знаю.

Мы сидим у костра, светлый день и даже не собираемся никуда спешить. Физически, я способна пройти дневную норму, а вот морально слишком устала. Слишком тяжело, когда память подбрасывает тебе такие подарки. В Ковене мне казалось, что я все про себя вспомнила. Сейчас я вспомнила настолько важные вещи, что совершенно не представляю, как можно было не понимать, что в голове настолько огромный, пропущенный кусок. Кусок без которого я была лишь тенью себя. Очень счастливой тенью себя.

— Я бы хотела не вспоминать. Я была лучше.

— Капризная, балованная девочка, — с едва уловимой нежностью произнес Чумной.

— Я знаю тебя.

— Да, мы были знакомы до того как я надел маску. И нет, я не скажу кто.

— Мы увидимся без маски?

— Конечно, иначе ты сразу меня вычислишь.

— Это так плохо? — меня тянет прижаться к теплому и надежному боку Чумного. Тот, будто чувствуя это, подсаживается ближе и обнимает меня за плечи. Хорошо.

— Не торопи время.

Я окончательно отогрелась, смирилась с новым кусочком памяти и начала нетерпеливо поглядывать на все еще сырую одежду. Чумной в очередной раз поменял штаны с рубахой местами, следя чтобы вещи не попали в огонь.

— Оп-па! Как приятно, девка, да уже и раздетая, — незнакомый бас заставил меня вскочить на ноги. Из-за густых кустов вальжной походкой вышло трое мужчин. Селяне.

— Шли бы вы своей дорогой, мальчики, — с ленцой отзывается Чумной. И мне чудится, что эту интонацию я уже слышала.

— Пойдут дальше — встретят тех, кто сопротивления оказать не сможет, — я спокойна и собрана. Проходя обучение меня не раз вывозили на подобные операции. Да и эти еще не успела набраться лихого опыта на дорогах. И не наберутся.

— Тоже верно.

Память подсказывает что прошлая я, та что согласилась на ритуал, сейчас бы эффективно скинула одеяло и начала бы драку. Полностью обнаженной. Крепче вцеплюсь в одеяло, и Чумной кивает, позволяя мне остаться в стороне. Перебираю в голове варианты, которыми могла бы воспользоваться, но уввы. Из-за целительной силы моя прошлые навыки почти бесполезны. Те проклятья которыми можно убить не получают, входя в резонанс с изменившейся сутью магии.

— Игрейн!

— А давай будто меня тут нет, — бурчу я, и сама понимаю, что это смешно звучит.

— Закройся щитом.

Из-за непроницаемой завесы наблюдаю как Чумной кружится, удерживая в фокусе внимания сразу троих разбойников. Крупные банды давно повыведены, а эта троица, не более чем результат раскручивающегося зева гражданской войны. Чумной не захотел убивать. И мне показалось это странным. Боль висках покалывает, подсказывает что очередная порция воспоминаний на подходе.

— Не хочу закапывать.

Троих бандитов Лекарь привязал к дереву, и послал вестника в ближайшую деревеньку. Я натянула на себя еще сырые шмотки и удостоилась трех блаженных взглядов от поверженных и чрезмерно воинственных селян.

— Не представляю, что дальше будет.

— Объединение всегда идет через кровь, — бездумно произношу я, — братание ли это или брачный союз.

— Или сведение воедино разобщенного народа, — Чумной сжимает мои пальцы в своих руках. — Ты что-нибудь об этом знаешь?

— Я не помню. В Ковене не безопасно.

— Его раскатает армия Вортигерна, проклятые духи, Игрейн! Я клялся не причинять вреда Амлаутам!

— Но тебе и не придется. Я не справлюсь одна, — укладываю прижимаюсь к нему и касаюсь губами маски. Вот только губы ощущают колкую щетину. — Пользуясь маской редко скоблишь щеки?

— Я всегда безукоризнен, — со смешком отзывается Маркус.

— Я так полагаю, что имя твое не Маркус.

— Знаешь ты меня иначе. Оставь, Игрейн. Это сложные воспоминания.

Мы идем в тишине. Моя голова восхитительно пуста. Прозрачный воздух, щебет птиц, легкокрылые бабочки. За спиной трое поверженных селян. Первые ласточки. Страшны не регулярные войска, а те кто воспользуется неразберихой в своих интересах. Мелких и шкурных. Я боюсь тех кто воспользуется малейшей оказией, чтоб начать грабить, насиловать и убивать.

— Придется сделать еще один крюк и рискнуть пройти по обычному мосту. Еще раз получить удар двумя, пусть и очаровательными, ножками под дых и наблюдать как ты

летишь в воду — не хочу и не могу. Что еще нас может ожидать?

— Меня хоронили, — пожимаю плечами. — Не так уж и страшно. Хотя когда я очнулась в госпитале, оказалась так стремилась выбраться из гроба что содрала ногти полностью. Выращивать новую ногтевую пластину больно.

— Всех хоронят, — глуховато произнес Чумной. — До тех пор, пока ты не научишься лежать без единого движения пока жизнь по капле уходит. С каждым выдохом.

— И некоторые после этого становятся поэтами.

Так мы и шли. Время от времени обмениваясь воспоминаниями. Точнее, я произносила то, что приходило мне в голову, а Маркус подтверждал, выдавал что-нибудь про себя. А мне невероятно хотелось узнать, какой из двух Динов ему родной. И ответ поверг меня в шок.

— Я родился в Едином Дине.

— Таранис, — выдыхаю я и Чумной заливается смехом.

— Спасибо, но нет. Но лестно, лестно. Я продукт ошибки, никак не божественного происхождения.

— Ты неуязвим?

— Уязвим. Ты уже проверяла, однажды.

— Все равно не помню.

На главную улице последней на нашем пути деревни мы вышли одновременно с вечерними сумерками. Все сказанное Чумным отдавалось горечью. В моей памяти обнаружили дыры. А еще я совершенно четко знала — я причинила ему боль. Там, в нашем общем прошлом я была к нему несправедлива и причиняла боль. И знала, что делаю. Больше всего мне хочется узнать, как и почему он смог меня простить.

Чумной уверенно подходит к небольшому домишке, открывает калитку и проходит внутрь. Я как привязанная иду следом. Ровные линия грядок с лекарственными растениями, пышные кусты зелени. Все это тщательно выполото и заботливо подвязано.

— Айна, это я. Приютишь?

Ответа я не услышала хоть и стояла рядом. Чумной присел на корточки и что-то подобрал, после чего ловко открыл дверь. Пройдя внутрь я с любопытством огляделась. Большая печь, стол и две скамьи. На стенах полки заставленные баночками и фиалами разных размеров и объемов. Под самым потолком гирлянды трав. Дверной проем рядом с печью закрыт выцветшим ситцем.

— Внутри проходить не будем, лесная не гостеприимна. Устраивайся на печке, обойдемся без ужина, хорошо?

— Молока попейте, — глухой голос из-за ситцевой преграды заставил меня вздрогнуть, — не обеднею.

В груди собирается уже знакомый жар, теплеют ладони. Приближается сеанс исцеляющей магии. Подчиню ли я ее себе когда-нибудь.

— Можно я войду к вам? Мне нужно, пожалуйста, — не вижу, как смотрит на меня колдун, ничего не вижу, розоватое марево застилает глаза.

— Зенки прикрой да иди, раз надо, — в голосе и злоба, и боль, и обреченная надежда.

Я иду на ощупь, встречаю ногой кадку, опрокидываю ее и слышу плеск воды. Ситец трещит и рвется под моими руками. Захожу. В горнице пахнет чистотой и травами, как и во всем доме.

— Прямо иди, — хрипло произносит Айна, и я, спотыкаясь прохожу вперед и падаю, падаю на колени руками попадая на что-то мягкое и теплое. Сразу становится легче, жар от

сердца устремляется к рукам и уходит дальше. Через несколько томительных секунд я выдыхаю и откидываюсь на пятки.

— Маркус, забери меня.

— И правда, Марк, прибрал бы горе-целительницу, а то она мне шкаф своротит, — голос ведьмы стал немного живее. А я отмечаю себе на будущее — не жди благодарности если твоя помощь не прошена.

Чумной будто чувствует мое настроение и пытается объяснить, что Айна долго болела и что позже она обязательно скажет спасибо. И что всякое лечение тяжело и для целителя и для больного, и что оно не мгновенно. Что ведьме еще долго пить невкусные зелья.

— Зачем ты мне это говоришь? Разве я прошу утешения или ругаюсь на твою подругу? Нет, я молча пью молоко и собираюсь лечь спать. Я не целитель, Марк, и не собираюсь им становиться. Если ты и правда родился там, где сказал, то знаешь, любой дар можно перековать.

— Ты столько прошла ради того чтобы от всего отказаться?

— Мне солгали, Маркус. Или ошиблись, оттого я ничего и не понимала, меня к тому готовили. Было два варианта, я умираю и я теряю память. Для всего были подготовлены особенные приметки. Только все пошло не так.

— Ты была согласна умереть, — тон Чумного подозрительно ровный. Такой, словно он лишь чудом удерживается от гневного крика.

— Да, только не спрашивай почему. Сейчас я бы не согласилась, а тогда была настроена весьма решительно.

— Ничего что я вас слышу, голубки? — ехидно вклинивается Айна.

— Мне безразлично, — жму плечами, — после такого колдовства всегда накатывает апатия.

Лечение ведьмы обернулось для меня болезнью. Едва успев улежся я провалилась в зыбкие кошмары. Повторился тот сон что снился мне на протяжении последних месяцев. Резкая боль в висках и я выныриваю из сна, сбрасываю на пол одеяло и тут же мерзну. Печка подо мной еще теплая, я жмусь в нее всем телом, собирая крохи тепла.

Руки трясутся, страх давит и мешает дышать. Знобит и бросает в жар одновременно. Глаза слезятся, и на мгновение мне кажется, что я слепну. Мир гаснет.

«— Я принес тебе ромашки, — у него карие глаза, каштановые волосы. Черт лица неуловимо отличаются от обычных, человеческих. Эльф-полукровка?

— Как ты узнал?

— Мне лес подсказал, ты чаще всего выходишь на поляну с ромашками.

— Что ж, спасибо, галантный незнакомец».

— Все будет хорошо, девочка, — горячечный шепот. Я выныриваю из воспоминания и ощущаю себя в крепком объятии Маркуса. Прячу лицо у него на шее, давлю всхлипы.

— Хорошие воспоминания, — неуверенно произношу я. — Я думала память вернулась.

— Чтобы ты не вспомнила, знай, что...

«Воздух раскаленной лавой проникал в организм. Дин-Гуардир пылал. Пылал от жара человеческих сердец. Возгорался, соприкасаясь с вдохновленными битвой колдунами и колдуньями. Да, Проклятые Духи, мы знали, что нам не победить! Но знали мы и то, что станем примером для тех кто придет после. Тех, кто пройдет нашим путем, учтет наши ошибки, сделает нашу смерть не напрасной.

— Именем Правителя Вортигерна, остановитесь, сдайтесь и вам гарантируют пощаду, — молодой, уверенный в себе гвардеец играючи держит щит. Он уверен в себе и в своих надежных товарищах. Они загнали нас в угол. Мы все понимаем, обещание королевской милости не более чем насмешка. Кошка играет с мышкой.

За спиной, в левой руке, уютно устроился стеклянный шар. Он ждет своего часа, краткий миг триумфа перед смертью».

Глубоко вдыхаю, аромат трав исходящий от одежды Чумного щекочет нос. В носу свербит, по щекам стекают горячие, быстро остывающие слезы.

— Маркус Илавейра, седьмой пехотный гвардейский полк, личная стража Правителя Вортигерна, — сухие губы лопаются, чувствую солоноватый привкус. Мужчина крупно вздрагивает и прижимает меня крепче. Шепчет что-то на неизвестном мне языке. Упираюсь ладонями в его плечи, пересиливаю его хватку и отстраняюсь. Смотрю на ставший родным клювастый профиль. Вглядываюсь в бездушное стекло закрывающее глаза. Внутри меня кипит что-то темное, страшное. И я не хочу, чтобы это вылилось в мир.

— С возвращением, кадет Игрейн.

— Чтоб ты подох в придорожной канаве, Илавейра, — тяну я на одной ноте. Дважды, дважды влюбится в ублюдка. Неудачница.

— Не простила?

— Ты меня предал, — я смеюсь и плачу одновременно. — Ох, Бригитта, я-то думала, я тебя обидела. А это ты, влез в душу, в сердце... Молодец. Много получил за сорванный заговор против Правителя? Повысили? Может, корову подарили, а?

— Шрам во все лицо, Игрейн. Подлый удар от любимой девушки, — смех в голосе

Чумного сводит с ума. — У тебя горячий нрав, Игринка. Остынь и поговорим. Я клянусь своей магией что не замышляю дурного.

— Не называй меня так, — передергиваюсь от отвращения. — Никогда. Дурное у каждого свое, Чумной. Уйди. Нет. Сними маску, должна же я полюбоваться на тебя, конфетка.

Он поднимает руку, касается левого виска и маска тает, обнажая лицо. Я не успеваю рассмотреть его, как вновь проваливаюсь в воспоминания.

«В узких коридорах не удобно сражаться. Ни нам, ни им. Но гвардейцы лучше обучены, они побывали в десятках сражений — личная гвардия Правителя состоит из ветеранов. И где-то среди них, обнажив клинок, мечется мое сердце. Эльф-полукровка, хитрый, гадкий мерзавец. Истинный профессионал. Теплый, стеклянный шар в моей руке гудит от напряжения. Это подарок для любимого».

— А хорошо я тебя приложила, да? — только и успеваю прохрипеть, выталкивая изо рта слова пополам с кровью. И память вновь затягивает меня в свой омут.

«— Нет кровавой тирании! — задорно кричу я. Растягиваю губы в улыбке и бросаю в него шар. Илавейра играючи принимает подачу на щит и широко распахивает глаза. Особая начинка в моей игрушке проедает поставленные им барьер и раскаленной стальной стружкой уродует лицо. Едкая кислота попадает на камзол, растворяя дорогую ткань и добираясь до кожи. У эльфов невероятная регенерация. И сейчас это только во вред.

Нас осталось трое. Марки вынесли из коридоров, жаль не вперед ногами. Ничего, он еще будет стоять здесь. Через пару лет или месяцев. Закрыв лицо плотной маской. Я-то знаю, как эльфы ценят свою внешность. Не осмелится выйти на улицу с перепаханной рожей. А если и рискнет, ушастая родня не позволит».

— Сам маску надел, или заставили? — стук в висках утихает. Я сглатываю сухим горлом и облакачиваюсь на стену. — Можешь не отвечать, мне все равно.

— Игрейн, обожди пока память не вернется полностью.

— Я помню, как очнулась в цепях, в темнице. Рядом стоял очаровательный мужчина с голым торсом. Лицо закрыто колпаком с прорезями. Не знаешь, кто бы это мог быть? Фея? А, Илавейра? Родители купили мне жизнь, или меня отдали для ритуала в качестве жертвы? Чему верить? Ритуал Дарующий Свет, принимающая Божественный Дар должна быть чистой духовно и физически. И должна быть ее противоположность, верно? Я должна была погибнуть. Или ничего не вспомнить. Что бы было идеально?

— Маркизат Амлаут под твоим руководством поглотил бы оба Дина, сделав нас едиными. Но ты сопротивлялась, родная моя. Тебе осталось вспомнить несколько месяцев, девочка.

Я все еще люблю его. Карие глаза моего полукровки выцвели до желтизны. На левой стороне, среди шрамов, мелькают серебряные искры. Он сравнивал меня со звездой, и я решила подарить ему карту звездного неба. На долгую память.

Илавейра шуруется. Увы, он не стал настолько уродлив, насколько мне бы этого хотелось. В его глазах ласка и нежность, я бы отдала душу за такой взгляд. В прошлом. Пара месяцев чудесных воспоминаний о темнице и пытках. Неужели оно мне нужно? Нет, не нужно.

— Думаешь, я хочу вспоминать застенки королевской темницы, — я смеюсь. Пусть в веках горит свет Тараниса, надоумившего меня молчать о своих запретных знаниях. — Т-шэол тха-гаррис.

Самое простое в этом заклинании — вербальная формула. А вот вообразить свой разум в виде сгустка энергии уже сложнее. Запретная магия. Часто колдуны и ведьмы сходили с ума пытаясь овладеть этим искусством. Я справилась. Теперь воспоминания не придут незваными, не ударят в спину. Только по желанию. Но желания нет, а значит дальше только настоящим. Достаточно.

— Что это было?

— Больше никаких воспоминаний, — я криво усмехаюсь. — Куда ты меня вел, гвардеец? В распростертые объятия деда?

— На границу земель, там нас встретят. Почему больше не будет воспоминаний? — Чумной был растерян. В глазах мелькнула тень боли. Настолько быстро, что я не знаю можно ли этому верить.

— Потому что я была влюбленной душой, и Таранис надоумил меня промолчать о своих знаниях. Чтобы ты на моем фоне умнее казался. Мужчины любят быть первыми, правда?

— Я не взял тебя тогда, — напомнил мне Чумной.

— А я рада. Смотрю на тебя и понимаю, кроме смазливой мордашки у тебя больше ничего и не было, — я хочу сделать ему больно. И делаю, он отшатывается, перебирает в воздухе пальцами, но маску не призывает. Значит все-таки чистокровные родичи заставили скрыть лицо.

— Решил быть смелым?

— Мы помирились, Игрейн, — Чумной стонет, трет лицо ладонями и отчаянно смотрит на меня. — Мы примирились с тем что произошло.

— Мне все равно, Илавейра, — выцветшие глаза Чумного жадно следят за мной.

— А мне нет.

Он упирается руками в стену, блокирует меня. Легко касается своими губами моих. Выучка и выдержка помогают мне игнорировать его действия. Илавейра кусает меня за нижнюю губу, до боли сжимает пальцами плечи. Это насилие. В ответ я сильно кусаю его. Не игриво, нет, до крови, пытаюсь разорвать губы зубами. Он отшатывается. Подбородок в крови, и его и мой. Я утираю рот ладонью, смотрю на пальцы и скривившись, оттираю их о его одежду.

Мы оба тяжело дышим. Во мне кипит такой ураган эмоций, что выделить хотя бы одну не возможно. Чумной стирает кровь платком. На его нижней губе на глазах наливаются синяк. Да, у меня горячий нрав.

— Я примеряла к себе твою фамилию. Игрейн Илавейра, мерзко звучит.

— Звучит прекрасно, — он проводит пальцем вдоль моей скулы, — знаешь, из застенков я вытащил дикую, озлобленную кошку. Но мы со всем справились.

— А почему ты думаешь, что я не притворялась? — и мне действительно это интересно.

Илавейра замирает. Всем телом превратившись в ледяную скульптуру. Я подпираю кулачком подбородок и смотрю на него. Пусть моя жизнь в руках кукловода. Я смогу разобраться и вынести правильную нить. Выплести из общего гобелена и раскрасить своей краской.

— Долго нам еще добираться?

— Пара часов от деревни. Они уже там, — Чумной озадачен. Проигрывает в своей голове наше общее прошлое, пытается угадать.

Некстати вспоминается нежность его рук. Когда он лечил меня.

— С каких пор гвардейцы стали целителями такого уровня?

— Я не был боевым магом. Просто армейский целитель.

— Что ты делал на улице в ту ночь?

— Искал тебя. Игрейн...

— Нет. Я больше не буду тебе верить. Просто закроем эту страницу. Ты меня предал, я тебе отомстила. Сдашь меня кому надо, и все, иди, ты свободен как ветер.

— Сдашь, — горько произносит Чумной.

— А разве нет? Проклятые духи, как же мне страшно.

— Ты помнишь, что должна мне? Ты обещала выполнить один мой приказ, любой. Это магически подтвержденное обещание.

— Увы, это я вспомнила.

— Если тебе предоставят выбор, ты выберешь меня. Клянись.

— А что за выбор? — живо спрашиваю я. — В жертву приносить? Согласна, это я с удовольствием. Клянусь выбрать Маркуса Илавейру из всех претендентов на незнамо что в течении суток.

— Да, в жертву, — криво улыбается Чумной. — Одной жутко упрямой и глупой баньши. Собирайся, выходим. Игрейн, ты стала умней. Еще немного и станешь как дед — сухой, жесткой и глубоко несчастной.

— Жду не дождусь.

Думай, что хочешь, Илавейра. Проблема в том, что я сама не понимаю почему присоединилась к бунту. Это не был наркотик и не было ментальное внушение. Неужели я просто повелась на речи о Благе Для Всех? Растеклась медовым варом лишь услышав, что от меня зависит судьбы Дин-Гуардира? Я ведь не хотела на трон.

Я сижу, закутавшись в одеяло. Илавейра с тихим шорохом собирается в дорогу. Смешивает зелья, разбавляет слабым чаем и протягивает кружку мне. Высвобождаю руку и пью.

— Даже не спросишь, что там?

— А если мне все равно?

— Прошло много времени с тех событий, — немного помедлив произносит Чумной.

Я не отвечаю. Да, время прошло. Я смирилась и пережила поражение — если верить ему. Или нет. Но я не помню этого. В груди откипел гнев, и собственное решение ограничить воспоминание показалось поспешным. Все же, я девственница, если меня пытали в темнице, обошлось болью. А это учили терпеть.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — поднимаю на него глаза. Безразлично скольжу взглядом по лицу, шее и присматриваюсь к вороту рубахи. Там тоже шрамы. Кислота. Может мама была права и идти нужно было на факультет Прикладной Магии? Соображалка работает, когда надо.

— Все будет хорошо.

Все будет хорошо. Хорошо. Это как? Вернутся назад, бросить ему в лицо тот несчастный, чахлый букет ромашек? Или еще раньше? Не пойти на тайную студенческую сходку, никогда не познакомиться с Наставником? Кажется я запуталась.

Насколько проще было вчера. Можно было обнять Чумного, доверится, знать, что он не подведет. Мне и сейчас хочется подойти, взять под руку, позволить вести себя и верить, что оступиться и упасть мне не позволят.

Укрепляющий настой подействовал. Ноги перестали дрожать и я соскочила с печки. Размялась немного, потянулась и поняла, сбежать не получится. В теле поселилась истома,

вялость. Идти будет тяжело.

— Все предусмотрел? А если не дойду?

— Отнесу тебя на руках, — Илавейра очень серьезно посмотрел на меня. — Я позволил тебе решать самой. Итогом стала гражданская война в чужом доме, Ковен в центре конфликта. Атолгар хороший человек.

— Который должен стать мне хорошим мужем?

— Он покорится воле твоего отца и твоему желанию, выбора у боевика нет. Но ты сможешь жить с мужчиной, влюбленным в другую женщину?

— Все-таки любовница Кардорга?

— Нет, — отрезал Илавейра, — не она. Я совсем справлюсь Игрейн. Ты доверяла мне поверишь и еще раз.

— Самовлюбленный поганец, — я качаю головой.

Я не смотрю по сторонам, не отвлекаюсь на цветы и порхающих бабочек. Взгляд устремлен в землю. Сколько знал маркиз? Что вообще известно о нашем студенческом заговоре? Что стало с Наставником?

— Кого ты любишь, Игрейн? В прошлый раз ты первым делом о нем спросила, — Илавейра разворачивается ко мне так, чтобы поврежденная часть лица осталась в тени.

— Себя люблю, — огрызаюсь я, — ибо если не я, то кто же?

— Я, например, — безразлично пожимает плечами Чумной.

Лес редел, открывая вид на непаханое поле, заросшее высокой травой с редкими проблесками крупным ромашек. Солнце припекало, отражалось бликами в железных наплечниках бойцов.

Три отряда застыли друг против друга. Над конными воинами реял штандарт Дин-Гуардира. Гвардия в цветах Кардорга и добротна, но разномастно одетые бойцы Атолгара. Квинт, глядя мне в глаза, подмигнул. Стало немного теплей.

— Нам туда, — Илавейра кивнул на шатер.

Внутри мы вошли первыми. Круглый стол, сервированный к обеду, стулья, чьи спинки украшены замысловатыми бантами. Что будет-то? Три высоких стула, три правителя, и табурет без спинки для меня. Илавейра остался стоять у полога.

— Внучка, — с этими словами мой дед прошел в тень шатра. — Рад тебя видеть.

Я смотрела на него. Высокий, крепкий, наголо обритая голова — он был похож на Терциса. Серьезные, живые глаза.

— Правитель, — склоняю голову. Я не помню почему хотела ему смерти. Но я помню, что мне нравился Дин-Гуардир таким, каким он стал именно под его рукой.

— Братя просили оставить тебе жизнь. На время переговоров тебе даруется право выбрать гарант безопасности, — дед очень внимательно смотрел на меня.

От радости у меня зашло сердце. Вот он, выход.

— Согласно данной клятве, я выбираю Маркуса Илавейру, — я горжусь собой. Глядя в потерянное лицо Чумного, я понимаю, что судьбоносный выбор должен был произойти позже.

— Что ж, достойный выбор. Дор Илавейра один из моих доверенных людей. Я опасался что ты выберешь кого-то из Ковена. Пригласите господ переговорщиков, дор Гарант.

Скупые, четкие движения Илавейры выдавали его волнение.

— Что происходит? — я смотрю на деда. — Почему я предала тебя?

— Я допустил ошибку, — Вортигерн склонил голову, — потерял все поверив, как и ты,

не тому человеку. И сегодня мы все исправим. Ты станешь платой за покой и единство.

— Замуж?

— Замуж, — повелитель кивнул, — если бы только замуж. Ты привлекательна, но не стоишь и половины того, что мы получим. Тебе придется покинуть родину и уйти на Островную Башню. Помолвка и свадьба, все сегодня. Сейчас.

— Илавейра...

— Он хочет спасти тебя, дорогую цену придется уплатить, — мягкий говор. За спиной стоит шаман. Лицо утопает в тени широкополой шляпы, подбородок рот и нос прикрыты платком.

— Проклятые духи, что за мода у мужчин пошла — лица закрывать? Меньше пафоса, господа, — рыкнула я и шагнув вперед сдернула с шамана и шляпу и платок. — Эльф? Я окончательно перестала понимать происходящее.

— Тебе и не нужно, — эльф вежливо улыбнулся. Вежливо, в понимании эльфов. А так, просто растянул в стороны губы показав передний ряд зубов. По нему было видно насколько отвратительно ему быть среди людей, в неподходящей его статусу одежде.

— Синие глаза, темные брови и почти белые волосы — правящая династия. Великая честь, — я круто поворачиваюсь спиной к эльфу и сажусь за стол. — Если мне ничего не объяснят, я буду творить глупости.

— А она это делает с размахом, — тут же прогудел милорд Терцис. В шатер он вошел следом за маркизом. Я тут же подскочила на ноги.

— Я виновата, — глаза в глаза. Атолгар усмехается:

— Я не удивлен. Все образуется, мои люди живы. Мы не понесли потерь. Но выслушать что происходит хотим все.

— А я сердит, девонька, — доверительно прогудел Квинт, сдвигая эльфа в сторону. — Герат ушел на рассвете. Крыса библиотечная послала его к лешему, и он пошел.

— Друид редко ошибается. Я буду молиться Богам чтобы они сплели ему славную судьбу.

Квинт пригребает меня в объятия и чуть-чуть покачивает, как маленького ребенка. И я внезапно осознаю, что нет ничего плохого в том, чтобы стать частью Ковена. Что справиться можно совсем, если захотеть. Что моя глупость и дурость разрушила все, к чему я стремилась. И страшным шепотом спрашиваю Квинта, утыкаясь губами ему в ухо:

— У меня будет еще один шанс?

Боец отстраняет меня, с прищуром заглядывает в мои глаза и, найдя там что-то, медленно кивает. Касается сухими губами моего лба и легко подталкивает меня назад, к столу. Повелитель Вортигерн недовольно хмурится, но я-то вижу, что он чему-то рад.

— Вы говорили, что в вашей внучке есть наша кровь, — мелодично произносит оскорбленный эльф. — Слишком мало. Она слишком человек.

— Когда это мешало вашему народу? У нас по деревне шпук пять бегают, — раскатисто произносит Терцис.

Эльф сверкает синими очами и грациозно присаживается за стол. За моим плечом замирает Илавейра, справа от меня сидит дед, слева Атолгар. Между маркизом и эльфом присел незнакомец. Вероятно это бастард из династии Кардорг.

— Заговор мы преступно проворонили, — начинает Вортигерн. — Работали сразу в двух Динах. Кардоргам досталось сильнее чем нам.

— Ты имеешь ввиду, когда Адеррин остался единственным претендентом на трон? — я

повертела в руках ягодку винограда. — А мы?

— Ты не хотела на трон, — с гордостью произнес дед. — Тебе преподнесли верную информацию, поданную особым образом. Вспомни, чего ты хотела? За что боролась твоя группа?

— За ограничение твоей власти, — я прикусываю и так пострадавшую сегодня губу. — Кого-то это не устроило?

— Нас грозит опасность извне, — эльф перетек из одной позы в другую. — Нужно объединится.

— Два Дина не склонятся друг перед другом, — негромко произнес молодой мужчина.

— Люди не поймут, — степенно кивнул Вортигерн. — Но мы все можем объединится вокруг маркизата Амлаут.

— А Дарующая Свет будет причиной для обывателя. Мол, чтобы не затевать войны вокруг чудо-целительницы, мы делаем ее нашей королевой, — так же спокойно произносит Кардорг.

— Какой из меня свет? — хрипло переспрашиваю я.

— Не очень, эльфийка подошла бы лучше, — отзывается так и не представившийся эльф. — Но при проведении ритуала сила ушла к тебе.

— И что сейчас? И потом?

— Свадьба, — Вортигерн пожал плечами. — Меня так растрогает ваша трепетная любовь, что я поклянусь маркизу в верности.

— А я испугаюсь что они станут дружить против меня и потребую принять меня в вассалы, — все так же безразлично произнес незаконнорожденный уже почти не король.

— Что с ним? — я повернулась к Терцису. Тот помолчал и вздохнул:

— Невесту успели отравить, шанс попасть в королевы выпадает не каждый год. Не думай об этом. Нас всех вели как слепых кутят. Вортигерн и владычица Аэль лишь в последний момент смогли договориться.

— Что за опасность извне?

— Эльфийские прорицатели видели в своих видениях чужие корабли и полыхающие острова шаманов. По их прикидкам у нас лет десять на подготовку.

— Шаманы знают? — я провожу пальцем по губам. Мой Гарант кладет руку на мое плечо и крепко сжимает.

— Оттого все и перепугались — тамошнему главному шаману было подобное видение.

— И что, никаких Избранных? — если есть пророчество, должно же в нем быть что-то полезное.

— Трижды умершая явно не ты, — смеется Терцис, утирая выступившие от смеха слезы.

— Друид чертит свадебные круги, — в шатер заглянул молоденький воин.

Атолгар сгорбился держась за голову. А мне в голову ударило воспоминанием, Илавейра сказал у него есть любимая. Я уложила руку на сгиб локтя маркиза и потянула на себя:

— Уживемся, — он поднимает на меня удивленные глаза, и я продолжаю, — я слышала у тебя есть любимая женщина. Как-нибудь уживемся. Или ты по другому поводу страдаешь?

— Просто представь, что в моей тихой крепости с сегодняшнего дня столица Объединенного Острова. Или как там эти грамотеи решили нас обозвать, — печально вздохнул боевой маг. И я содрогнулась и тут же добавила:

— Надо строить с нуля. Пусть все родовитые, кто хочет жить в столице сами отстраиваются, ты им землю выдели.

— Так они и рванут в маркизат, — недоверчиво проворчал Терцис.

— Если мы выстроим свою резиденцию и дадим роскошный бал, если перенесем все театры. Им же нужно перед кем-то выгуливать платья и драгоценности, — я накрутила на палец выбившийся из косы локон.

— Я дам им землю, а в оплату возьму строительство нескольких школ и целительских покоев, — встряхнулся Атолгар. — И нескольких многосемейных домов.

— Гарнизон, опять же. Вы это не обсуждали? — удивляюсь я.

— Боялись сглазить, — эльф передернулся, и положил на стол свиток, — владычица придет в новую столицу своих мастеров. Они будут выращивать стены и дома. По всему берегу поднимутся наши сторожевые башни.

Я боялась застрять, застынуть в сонном спокойствии Ковена. Не хотела считать одеяла и растить хлеб. Я хотела заниматься чем-то осмысленным, вложить себя в свое дело.

Оставив мужчин обсуждать свои таинственные дела, я выскользнула из шатра наружу. Следом за мной вышел Квинт.

— Ты моя тень?

— Да, — кивнул Терцис, помолчал и продолжил, — Лидда крепко сердита на тебя.

— За что?

— Герад ушел, — Квинт потер шею.

— Из-за Сирилл, — я вздохнула и сжала обоими руками могучее предплечье воина.

Сказать мне было нечего. Я хотела счастья для обоих, но не учла слабости леди Библиотекаря. Не решилась стать счастливой, не беда.

— И где он теперь?

— На островах, с шаманами договаривается, будут вместе строить заграду, ожидать эльфийской помощи, — Терцис сплюнул, — вестника придет как устроится.

— Он упорный и сильный маг, он справится. Глядишь и жену там же себе найдет.

— После того что вытворила твоя протее, вряд ли он захочет связываться с женщинами.

— Подробности я желаю узнать потом.

Мы постояли еще немного. Квинт достал кiset с табаком, трубку и отойдя на пару шагов закурил. Я, обняв себя за плечи, досчитала до ста и вернулась в шатер. Пора уже принять участие в будущей судьбе.

В шатре зябко. Со стола убраны все следы унылого обеда. Вместо этого на чистой, перестеленной скатерти разложены элементы моего свадебного гардероба. Жемчужно-серое нижнее платье из эльфийского шелка с минимумом вышивки и тонкой, почти невидимой полоской кружева по облегающим рукавам. Верхняя часть на тон темнее. Лиф по краю украшен серебряным шитьем и опалами, широкие рукава и пояс обработаны точно так же.

Об этом позаботился дед. И я даже знаю, что это за платье. Единственный портрет Стальной Королевы, моей бабушки, написан под впечатлением художника от свадебного наряда. И если сплетники говорят правду, что писался портрет с портновского манекена — королева отказалась позировать живописцу. Поэтому черты лица Стальной Королевы не соответствуют воспоминаниям современников.

Нижнее платье сидит как влитое. Суровая, молчаливая служанка помогает мне правильно расположить его на себе. Ее движения жесткие, непрофессиональные. Такого рода работа явно чужда этой высокой, суровой женщине.

— Вы очень красивы, миледи, — старательно произносит она. Именно старательно. Так словно составила в голове фразу, осмотрела ее с нескольких сторон и признала годной.

— Благодарю, в этом есть и ваша заслуга. Вы? — в противовес отвечаю не задумываясь.

— Я ваша новая камеристка, Элен Ходери, — коротко произнесла женщина.

— С каких пор в камеристки идут люди с открытым волшебным даром? — я лишь чудом заметила на ее руке браслет-накопитель, чем сразу же и поделилась.

— С тех пор как бунтарки становятся королевами, миледи.

Я вздохнула, и заметила, что корсет нижнего платья можно затянуть туже.

— Вы должны легко двигаться, миледи. С полностью затянутым корсетом это невозможно.

— И верхнее платье слишком тяжело для меня, слишком много серебра и камней чтобы я могла что-то большее чем просто не упасть, Элен. Но я не хочу быть посмешищем на собственной свадьбе. У островитян бывает по нескольку свадеб, но не у нас. Достаточно того, что я итак в чужом платье.

— Ваша бабушка...

— Была прекрасным человеком и эталоном женственности, если откладывала арбалет в сторону, — жестко отрезала я. — И да, я собиралась использовать ее платье как образец для своего. Образец, Элен. Образец, это когда шьют по мотивам прошлой эпохи. А не вытаскивают из подвала сундук со старым тряпьем, — я едва не сорвалась на крик. Моя невольная камеристка поспешно подала фиал с успокоительным зельем и я выпила его не возражая. Не хватало испортить выматывающую церемонию истерикой.

— Да, миледи.

Ей тяжело дается играть в подчиненную. Скулы порозовели, дыхание сбито. Дед отдал лучшую из лучших чтобы хранить мою жизнь. Может ли так быть, чтобы правитель Вортигерн чего-то не продумал? Того, что опытному офицеру будет омерзительно играть роль прислуги? Не на час и не на день. На несколько лет, или и вовсе, всю жизнь? Пора принимать решения.

— Когда мы прибудем на место будущей столицы, Элен?

— Земли Ковена? Через три дня, — немного рассеянно ответила она.

— К этому времени ты должна предоставить мне список придворных дам. Равное количество из всех двух государств. По поводу дам из Ковена я буду думать сама. Учти, что возглавлять этот змеюшник будешь ты.

— Я не благородной крови, — не возражая произносит Ходери. И смотрит на меня оценивающе, взвешивает.

— Все, так или иначе, с чего-то начинали. Мне нужна опора, Ходери, а не прислуга.

— Прислугу я подберу сама, — она кивает. — Я рада служить вам, моя Королева.

На последней фразе она с такой силой затягивает мой корсет что я давлюсь очередной пафосной фразой. Ладно, хорошо, иногда лучше промолчать.

Верхняя часть наряда давит мен к земле. Жесткий, тугой лиф кажется сдавливает меня сильнее чем корсет. Бабушка всю жизнь носила офицерский камзол и в этом платье есть что-то от парадной формы гвардейцев. Слишком глубокий вырез — за счет того что в некоторых местах миниатюрней своей монаршей родственницы. В широких рукавах удобно прятать ножи, и я действительно нащупываю там пустые кармашки. Ох и интересную жизнь прожила моя бабушка.

— Все готово, моя королева, — и в голосе уже гораздо меньше насмешки и больше, пока еще призрачного, уважения.

— Ты можешь обращаться ко мне по имени, Элен. Наедине и при доверенных людях, — веско роняю я. Новая жизнь и новые правила. Ходери кивает, по-военному четко и просто. После чего легко скидывает коричневое платье служанки, на мгновение продемонстрировав сильное тело.

Штаны, рубашка, жилет и камзол. Густая копна волос прячется по шляпой. Моя первая дама предпочитает мужскую одежду. Колдуньи часто предпочитают вызывающую одежду, яркие платья с глубоким декольте и разрезом выставляющим напоказ стройные ноги. А вот чтобы прятались под мужскими шмотками — такое вижу впервые.

На улице стемнело. Амлаут оставил своих бойцов чтобы доставить невесту до свадебных кругов в целости и сохранности. До того как я переступаю порог, ругнувшаяся Элен связывает мне ритуальной лентой запястья. Даже так? Будем делать вид что маркиз добыл мою ленту во время Свадебной Недели?

— Слишком сильно, — бурчу я, и Ходери нервно улыбается:

— Я тоже нервничаю, моя королева.

— Это доверенные люди, — вздыхаю я и улыбаюсь Терцису, он так же криво ухмыляется в ответ.

Нас охраняет ближний круг Амлаута. Терцис, Харт и Ан. Неподалеку крутится Эгги веселя бойцов деда. Люди пришедшие с бастардом Кардорга мрачны, они сжимают пальцы на рукоятках мечей, но не рискуют протестовать открыто.

Далеко от шатров огромные ростовые костры, для нашей свадьбы и коронации готовится угощение. Простое, в духе всего что происходит — мясо, хлеб и сыр. Может найдут что-то из овощей, но вряд ли.

Ходери церемонно передает меня будущему супругу и брови Атолгара взлетают вверх когда он видит узлы на моих запястьях. Я украдкой пожимаю плечами.

Громкий, резкий голос незнакомого друида призывает благословение на наши головы. Я надеюсь на это, потому что на самом деле такой тон больше подходит для проклятий. Одно из условий Амлаута — коронацию проведет ковенский друид.

Брачный огонь выбрасывает темные искры. Богов не обмануть дешевыми лентами и

старым платьем. Они смотрят глубже, в сердца. Одно могу сказать — я готова полюбить своего жениха и мужа. Мало? Неужели вам этого мало? И Огонь вспыхивает золотом осыпаясь быстро тающими искрами.

Кроме имен Богов я не различала больше ничего — тайный язык друидов не терпит не посвященных. Мы проходили сквозь круги и маркиз крепко держал меня за талию. Остановившись в центре круга, Амлаут встал на одно колено и легко разрезал путы на моих руках. Друид поперхнулся своим речитативом.

— Ты сумасшедший, — я легко прижалась губами к колючей щеке бойца, и он ловко повернулся подставляя вместо щеки губы. Мои скулы загорелись, пусть у нас и были поцелуи в прошлом, но это короткое прикосновение смутило меня больше других.

— Я не коснусь тебя пока ты не позовешь, — серьезно произнес маркиз. От смущения я не знала куда деваться, поэтому спрятала лицо на груди своего теперь уже супруга.

Из густой тени позади друида вышел Галах. На краткую секунду его белый балахон показался мне залитым кровью. Игра света и тени поразившая меня сошла на нет. Величественность образа ковенского друида портили смеющиеся глаза. Чем-то он был очень доволен.

На мою голову надели свежий венок из трав и цветов. Если мне дадут время, я даже припомню соответствующую легенду. Но времени мне не дают.

Для моего супруга, Первого Короля Объединенного Дина припасена корона из железа. Целая династия королей-воинов встретила в ней свою смерть. Железный венец убивал своих королей, никто из его владельцев не встретил свою смерть в тишине супружеской спальни. Плаха и топор, яд и веревка или арбалетный болт — так или иначе их убивали.

— Замужем за Смертью, — шорох слов друида заставил вскинуться. Что он сказал?! Кто-нибудь еще слышал, что он сказал?

— Тише, Игрейн, сейчас все закончится, — Амлаут прижал меня к себе. Корона на его голове горела своим, призрачным светом и никто этого не видел. Кроме меня. И Галаха. И я вытрясу из этого самодовольного друида все его тайны. Меня не устраивает перспектива стать вдовой!

— Отныне все в твоих руках, Первая Королева Объединенного Дина.

Голову сдавило будто тисками. Невесомый венок начал давить на виски, и даже как-то покалывать кожу головы. Как только все закончится сниму его и растопчу с особым удовольствием. Виски сдавило до боли и тут же отпустило.

— Корона из Трав и Цветов вновь пришла в наш мир, — друид широким жестом указал на меня, и я приняла уверенный вид. — Цветение Первой Королевы подарит мир и благодать нашему государству.

На память пришла гравюра из библиотеки, тонкая эльфийка с волосами спускающимися до щиколоток и цветами растущими прямо из головы прелестницы. По коже пробежала стайка мурашек — это не похоже на счастливое будущее. Нет, серьезно, простых человеческих сложностей и так будет достаточно. Строить государство на осколках двух Динов, имея за спиной лишь боевой Ковен — это слишком легко что ли?

Остаток церемонии и воодушевляющую речь друида я пропустила. Я была слишком занята пытаясь ощупать венец. На ощупь он был холодным, словно и правда выкован из металла.

Маркиз, то есть, теперь уже король, мой супруг, подхватил меня под локоть и подвел к широкому бревну. Здесь в густой тени приятно пахло свежими стружками.

— Наш свадебный пир довольно уныл, Игрейн, — неловко произнес Амлаут, он не знал куда деть руки и сложил их перед собой. Как очень старый, умудренный опытом друид.

— У нас все довольно уныло, — я пожала плечами, — но это не страшно. Я должна позаботиться о людях?

— Да, передохни немного.

— Если я сяду, после уже не встану. Этот наряд тяжел настолько, насколько он выглядит и еще чуть-чуть.

— Тогда идем.

В свете костров туша кабана выглядит сыроватой. Жир брызжет на раскаленные угли, распространяя великолепный аромат. Рядом суетятся два дюжих повара.

— Просто срежь верхние куски, они готовы. А остальное дожарим.

Я отрезала ломти, а король стоял позади меня, поддерживая тяжелые рукава. Все ж таки такое платье, раритет. А меня интересовала только одна мысль — когда уже кончатся все эти именитые лорды и можно будет сесть? И отправить Атолгара добывать пропитание оголодавшей королеве?

— Вот и все, молодец, ты справилась.

— Еще не совсем. Элен Ходери, первая дама Объединенного Дина, — громко позвала я.

Она вошла в освещенный круг не глядя ни на кого кроме меня. Из под шляпы торчал рыжий локон. На плоскую глиняную тарелку, я выложила крупный ломоть мяса. Хотела добавить сыр, но этим я могла оскорбить тех, кого одарила едой ранее. Нарушать традиции следует осмотрительно.

Первый укус Элен сделала не отходя от меня, рассматривая свою королеву огромными, сияющими глазами. Откусив, она протянула надкушенный ломоть мне. Упрощенная версия присяги на верность. Разделить еду. Я приняла мясо и, откусив небольшой, жесткий кусочек, вернулся назад. Ходери поклонилась и исчезла в темноте.

— Вот теперь точно все. Отведи меня к тем восхитительным бревнам.

Амлаут фыркнул и подхватил меня на руки.

— Надо же и правда тяжелое платье, — шепнул он мне на ухо.

— Мой король испытывает дискомфорт? — смеюсь я.

— Что?

— Тяжело тебе, спрашиваю?

— Нет, могу носить тебя на руках всю ночь, — отозвался Атолгар и тут же добавил, — но платье лучше снять.

Посадив меня на бревно король ушел. Вместо него ко мне подошла Ходери, она принесла полотенце и помогла оттереть руки от жира. Женщина выглядела уверенной в себе и крайне довольной. Мне казалось еще немного и она замурыкает как большая кошка.

— Я мяса не ему, обычно. Но этот кусок съела, — неожиданно произнесла она.

— Ты друид?

— Посмотри на почтенного Галаха, он в одиночку уже половину кабана съел, — засмеялась Элен. — Нет, просто не ем.

Она ушла так же быстро как и появилась. Отговорилась что ее работа уже началась. И оставлять меня не страшно, могучие плечи Терциса не перепутать ни с чем. Вокруг площадки на которой меня оставил Атолгар крутились бойцы Ковена, ненавязчиво оттирая в сторону гвардейцев Вортигерна.

Запах жаренного мяса дразнил нос. Чьи-то осторожные шаги заставили встрепенуться.

В воздухе кружились сотни огненных шаров, но это не улучшало видимость. Напротив, ночь становилась гуще.

— Держи, — рядом со мной опустился Илавейра. На широком глиняном блюде лежал кусок ароматного мяса, несколько полосок вяленого сыра и хлеб. Рот тут же наполнился слюной. — Моя королева.

— Спасибо, Марк, но я совсем не голодна, — улыбаюсь и пожимаю плечами. — Я не думаю, что наместник Вортигерн отпустит тебя в новую Столицу.

— Ты могла отказаться от этого всего, — он неуверенно повел рукой.

— Ты действительно считаешь, что мы могли быть счастливы? Я не умею прощать, и даже если ты пробудил во мне любовь, надолго ли она удержала бы мой гнев? Изможденная, слабая, я все равно не видела в тебе защитника.

В неверном свете неясно, действительно ли скулы Илавейры вспыхнули краской гнева. В любом случае аппетитное мясо летит на землю, а сам мужчина резко уходит.

— Я тоже добытчик, — со смехом произносит Атолгар, выходя из-за моей спины. — Правда, для короля тарелки не нашлось, но нам, простым бойцам и лист лопушиный подойдет. А вы, моя леди?

— Всю жизнь мечтала есть руками с лопушиного листа, — я смеюсь и подхватываю горячий, истекающий соком кусок мяса. — М-м-м, милорд, с ролью добытчика вы справились на ура.

— А то, — горделиво приосанился маркиз, то есть король, и тут же рассмеялся, чтобы сникнуть, — Игрейн, какой из меня король? Я Ковен вытащить не смог.

— А из меня королева? Ты хоть знал, что я подняла мятеж против собственного деда?

— Не ты, — попытался возразить мой супруг.

— Но я была знаменем. Думаешь мало претенденток на корону и тебя? Нет, они просто надеются что простые люди, замаранные в том мятеже, успокоятся. Мол, вот мы хотели Игрейн на престол поднять, вот она и там. Но те кто все это начал...

«Свяжись со мной». Как наяву прозвучал глухой, пугающий голос.

— Я не допущу чтобы ты пострадала.

— Поэтому добудь нам еще мяса и вина. Праздник у нас, мой король, или нет?

Атолгар рассмеялся и прижал меня к себе.

— Ты сегодня невероятно прекрасна, — шепнул он мне на ухо, обжигая кожу дыханием. — И мы будем веселиться на нашей свадьбе, пусть она не отвечает ни твоим, ни моим представлениям об идеальном дне.

Я бежала от ответственности за Ковен, боялась не справиться с ролью жены и матери главы боевого братства. Что ж, я избежала этой сложной и тяжелой судьбы. Стать Первой Королевой Объединенных Динов — лучше бы я сидела в Ковене.

Теперь у меня есть собственный, королевский кабинет. Малый кабинет королевы. На эльфийских чертежах он выглядит просто сказочно. Сейчас я сижу на мешке с песком в грубых штанах и рубашке, голову прикрывает шляпа. Пытаюсь разобраться в том, что мне написала Ходери, я совсем не уследила за временем.

Потягиваюсь, стараясь на пошатнуть половинку дверного полотна — милорд Терчис самолично создавал подобие стола для своей королевы. Два ящика и половинка двери. Проклятые Духи, чувствую это будет сложным временем.

Ласковый ветерок пробежал по щеке, пощекотал шею и оказался покорным слугой моего супруга. Бумаги оказались сдвинуты на край импровизированного стола, а прямо передо мной оказался поднос с двумя щербатыми чашками и тарелкой кривоватый бутербродов.

— Доброго дня, сердце мое, — тепло произносит Атолгар.

— Сердце твое? — что это, изысканная насмешка или такая желанная правда?

— Какие бы глупости ты не услышала, — боец хмурится, — но я принадлежу тебе. Ты спросила зачем тебе оставаться в Ковене, — неожиданно вспоминает он.

— Теперь это уже не имеет значения, — предельно аккуратно размещаю в чашке сахар. Пусть он не догадается, насколько важно мне услышать ответ.

— Мне нечего было предложить тебе. Битые молью шелка и бархат, нищенское существование, — Атолгар улегся в сено и закинул руки за голову. — Моя мать возненавидела отца, поняв, что сменила яркую столицу на деревню. Я не хотел так.

— Мы похожи? С твоей мамой?

— Нет, — он смущенно улыбнулся, — но страхи порой сильнее нас и нашего разума.

— И это говорит глава боевого Ковена, — поддела я своего супруга.

— Я король, — обиженно поправил меня Атолгар и рассмеялся.

Мимо промчался всадник. Клювастый профиль Чумного заставил мое сердце дрогнуть.

— Ты мое сердце, — вновь заговорил Атолгар, — а я?

— Моя память принесла неожиданные сюрпризы. Однажды я уже полюбила тебя. Затем испугалась. Полюблю вновь. Хотя, любить своего супруга — это так пошло.

— И не модно, — подхватил немного погрузневший Атолгар. И поняла, что его гложет:

— Я буду тебе верна. Первая Королева станет образцом для всех дам. Никакого разврата за твоей спиной. Обещаю.

Атолгар приподнялся на локте и поцеловал мою ладонь.

— Что за список? — перевел тему боец.

— Мои воспоминания, и дамы, которые по мнению леди Ходери достойны составить мою свиту.

— Из наших кто-то есть?

— Наших я сама выберу. Проклятые Духи, Атти, а мы справимся?

— Обязательно справимся. Я вот сегодня с Квинтом справился, — хохотнул Амлаут. —

Он одного эльфа с девкой перепутал, а тот не признался пока до главного не дошло. Представляешь разочарование нашего буяна?

Я подавилась чаем так, что слезы брызнули из глаз.

— Эльф жив?

— Только благодаря мне, — он тяжело вздохнул. — Родная моя, ты бы сходила к этим ушастым засранцам, объяснила, что человеческая мораль не настолько гибкая в этом плане? Я ведь когда-нибудь не успею.

— Спасибо, супруг мой драгоценный, — ошарашенно выдавила я. — А почему я?

— Мне неловко, да и там один ушастик мне глазки строит, я не уверен, но боюсь. И еще хорошие новости, наш королевский двор прибудет через неделю. Прослышав о наличии гуляющих по стройке века эльфов дамы накрутили своих мужей, и те решились давать присягу.

— То есть мы будем принимать клятвы верности здесь, — я скептически обвела взглядом строительные развалины, никак иначе я не могла это обозвать.

— Крепость останется крепостью, — кивнул Атолгар, — я туда никого не пущу. Это наш дом.

— Да я не спорю, — легко улыбаюсь, — а ведь даже и не плохо. Такой коронации точно ни у кого еще не было.

— Вот за это я к тебе и равнодушен, — Атолгар встал, коснулся губами моего виска и ушел. Радовать бойцов предстоящей работой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net